МНОГОМЕРНОЕ
ПРОШЛОЕ

С. И. Валянский,
Д. В. Калюжный,
А. М. Жабинский

3

О солдатах, кораблях и арбалетах

ТЕРРА–КНИЖНЫЙ КЛУБ

1 МНОГОМЕРНОЕ ПРОШЛОЕ

2 МНОГОМЕРНОЕ ПРОШЛОЕ

3 МНОГОМЕРНОЕ ПРОШЛОЕ

МНОГОМЕРНОЕ ПРОШЛОЕ

В ТРЕХ ТОМАХ

Том 3

С. И. Валянский,
Д. В. Калюжный,
А. М. Жабинский

О солдатах, кораблях и арбалетах

МОСКВА
ТЕРРА–КНИЖНЫЙ КЛУБ
2003

УДК 930.9
ББК 63.3(0)
М73

Оформление художника
И. МАРЕВА

Многомерное прошлое: Культурологическое исследование. В 3 т. Т. 3: Валянский С. И., Калюжный Д. В., Жабинский А. М. О солдатах, кораблях и арбалетах. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2003. — 288 с.: ил.
М73

ISBN 5-275-00893-7 (т. 3)
ISBN 5-275-00890-2

Без прошлого, как известно, нет настоящего и будущего. «Насколько верна эта версия нашего прошлого, которую мы с вами изучали в школе?» Авторы книги задаются этим вопросом и предлагают взглянуть на историю по-иному, выдвигая свою хронологию исторических событий.

В третий том культурологического исследования вошла монография «О солдатах, кораблях и арбалетах».

УДК 930.9
ББК 63.3(0)

ISBN 5-275-00893-9 (т. 3)
ISBN 5-275-00890-2

Вступление

Наше прошлое весьма многогранно. Кажется, что изучать его можно только «по частям»: вот история науки, вот — литературы, и так далее. И в самом деле, в специализированных вузах изучают историю химии и философии, астрономии и моды, религии и музыкальных инструментов.

Общее, что есть у всех этих «частных» историй — хронология, то есть датировка событий, открытий и жизней деятелей. В нескольких своих книгах, посвященных истории искусства, литературы и науки, на огромном количестве примеров нам удалось показать стилистические параллели в развитии искусства и литературы в разные эпохи: в античность, в раннем и позднем Средневековье.

Анализируя эту ситуацию, мы пришли к выводу, что традиционная хронология неверна.

В самом деле: после потрясающих успехов науки, искусства и литературы в античные времена происходит деэволюция, последовательное забывание всех достижений, с тем чтобы с какого-то момента начался новый виток развития, «повторение пройденного».

Кажется, история человечества искусственно удлинена. И это «удлинение» в самом деле могло произойти из-за того, что европейские историки, завершившие в XVI—XVII веках создание хронологической схемы, были сторонниками идеи циклизма, требующего постоянного повторения событий. А ведь именно это мы видим в традиционной истории!

Крупнейшим хронологом того времени был Иосиф Юст Скалигер (1540—1609). Используя нумерологические приемы масонов, он дал мировой истории датировку в годах от Сотворения мира, а затем Дионисий Петавиус (1583—1652) пересчитал эти даты в годы от Рождества Христова. На протяжении всего XVII века эта новая на то время хронология подвергалась критике со стороны религиозных кругов, а в массах оставалась практически неизвестной и не использовалась. Даже в XVIII веке многие видные ученые (например, Винкельман) избегали пользоваться ею, не доверяли выводам Скалигера. Хронология, которую все мы знаем и в верности которой большинство ныне живущих не сомневается, утвердилась только к концу XIX века и лишь в XX веке стала общепризнанной и традиционной!

Как всякая искусственная схема, она не могла объять всего и оставила без объяснений грандиозное количество фактов, которые теперь называют анахронизмами. Авторы Средневековья вполне непринужденно упоминают в своих трудах античные термины, имена и события, и это было бы естественным, если бы между античностью и Средневековьем не было пресловутых «темных веков». А в рамках традиционной хронологии они об этих именах и событиях за давностью лет не должны были бы знать! Чтобы выйти из затруднений, современные историки объявляют такие упоминания ошибками. В Большом энциклопедическом словаре 2000-го года так и написано: *«Анахронизм — ошибка против хронологии, отнесение какого-либо события, явления к другому времени»*.

Если правильно понимать смысл слов, то история, которую преподают ныне школьникам и студентам, вся в целом, вплоть до начала эпохи Возрождения, может быть названа словом «анахронизм»: ошибка против хронологии.

По нашему мнению, два крупнейших события послужили «материальным» основанием для искажения истории. Это природные катаклизмы XIII — середины XIV века, вроде пандемии чумы, и социально-политические перевороты середины XV века, когда власть в Византии перешла от христиан к мусульманам. После этого недавнее византийское прошлое стало восприниматься европейцами как очень давнее, а затем, когда восторжествовала идея циклизма и была внедрена в сознание людей жесткая хронологическая схема Скалигера, окончательно «разместилось» в «Древней Греции».

Нам нельзя забывать, что Византийская империя называлась Ромейской, в точном значении — Римской; языком империи был греческий язык. Греки, живущие теперь в Греции, до сих пор называют себя ромеями, то есть римлянами. В Средневековье русские летописцы называли Византийскую империю Грецией, а европейские авторы юг Италии, входивший тогда в состав Византийской империи, обозначали как Великую Грецию. Соответственно, в этих двух Грециях было две столицы, и обе назывались словом Рим. Вот что имел в виду русский царь Иван III, когда, по преданию, объявил в 1472 году, что «Первый Рим пал, Второй Рим пал, Москва — третий Рим, а четвертому не бывать». Один Рим — Царьград, Константинополь, построенный византийцами, пал перед мусульманином; второй Рим (тоже построенный византийцами, которым принадлежали до второй половины XIV века эти земли) — перед католиком.

В такой версии *древностью* оказывается история Ромейской (Византийской) империи, протекавшая до XI века н. э., а *античностью* — истории Византийской и Романской (западноевропейской Священной Римской) империй XI—XIII веков. С XIV века началось «Возрождение», а на деле — внедрение византийских достижений в различных землях Западной Европы и искусственное возвеличивание европейского прошлого.

Скалигеровская хронология дала основу так называемому европоцентризму. В самом деле, в традиционной версии все достижения Византии, простиравшейся некогда едва ли не на всю Евразию и включавшей в свой состав также арабские земли и север Африки, оказались приписанными Греции и итальянскому Риму. Например, ныне начало науки как доказательного знания относят к Греции, а Греция — как всем известно, это Балканы и острова Эгейского моря, то есть Европа. На деле же география возникновения и развития греческой науки — это Малая Азия, север Египта, Сицилия, юг Апеннинского полуострова. Общее у них — греческий язык, и не более того. Это первая странность, если говорить о науке.

Вторая заключается в том, что кроме древних греков никто ничего выдающегося для науки не сделал вплоть до

начала Нового времени. Про римлян говорят, что они были прекрасные воины, но никчемные мыслители. Наследница Рима — Византия, знаменита в традиционной истории лишь тем, что в течение тысячелетия своего существования переписывала труды великих эллинов. Тысячу лет! Арабы тоже умом не блистали: максимум, на что их хватило, если верить историкам, так это на перевод великих греческих трудов на арабский язык.

Но вот Средневековье кончается, и Западная Европа, лишь только прочитав переводы хоть с греческого, хоть с арабского, сразу же сообразила, что к чему. Началось развитие науки в точности с того места, на котором остановились древние греки. Так через принятие скалигеровской версии истории Западная Европа приобрела славное древнее греко-римское прошлое, а Византия оказалась каким-то дряхлым, религиозно-фанатичным монстром, существовавшим тысячу лет без всякого развития. Еще одним следствием такой хронологии стала загадка «темных веков», на протяжении которых Европа успешно забывала «славное греко-римское прошлое», чтобы стартовать с нуля.

Всё это относится и к теме войн, к которой мы приступаем.

Здесь, как и в других наших книгах, мы будем максимально широко цитировать профессиональных историков. Ведь нам нет нужды выдумывать «факты» в подтверждение своей версии хронологии: ученые давным-давно их выяснили, но, оставаясь в рамках неверной версии, делали неверные выводы.

Мы просто даем иные объяснения.

Первое, что нужно учитывать: в своем развитии Западная Европа до определенного времени сильно отставала от Византии и арабских стран. Второе: античность непосредственно предшествовала своему собственному «возрождению».

Прежде чем приступить к теме, позвольте привести мнение известного специалиста Франца Меринга (1846—1919). Он пишет, имея в виду Западную Европу:

«...История средневекового военного искусства не имеет крупного интереса. Развитие феодального ленного государства полно войн и военной шумихи, но его военные возможности чрезвычайно малы, войска невелики по численности. В них отсутствует военная дисциплина. Рыцари — главный род войска — имеют так же мало общего с античной или современной кавалерией, как их пешие слуги — их вспомогательные войска — с античной или современной пехотой».

Другими словами, ну какие там еще войны были в Средние века? Вот в античные времена действительно были войны, дисциплина и рыцари!.. И дальше Меринг продолжает в том же духе:

«Война происходит постоянно, но битвы, имеющие действительно историческое значение, как, например, битва на Леквельде или же битва при Гастингсе, очень редки. Даже прославленные войны Гогенштауфенов были простыми драками, о которых грешно говорить как о проявлении какого-нибудь военного искусства».

Итак, по мнению историков, в античности военное искусство было, а вот применительно к Средневековью о нем говорить смешно; теперь войны превратились в простые драки. А потом военное искусство появилось снова, и, что самое поразительное, в развитии своем прошло тот же путь, какой уже был проделан в античности.

Стоит ли верить такой истории? И не пора ли от веры перейти к знаниям?

ИСТОРИЯ И ВРЕМЯ

Проблема хронологии

Вспомогательная историческая дисциплина, хронология, развивалась стараниями большого количества ученых. Иосиф Скалигер (1540—1609), наконец, создал ту хронологическую систему, которая в основных чертах дожила до нашего времени, став общепризнанной и традиционной.

Э. Бикерман в книге «Хронология Древнего мира. Ближний Восток и античность» так описывает процесс развития хронологии:

«Гелланик с острова Лесбос был первым, кто попытался во время Пелопонесской войны подогнать различные системы хронологических указаний к общей модели... По его примеру последующие греческие ученые составили синхронистические таблицы...

Используя труды своих предшественников, христианские историки поставили мирскую хронографию на службу священной истории. Этот «Канон» вошел во вторую часть «Хроники» Евсевия Кесарийского, написанный около 300 г. н. э., был переведен Иеронимом и продолжен им до 378 г. н. э. Компиляция Иеронима явилась основой хронологических знаний на Западе. И. Скалигер, основоположник современной хронологии как науки, попытался восстановить весь труд Евсевия».

Как видим, наука хронология умещается между «попыткой подогнать» историю к неким уже имевшимся старинным схемам, и «попыткой восстановить» эти «попытки подогнать». Причем между этими «попытками» — больше двенадцати столетий, но и эти столетия насчитаны самими хронологами.

Научность их подхода определялась Священным Писанием. По схеме Евсевия — Иеронима, «гражданская» история есть часть истории священной, ее продолжение и завершение. Раз прошлое изложено в Библии, значит, все упомянутые в ней события должны получить в хронологии свое место (точнее, время), начиная с самого первого: Сотворения мира. Все дохристианские приключения должны входить в историю. Все евангельские события должны быть учтены. Все перечисленные в Писании названия народов и стран должны быть приложены к конкретным народам и странам.

Это и было сделано. Кстати, открытие в конце XVI века Америки породило серьезную проблему: индейцы не упомянуты в Библии! Вот почему церковь не запретила тиражировать «языческие книги» Платона: он сообщил об Атлантиде, утопленной еще до христианских времен (разумеется, по воле Божией за грехи). Так удалось объяснить, кто такие индейцы (потомки греховного народа Атлантиды) и махом отпустить грехи всем, убивавшим «краснокожих» по всей Америке. А вот Австралию с ее туземцами открыли уже в начале XVIII века, и ученые обошлись без церковных указаний.

Ветхий Завет, как утверждается в Большом энциклопедическом словаре (БСЭ) 2000 года, состоит из памятников древнееврейской литературы XII—II веков до н. э., а Новый Завет — из памятников раннехристианской литературы, написанных в I и в II веках н. э. Разумеется, даты даны в рамках традиционной хронологии. Если этому поверить, то первоначальная история человечества составлена из памятников литературы, накапливавшихся тысячу четыреста лет. Причем в какой-то своей части эти «памятники» повествуют о событиях, народах и героях, имевших быть от Сотворения мира до начала этого «летописания», то есть охватывают абсолютно бесписьменный период продолжительностью почти в 4500 лет.

Кто писал эти «памятники»? Когда? Можно ли им верить? — такие вопросы не стояли ни перед Евсевием, ни перед Иеронимом, ни, тем более, перед Скалигером, ведь библейская история — не дело рук человеческих, это боговдохновенные тексты, не подлежащие никакому обсуждению и изменению. Не задаются этими вопросами и современные историки.

Теперь посмотрим, что происходило за многие столетия между Евсевием и Скалигером. Об этом сообщает современник Скалигера Жан Боден (1530—1596):

«Иеремия прибавил (к схеме Евсевия) 50 лет, Проспер Аквитанский 60 лет, Пальмьерий Флорентийский 1040 лет ...Сигиберт Галл (составил хронику) от 381 года до 1113 года с приложением неизвестного автора до 1216... Винцент из Бовэ — историю от Сотворения мира до 1250 г. от Рождества Христова. Антонин, архиепископ Флорентийский — историю от Сотворения до 1470 г... Донато Боссо Миланский — до 1489, Иоханн Науклер из Тюбенгена — до 1500, Филипп Бергамский до 1503. Павел Джовио от 1494 до 1540 года. В 1551 году опубликована «Хроника всего света» польского историка Марцина Бельского. Иоханн Карион Любекский создал три книги хроник от Сотворения мира до 1530 года, к которым прибавлено приложение до 1555 года».

Как видим, все перечисленные хронологи группируются в три команды: «древнегреческую» до н. э., «христианскую» IV века н. э. и средневековую XII—XVI веков. Свою лепту внесли также иудейские историографы. Такая дискретность дает нам основания для сомнений в самой хронологии! Версия Скалигера, в которой «как бы» учтены все предыдущие варианты, из политических причин принятая в XVII веке, и даже утвержденная Папой Римским, стала основой истории. Надо признать, за следующие столетия археологи и историки действительно смогли многое прояснить и уточнить, и все же хронологическая схема недалеко ушла от той трактовки событий, которую им дали церковные хронологи.

И в самом деле, история как наука — многомерна, и поскольку традиционная версия — тоже часть этой многомерности, постольку и она имеет право на существование, но лишь как одна из проекций.

О точности же высчитанных хронологами датировок скажем прямо: в исторических процессах время не играет определяющей роли, как бы парадоксально это ни звучало. Время входит в процесс, однако входит не как независимая переменная, а как параметр. Если бы можно было построить график какого-либо исторического процесса, на нем были бы точки, определяемые значениями координат графика. Но хотя эти координаты и зависят от времени, как важного параметра,— самого времени на графике нет. Это значит, что во многих случаях установить точную дату события невозможно, и следует ограничиться определением направления процесса.

Детерминизм же требует, чтобы были найдены однозначные соответствия между временем и событием. Вот почему традиционная версия, однозначная и детерминистская, не верна, и вот почему попытки критики хронологии с тех же детерминистских позиций обычно оканчиваются неудачей. В рамках имеющейся формальной истории работает уже очень большое количество людей, ими проведено полное согласование с их версией имеющихся фактов. У «новичков» просто не хватает ни рук, ни времени, чтобы создать нечто подобное, и они всегда проигрывают, как это было с И. Ньютоном, Н. А. Морозовым и А. Т. Фоменко.

Стержень истории войн

Эволюция человечества, после его выхода из первобытного состояния, постоянно сопровождается войнами. Ради лучшего обеспечения вооруженных столкновений людей внедряются технические изобретения, делаются научные открытия, и все это двигает человечество вперед. Складывается впечатление, что если бы не войны, эволюции не было бы совсем, а дальнейший ход мысли приводит к выводу, что человек изначально нацелен на уничтожение себе подобных. На деле это не так; каждый из нас в отдельности, и наша популяция в целом, воюя, выживают.

Для войн, как правило, есть объективные причины: защита локальными сообществами своей территории, своих торговых интересов, прочих *своих* приоритетов, направленных, прежде всего, на сохранение энергетической, в том числе продовольственной безопасности сообществ. Разве во всех этих случаях речь идет не о выживании?.. Энергетическая безопасность нарушается в результате природных катаклизмов, или исчерпания плодородия земли, или просто из-за демографического «взрыва». В любом случае можно говорить о нехватке жизненного ресурса. Пока этой нехватки не было, люди не воевали. От первобытных времен осталось много рисунков на стенах пещер и на скалах; многие из них показывают сцены охоты, то есть оружие имелось. Но рисунков со сценами войн нет.

Развитие общей динамической системы — человечества, привело к разделению его на подсистемы (сообщества, нации, государства). А эти подсистемы структурируются дальше, в зависимости от интересов общественных групп (производственных, торговых, военных, научных). Каждая подсистема и каждая структура выживают по-своему. Могут сотрудничать, а могут противостоять друг другу в борьбе за ресурс,— что и происходит в большинстве случаев. В этом и реализуется гегелевский принцип «единства и борьбы противоположностей»: кто лучше развит (умнее, сильнее, приспособленнее к природным и прочим условиям), тот выжил и определил направление дальнейшей эволюции. Так вот, спор между подсистемами (опять же, реализуясь через взаимодействие или противостояние внутренних *структур*) оборачивается войной. Дипломатия в таком понимании — частный случай войны.

Чтобы понять историю войн, надо обратить внимание на эволюцию торговли и технологий. В конечном счете, торговая *структура* концентрирует у себя избыточный продукт, распоряжается им и направляет туда, куда ей выгоднее. Например, на содержание государства, которое всей своей мощью защищает интересы торговли. Или в обеспечение собственной безопасности, что тянет за собой технологии, а они, развиваясь, улучшают качество вооруженных сил, позволяя государствам побеждать в войнах, а это меняет стратегический статус территорий, повышая выживаемость сообщества в целом и торговли в частности.

Купец выходит в море, или ведет свой караван по материковым дорогам. Он должен быть уверен в своем корабле и своем вооружении. Купец, у которого лучше корабль, выиграет больше, по сравнению с тем, у кого старое, плохое, несовременное судно. На суше выиграет тот, у кого надежные телеги с крепкими осями и колесами. Купец идет (плывет) с малой охраной, но ее сил должно быть достаточно, чтобы превосходить силы территорий, по которым идет караван, или к берегам которых причаливает корабль.

Когда торговле нужно оружие, сразу идет заказ производителю. А из числа производителей выиграет тот, кто дает более технологичный продукт. Ведь купят у того, чья продукция лучше качеством, а не у того, чьи ножики пусть красивые, но гнутся, стрелы ломаются, а щиты трескаются от удара кулаком. Будешь делать плохие вещи, разоришься

и умрешь, а цель — выживание. Так что из производителей тоже выживет самый лучший. Вот она, эволюция в чистом виде: следующие мастера будут основываться на опыте лучшего мастера, а не худшего. Этот неудачник был, возможно, очень хорошим, душевным человеком, но никудышным технологом и производственником, и выпал из эволюционного процесса.

Хороший купец наймет в свою охрану сильных, умелых солдат и вооружит их современным оружием. Плохой, неудачливый купец наберет в охрану тех, кто остался, и даст им оружие поплоше. На чужой территории разбойники получат поражение от первого, но со всем удовольствием ограбят второго: ведь он слабее. То же самое и на море; пираты не станут рисковать и связываться с заведомо более сильным противником. Они нападут на слабого, отнимут его товар и деньги и за его счет купят себе лучшее оружие. А первый купец, узнав об этом, продолжит «гонку вооружений».

То же самое можно сказать о владыках стран и народов. В своих отношениях с соседями, даже дружеских, они всегда учитывают риски противостояния и стремятся приобрести самое современное оружие, а это беспрестанно подстегивает технический прогресс. В исторической ретроспективе те государства, которые по каким-либо причинам — например, религиозным,— отказывались следовать таким путем, исчезли с политической карты или находятся ныне в подчиненном состоянии. Впрочем, так — не только в ретроспективе, но и ныне, и присно, и во веки веков. Сегодня, кажется, уже всем понятно, что выживаемость России пошла в минус практически сразу после потери страной возможности ненавязчиво и как бы невзначай демонстрировать своим друзьям-соседям большую тяжелую дубину, наш высокотехнологичный военно-промышленный комплекс.

Если же поверить традиционной истории, то получается, что торговля была всегда, а вот техническая, научная эволюция не только петляла «сама по себе», но в некоторые века просто отсутствовала. Так, считается, что Архимед (ок. 287—212 до н. э.) занимался судостроением, конструированием машин для потопления судов, гидростатическим взвешиванием, создал технические устройства, использующие свойства жидкостей. И что же? Казалось бы, его исследова-

ния вызваны запросами практики, но они получили лишь ограниченное применение в технике, преимущественно в сфере его личной конструкторской работы, а затем были на столетия забыты.

Древние финикийцы создали превосходные морские судна. А корабль в старину, скажем прямо, был кладезем технических новинок, каковым стали в наше время авиастроение и космонавтика. Эти корабли были известны повсюду, они наводили ужас на все побережья Средиземного моря. И что же? Прекрасная финикийская техника оказалась ненужной, ее забыли, как и открытия Архимеда. Тысячу лет спустя викинги были вынуждены самостоятельно создавать корабли, сходные с финикийскими. Они нагнали страху на все европейские народы, и уже после них эволюция судостроения не прерывалась.

На таких мелочах и надо ловить истину. В древности, если верить историкам, не развилась практика, учитывающая законы движения тел, зато была создана соответствующая теория. А в Средневековье наоборот: практика была, а теории не было. Вернее, теория-то была — созданная античными греками,— но она никак не использовалась, она была неизвестна.

С XIII по XVII век — пятьсот лет! — в европейской науке главенствовал аристотелизм. По этому учению, чтобы попасть ядром в корабль, надо целиться прямо в корабль. На практике же это будет глупейшим решением, потому что снаряд упадет, не долетев до корабля. Тот, кто так поступит, проиграет бой. Баллисты были известны издревле, пушки — с XIV века, но во все времена что баллисту, что пушку направляли выше объекта стрельбы, зная из практики, что снаряд полетит по кривой. А научную теорию баллистики Никколо Тарталья изложил в книге «Новая наука», вышедшей в свет в 1537 году; математически обосновал ее более чем сто лет спустя Карл Фридрих Гаусс (1777—1855). Что же сделано в области теории в Средние века, от Аристотеля до Тартальи? Ничего.

Традиционная хронология, в рамках которой такие парадоксы — просто в порядке вещей, вызывает недоверие. Мы отрицаем ее, и предлагаем новую, стержень которой — эволюция вооружений. Здесь определяется целый комплекс привходящих обстоятельств: заказ торговли и государст-

венной власти; развитие военного искусства, научной теории и промышленной практики.

Во все времена государство не жалело денег на войну. Кто дал деньги А. Ф. Можайскому, создавшему первый в мире самолет? Военное ведомство. Куда прежде всего попало изобретенное А. С. Поповым радио? На военные корабли. Реактивную авиацию и ракетостроение развивали для военных целей. Космонавтика поныне военная отрасль. История мореплавания показывает ту же картину. До недавнего времени морской капитан даже на торговом судне имел право казнить за невыполнение приказа.

Но военный заказ всегда тянет за собой и гражданские отрасли! Сеть Интернет была задумана как военная разработка, и вызвала мощное развитие электроники и связи. А много раньше потребности артиллерии дали толчок совершенствованию металлургии и металлообработки; потребности авиации привели к быстрому развитию приборостроения. От эволюции науки, техники и производства зависит оборона, сама жизнь людей.

Можно ли себе представить, что, научившись изготавливать высоколегированные стали для орудийных стволов, научившись их сверлить, металлурги затем «забыли» свое умение, а их потомки — даже не внуки, а в семнадцатой степени правнуки — вдруг «вспомнили» и опять занялись металлургией?.. Но именно это следует из традиционной истории. Научились волочить проволоку, забыли (на восемьсот лет). Придумали автоматические приспособления, бросили (на полторы тысячи лет). Освоили всю Ойкумену, определили, что Земля — шар, и даже вычислили ее радиус, и забыли об этом, предпочитая вместо точных карт местности рисовать какие-то детские каракули. Научились писать книги и перестали. Особенно «забывчив» Китай. Изобрели порох, научились делать пушки, и... Правильно, намертво забыли, как их делать.

Если традиционная история показывает, что в какой-то момент люди перестали применять в военной практике какие-то издавна известные технологии, а через несколько столетий начали применять вновь,— не верьте такой истории.

Нумерологи, авторы «истории»

Нам приходится часто встречаться с людьми, интересующимися проблемами хронологии. Нас спрашивают: как же так получается, что археология подтверждает истинность традиционной истории? Или: почему мы нападаем на радиоуглеродный метод датировок, ведь он такой научный?.. А то вдруг спрашивают, в чем суть этого метода. И, наконец, самый частый вопрос: каков был метод работы хронологов XVI века, завершителем труда которых стал Иосиф Скалигер? В самом деле, трудно поверить, что люди, взявшиеся писать историю, сознательно создали всего лишь ее упрощенную *модель*, которую нам теперь удалось разобрать на составные части.

Поскольку освещение темы нашей книги — анализ мировой литературы как источника данных для восстановления хода исторического развития человечества — мы считаем законченным, то для ответа на эти вопросы привлечем мнение других авторов, делая пространные выписки из их трудов. Сначала ответим на вопрос, какой методикой пользовались основные хронологи в XVI—XVII веках, познакомив читателя с их собственными работами.

К сожалению, не существует на русском языке работ Скалигера. По сообщению Е. Габовича, он не переведен с латыни вообще ни на один современный язык. Казалось бы, это совершенно удивительно: как могут вести спор о хронологии «традиционалисты» и так называемые «новые хронологи», если ни те ни другие не имеют книг основоположника?

Однако факт есть факт. Нет Скалигера и на русском языке. Поэтому здесь мы приведем названия некоторых глав его книг; уже из этих названий станет ясно, что его «историческая работа» посвящена расчетам, а не поиску истории. Вот как называются его главы...

Понятие времени и его частей; О днях; О месяцах; О годах и периодах; О разделении года древними греками; О четырехлетиях греков; О восьмилетиях...

О годе Цезаря; О восшествии Августа Цезаря; Об испанской эре; О восшествии Ирода Великого; О годе победы при Акции; О первом годе Августа; О годе корректировки високосов...

Об истинном годе рождения Царя Мессии; Об истинном годе и дне страстей Господних...

Понятно, что в хронологии без расчетов обойтись нельзя,— проблема лишь в том, *какого свойства* эти расчеты. И, к счастью, мы имеем возможность показать, каковы они были у Скалигера и хронологов доскалигеровского периода на примере его свременника Жана Бодена, чья книга «Метод легкого познания истории» вышла недавно в России в прекрасном переводе М. С. Бобковой. Итак, внимание! Вот что сообщает нам о том, как создавалась мировая хронология, Жан Боден.

«Квадрат 12 — 144, а куб — 1728. Ни одна империя в своем существовании не превысила значение суммы этих чисел, поэтому бóльшие числа должны быть отвергнуты. Сферических чисел, включенных в великое число, четыре — 125, 216, 625, 1296. Посредством этих нескольких чисел, в множестве которых имеются не совершенные, не квадраты, не кубы, а также числа, составленные из четных или нечетных разрядов, но не из семерок и девяток, которых в этой бесконечной последовательности относительно немного, нам позволено изучать чудесные изменения почти всех государств. Во-первых, начиная с куба 12, про который некоторые из академиков говорят, что это великое и фатальное число Платона, мы обнаружим, что монархия ассирийцев от царя Нина до Александра Великого воплощает это число в точности, по мнению самого Платона. Меланхтон, Функ и все ученые мужи следуют ему.

Но мы можем пойти дальше и глубже, чем от Нина, от которого Диодор, Геродот, Ктесий, Трог и Юстин начали свой отсчет, так как он первым [учредил] форму правления и основал Вавилон. Более точно было бы говорить, что существовала единая монархия ассирийцев и персов, чем будто бы существовали две различные монархии, в ином случае мы должны выделить царства халдеев, мидян, парфян из ассирийско-персидской монархии и предположить, что обитатели этих областей никогда не были подданными...»

Вот как легко обнаруживает хронолог целую мировую империю — путем расчетов, как Леверье и Адамс планету Нептун!

«От потопа до разрушения храма и еврейского государства Филон насчитывает 1717 лет. Иосиф дает на 200 лет больше, другие — существенно меньше. Я склонен думать, как из правды истории, так и из значимости самого великого числа, что 11 лет должно быть добавлено к срокам Филона, так как результат **должен быть** не меньше и не больше, чем куб 12. В то же самое время египтяне освободились от царя Ас-

сирии, скифы завоевали Малую Азию, сыновья Писистрата были изгнаны из Афин, а Тарквиний был изгнан римлянами. "Семь дней" Даниила должны рассматриваться в этом свете. Хотя среди писателей существуют великие расхождения относительно [времени] рождения Христа, еще Филон, который считается наиболее точным среди всех древних, относит это к 3993 г., Лукидий от этого года отнимает три, Иосиф прибавляет 6 по многим причинам, которые я вполне одобряю, так как получается число 3999, результат квадрата 7 и 9, самым замечательным образом подходящий к изменениям в наиболее важных делах, которые затем последовали. По этой системе смерть Христа приходится на 4000 г. от Творения.

Обратимся к 70 седмицам Даниила, которые заняли 490 лет. Если мы начнем от 7-го года [правления] Дария Длиннорукого, так как Ездра [именно на 7-й год] был послан в Иерусалим для основания города, то 6-й год [является последним завершенным] до времени седмиц; сумма 6 — единственного совершенного простого числа и 70 седмиц, т. е. 7 раз по 70 лет (так как Писание берет день за год), образует другое совершенное число — 496, которое странным образом совпадает с изменениями в управлении. Уяснив это, мы уже не будем путаться в неопределенных догадках и сможем собрать вместе примеры из консульских фаст римлян, так как не может быть ничего более надежного. От основания города до года, когда Юлий Октавиан победил Антония у Акция, был провозглашен Сенатом первым Августом и ему было предложено управление миром, прошло 729 лет, куб 9.

От Августа до Августула, который был назван последним римским императором в фастах (так как он был свергнут Одоакром, королем готов), прошло 496 лет, совершенное число. От основания города до разрушения Империи число лет [содержит] квадрат 7 и [сумму 70] целых седмиц, т. е. 1225. У Цензориния процитирован Варрон, утверждавший, что он слышал Вектия, выдающегося авгура, предсказывающего, что если римское государство безопасно пройдет через 120-летний рубеж, то оно просуществует 1200 лет. Я установил (ОН установил!) именно такое же число лет от Нина до Арбакта, первого царя мидян. Функ добавляет еще три года, другие — меньше. Но это кажется замечательным, что не только от Августа до Августула, но также от времени, когда цари были изгнаны из города, до диктатуры Цезаря снова появляется то же число лет — 496».

Далее Жан Боден продолжает:

«И не только здесь, но от Константина Великого до [года правления] Карла Великого, когда он первым [среди франкских королей] был провозглашен императором в Риме, даже Панвинио, наиболее усердным исследователем римской древности, который хотя и имел большой интерес к истории, но ничего не понимал в числах, все-таки насчитано 496 лет (вот откуда взялась целая эпоха, «каролингское» возрождение,— из даты, однажды проставленной пером Панвинио). От основания Альбы до ее покорения Гостилием так же точно прошло 496 лет. В добавление [приведу] взятый из Саула факт: от первого царя иудеев до Завоевания было насчитано 496 лет, Генебрард прибавляет [к этому числу] 3 года, и Гарц — даже 10, талмудисты же [от 496] вычитают почти 100 лет, но их мнение ничем не подкреплено (а мнение неведомого Саула «подкреплено» тем, что 496 — «совершенное число»). От Возвращения народа и второго строительства Храма до года, когда Ирод был поставлен Сенатом на царство, прошло 496 лет; между Арбактом, первым царем мидян, и Александром Великим прошел тот же период. В самом деле, Македонское царство существовало такое же число лет от Карнея, первого царя, до смерти Александра, хотя Фара отнимает [от 496] 8 лет, другие же добавляют 12, я склонен думать, что истина посередине.

Относительно галльского государства нам предстоит обнаружить еще больше доказательств изменений, находящихся в соотношении с этим числом [496]. Оно состоит из числа Даниила, которое становится совершенным путем добавления совершенного числа 6. Далее оно одно внутри великого числа образуется из девяток и семерок, если целое берется из обоих множителей. Это число совпадает с тем, что отмечали древние, когда говорили, что цикл империй — 500 лет. Но у них не было никакого опыта в подобных расчетах, так как число 500 непреложимо к циклам в человеческих делах или делах природы. По правде говоря, оно и не совершенное, не квадрат, не куб, не сферическое, не сложенное из 7 и 9, не произведено из корней или квадратов этих чисел...

...От основания города до поражения при Каннах 539 лет, которое [число] образовано из 77, взятых 7 раз. К этому времени Римская империя была почти разрушена. От поражения при Каннах до поражения при Барии — 224 года. Оба числа — из целых семерок, и оба поражения произошли во второй день августа. Известно, что Лисандр сравнял с землей стены Афин на 77-й год после победы при Саламине... И также в год нашего Спасителя, 707-й на 7-й год правления короля Родерика, мавры вторглись в Испанию, через 717 лет после этого они были выдворены, как мы можем прочитать у самого Тарафы, испанского писателя.

Что касается куба 7, также имеется много примеров. Это число было избрано Моисеем для учреждения великого праздника. От победы иудеев над Аманом с помощью Эсфири до победы над Антиохом

прошло 343 года, и та и другая победа были одержаны на 13-й день 12-го месяца, который иудеи называют Адар. По этому случаю евреи воздают этому дню великие почести. То же число лет прошло от времени, когда Август один установил контроль, до того времени, когда Константин Великий достиг господства. Царство персов от Кира до Александра продержалось 210 лет — число, которое сформировано из 30 целых семерок.

Лангобарды управляли такое же число лет, хотя Павел Диакон добавляет еще три года, которые остались до убийства Дезидерия. Так же долго англичане держали Кале. Цари Сирии и Малой Азии от Нина, первого царя, до Филиппа, последнего, управляли то же число лет. От исхода евреев из Египта до падения храма и государства насчитывается 900 лет — число, являющееся результатом умножения 9 на одну сотню. Это не дольше, чем от Эврисфена, первого царя спартанцев, до тирана Набиса, которого Филопомен отстранил от власти до того, как тот совершенно изменил тип управления Лаконией.

Законы Ликурга были отменены 567 лет спустя после того, как они были провозглашены, и спартанцев заставили принять обычаи ахейцев».

Взгляд, скользя по бесконечным рядам больших чисел, привыкает к ним, и человек перестает понимать суть вещей. Законы Ликурга отменили через 567 лет после того, как приняли,— сообщает Боден. Много это, или мало? Необходим живой пример, чтобы вернуться в реальность. Читателю, который представляет себе толщу времен, отделяющую нас от Ивана Грозного, поясним: 567 лет — это на сто лет больше, чем от нас до Ивана. Откуда же взялось это безумное число, 567, в нашей хронологии? Жан Боден тут же и отвечает:

«Число получилось умножением квадрата 9 на 7. Но Птолемеи от Сотера до Августа, который придал Египту форму провинции, правили 294 года, а число это состоит из целых семерок [взятых 42 раза]. Государство евреев находилось в упадке 70 лет, то же число лет афиняне держали контроль над Грецией, как писал Аппиан. Готы от Теодориха, своего первого короля, до Аттилы правили 77 лет, как писал в своих фастах Панвинио. Спартанцы 12 лет командовали всей Грецией, Аппиан здесь авторитет. Примеры [с числом 12] я завершу Александром Великим, который пришел к власти за 6 лет до смерти Дария и то же число лет правил после того, как Дарий был убит. После этого блеск его империи померк так же внезапно, как меркнет вспышка [молнии]».

Покончив с легендарной «древней историей», Жан Боден переходит — нет, не к современной, а к «отечественной»,— и опять говорит о легендарной древности: «Но не будем ограничивать себя древней историей, давайте используем отечественные примеры и сделаем столь же тщательное сравнение хронологии Жана дю Тилле с фастами. Галлия подчинялась римлянам от окончательной победы Цезаря...» Очевидно, что он ведет речь не об истории как прошлом человечества, а всего лишь об истории как сочинении человеческого ума. Закончил с выдумками и расчетами «древних» авторов, перешел к выдумкам и расчетам «отечественных». Причем древние могли жить лет за сто до него.

Однако продолжим:

«Галлия подчинялась римлянам от окончательной победы Цезаря над галлами до времени маркоманов, когда вожди франков, полагаясь на силу своих воинов, отказались платить подать правителю Валентиниану в 441 г., число, которое образовано из квадрата 7, умноженного на 9, затем до [начала правления] Варамунда [прошло] 9 лет, до конца же его правления [прошло количество лет, равное] 9, взятых три раза. Но со времени, когда он был назван герцогом, до Пипина, который как майордом узурпировал власть и сверг короля Хильдерика, [минуло] 343 года, [значение] куба 7. От убийства Сиагрия, последнего римлянина, управлявшего Галлией, до Капета, галла по происхождению, хотя немцы отрицают это, и анжуйца по рождению, который отнял власть у первых франкских королей, количество лет представляет совершенное число 496. От Варамунда до Капета прошло 567 лет, это число получается через квадрат 9, помноженный на 7. И вновь от Варамунда до Гуго Великого и от последнего до изгнания Людовика IV знатью и его пленения насчитывается 512 лет — чистый куб».

Тут Боден подходит к своим временам, от которых вспять, к легендарным Карлу Великому и Капету, собственно, и можно отсчитывать магические годы, но почему-то становится скупее на слова и числа. Не находит он примеров для близких от себя веков. Итак:

От измены Карла Бурбона и пленения [короля] до Франциска и его времени прошло в квадрате дважды по 12, т. е. 567 лет (дважды какое число ни бери, нечетного не получишь; это он уже сам запутался, откуда получал свое знаменитое число 567). То же число насчитывается от [первого] Капета до той проклятой и ужасной войны, которая недавно пролила кровь граждан (здесь число уже не названо, и дальше их будет всего ничего; чем ближе Боден к истории, которую должен знать лучше всего,— к истории ближайшего к нему прошлого, тем скорее исчезают цифры). И не больше и не меньше [про-

Средневековая миниатюра 1253—1270.
Иисус Навин останавливает Солнце

шло лет] от пленения Карла, герцога Лотарингского (Капетом устраненного от законной линии наследования и заключенного в Орлеане), до другого Карла Лотарингского, который, когда он достиг королевской власти, отправил потомка Капета в Орлеан, в обоих случаях Орлеан был дьявольским предвестником для рода лотарингцев.

От Карла Простоватого, которого задержали как пленника, когда он самовольно вступил в Перонну, до Людовика, последнего простака для всех, который добровольно и совершенно бездумно также удалился в Перонну и был захвачен графом Карлом, мы имеем 540 лет — число, состоящее из целых девяток. И вновь от Капета до памятного похода Карла VIII в Италию насчитывается 496 лет — полное и совершенное число. От падения королевства ломбардцев и до завоевания этой области Карлом Великим, («завоевания лангобардов Карлом Великим», поясняет переводчик, и мы понимаем, почему: при «историческом» Карле Великом не должно было еще быть ломбардцев) до сходного похода и покорения Ломбардии Людовиком XII насчитываем 729 лет — чистый куб 9.

Сразу после Карла Великого (IX век) Боден спешит закончить свое исследование:

В это время у венецианцев не было стабильного правительства, но они получили свободу по соглашению между Никифором и Карлом Великим. И вследствие этого государство венецианцев существовало еще 729 лет (объяснения числу Боден почему-то не дает; возможно, потому, что Венеция и вправду существовала, никуда не исчезая), когда император Максимилиан, Людовик XII, король Фердинанд, Папа Юлий II планировали разрушить это государство, и когда оно было почти уничтожено; кроме того, турецкий султанат и даже сама судьба вступили в сговор со столь многочисленными и столь великими врагами (добрался до XVI века и, кажется, в самом деле начинает писать историю!). Городу, внезапно загоревшемуся от серного порошка, грозила большая беда, нескончаемые запасы золота были погружены на суда и потеряны в кораблекрушении. В самом деле, в это время венецианцы показали меру своих возможностей и мудрости. Также стоит отметить, что от Готфрида, который в знаменитой победе разбил персов и освободил Сирию от рабства, до последнего Балдуина, который был захвачен Саладином, минуло 90 лет — число, состоящее из целых девяток (провалился в XII век и опять схватился за калькулятор). Далее, 56 лет — от Балдуина до Палеологов — галлы удерживали контроль над греками; папский престол, однако, управлял там 70 лет. Каждое число состоит из целых семерок.

Однако я никогда не закончу, если буду и дальше приводить примеры, число которых действительно бесконечно. Но даже благодаря тем примерам, которые я дал для имеющих досуг [людей], через беспристрастные и точные факты истории возможно куда точнее обосновать изменения в государствах и более достоверно и ясно предвидеть то, что произойдет (хотя это известно одному Богу), чем при помощи пустяковых и ошибочных догадок Кардана».

Кардан — астролог. Он рассчитывает хронологию не через оккультные нумерологические упражнения, которым был привержен Жан Боден (и Скалигер), а изучая положение звезд. Несколько страниц подряд Боден поносит такой ненаучный подход к проблеме, да и самих астрологов в придачу. Еще бы: они конкуренты нумерологов. Правда, к реальной истории человечества расчеты ни тех, ни этих не имеют никакого отношения. Причем помимо нумерологической и астрологической, были и другие «системы» создания хронологии. Не зря же Боден пишет после суровой отповеди астрологам:

«Ни одна система не кажется мне более простой, чем та, что основывает циклы (которые Птолемей называл «эпохами» и Альфонс — «эрами», т.е. «корнями» — по-испански) на числах, беря за начало возникновение каждой отдельной империи, подобно тому как во время лихорадки мы имеем обычаи предсказывать здоровье или смерть по решающим дням, ведь, если некоторые заболевают в разное время, один и тот же день может быть благоприятным для здоровья одних, тогда как для других это может означать конец (но иногда сила звезд и их гибельное влияние таковы, что независимо от дней это влияет на нескольких [человек] в один момент). Империи, как писал Полибий, борются со своими собственными болезнями, поэтому иногда они гибнут под воздействием внешних сил, а иногда конец соответствует их природе, определенной ясным рядом решающих чисел».

То, что вы прочитали, и есть рассказанный специалистом — Жаном Боденом — метод масонов-нумерологов, применявшийся для расчета истории человечества. Если кто-то продолжает верить в истинность традиционной истории, даты которой рассчитаны этими людьми,— что ж, вольному воля. А на наш взгляд — астрологи, нумерологи и прорицатели, вот кто дал человечеству «историю». Верна ли она? Думаем, что нет, и говорим об этом, предлагая свои аргументы. Слышат ли нас историки? Нет. Ученые (!) не желают прислушиваться к чужим аргументам, ограничиваясь насмешками и разоблачениями типа... Впрочем, не будем цитировать «разоблачителей», а приведем мнение И. Бестужева-Лады:

«Чаще всего демонстрируются три приема, характерные для носителей навязчивых идей с древнейших времен до наших дней. По латыни они называются argumentum ad hominem, ad absurdum, ad rerum ignorum»,— что означает подмену аргумента, нелепость утверждения и ссылку на неведомое.

По отношению к нам, противникам традиционной хронологии, именно эти три приема и демонстрируются теми, кто все-таки берется обсуждать (точнее, осуждать) наши книги. Сначала аргумент подменяется характеристикой оппонента. Эти люди — маньяки, говорят о нас. Ну разве могли каббалисты, нумерологи и чернокнижники писать историю? Конечно, нет, ее писали серьезные ученые, а то, что они одновременно были каббалистами, нумерологами и чернокнижниками, не важно. Так мы, выступая против традиционной хронологии, предстаем какими-то искателями «жидо-масонского заговора».

Затем читателя ошеломляют явной нелепостью наших утверждений. Парфенон и готические соборы строились одновременно! Невероятно!!! Наконец, нас «обвиняют» в том, что мы ссылаемся на нечто никому неведомое — на книги какого-то Жана Бодена — и игнорируем то, что всем известно, например, что Рим построил Ромул в VIII веке до н. э.

Самое же смешное, что все «три приема» подавления оппонента, описанные И. Бестужевым-Ладой, демонстрируют по отношению к нам такие «носители навязчивых идей», как историки традиционной школы!

Хронология без гвоздя

Мало кто замечает, что традиционная хронология нашей цивилизации «подвешена» в воздухе,— она, как та пресловутая картина, висит без гвоздя, поскольку не связана с общей хронологией не только геологической, но и биологической жизни на планете. Об этом, наверное, догадываются только ученые, специализация которых начинается с приставки «палео...» — палеоботаники, палеоантропологи, а в массе своей люди этого не видят, потому что и эти

науки, и история используют одинаковые единицы измерения: годы, века, тысячелетия.

Этот отсутствующий «гвоздь» — эра от Сотворения мира.

«Бог сотворил небо и землю. Сначала земля была пустынна, ничего не было на земле. Тьма скрывала океан, над водами носился Дух Божий. И тогда Бог сказал: «Да будет свет!», и воссиял свет. Бог увидел свет и понял, что это хорошо. Затем Бог отделил свет от тьмы. И назвал Он свет — днём, а тьму — ночью.

И был вечер, а потом было утро. Это был день первый».

Затем Библия[1] описывает остальные дни, когда были созданы Богом светила, рыбы, птицы, и на шестой день — наземные животные и люди, которые уже обладали речью, ибо сказал им Господь: «Наполняйте землю и владейте ею». Сразу началась история человечества: Каин, Авель, их многочисленные жены, Сиф, Енос, Малелеил, возрастание зла между людьми... Затем мы наблюдаем первое проявление «цикличности» в истории: Бог потопил всех, кроме семьи Ноя, и история началась сначала.

Так вот, все хронологи, начиная от Евсевия и до Скалигера, рассчитывали даты человеческой истории ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА. Многие библейские сказания, с прицепленными к ним датами, поныне входят в курс истории. А уж Скалигер-то без всяких экивоков привязывал историю к Библии. Например, вот как называются главы его Книги Пятой, помещенные в разделе, в котором говорится «о временных эпохах»:

О Сотворении мира; О потопе; Об исходе евреев; О первом саббатическом годе; О падении Илиона; О строительстве Храма Соломона; Об освящении Храма Соломона.

О первом годе Самаритян; О начале Олимпиад; О первых Палилиях Города по Варрону; О первом Тоте Набонассара; О восшествии Меродаха или Мардокемпада; О смерти Ромула.

О восшествии Езекии Святого — царя Иудеи; О восшествии Набополассара, царя Халдеи; О восшествии Навуходоносора; О годе пленения Иехонии; О годе пленения Седекии и разрушении Храма.

[1] Цитируется по «Библия. Современный перевод библейских текстов». Всемирный Библейский Переводческий Центр. М., 1993.

О первом годе Хевилмеродаха; О восшествии Кира; О восшествии Камбиза, царя Персии; О восшествии Дария, сына Гистаспа; О годе консульства Юния Брута и изгнании царей.

О поражении персов при Марафоне; О восшествии Ксеркса; О переходе Ксеркса [через Геллеспонт]; О начале Пелопонесской войны; О смерти Ксеркса; О смерти Артаксеркса Лонгимана и восшествии Дария Нотха; О восшествии Артаксеркса Мнемона.

О походе Кира Младшего; О битве у Аллии; О битве при Левктрах; О первом годе Калиппа и начале азиатской империи Александра; О первом Тоте года Филиппа и смерти Александра...

...О Никейском соборе; О первом индиктионе Константина; Об основании города Константинополя и его освящении, и т. д.

Итак, Скалигер впрямую выстроил историю человечества от библейского Сотворения мира Господом Богом и до Константиновых времен, а потом и до своего времени, трудолюбиво заполняя все пустоты. Однако уже в его время стало понятным, что Земля много старше нескольких тысяч лет, прошедших «от Сотворения». И уже вскоре Дионисий Петавиус пересчитал скалигеровские даты на новую эру — от Рождества Христова, время которого высчитали сами же хронологи, оставаясь *внутри* хронологии от Сотворения мира. Новая христианская (гностическая?) хронология как бы «оторвалась» от прежней, ветхозаветной, но ведь на самом-то деле она продолжает висеть «без гвоздя»! Кстати, по мусульманской истории эпохи Моисея и Христа совпадают, а по христианской между ними более тысячи лет, вполне заполненных историческими событиями. Откуда они взялись?..

Нельзя сказать, что историкам это неизвестно. Известно. Но поскольку проблема хронологии не столько историческая, сколько философская, наш с ними разговор идет будто бы на разных языках. Для примера, представьте себе беседу офтальмолога с художником. Оба говорят о зрении, но один рассуждает о том, КАК глаз видит, а другой — о том, ЧТО глаз видит.

Мы им говорим об истории как эволюционном развитии человечества (и во всей совокупности, и в отдельных местностях). Мы говорим также о возможности (и необхо-

димости) восстановления ЭТОЙ истории на основе анализа материальных свидетельств такой эволюции, какими являются произведения ремесла, искусства и литературы, поскольку именно они прошли тот самый эволюционный путь развития.

А нам отвечают: Скалигер, сопоставляя «факты, сообщенные разными древними авторами в разных системах летосчисления», свел их в одну таблицу и создал свою систему, высчитав собственную дату «сотворения мира». Что означает: спасибо, ребята, в ваших услугах историки не нуждаются, им уже все ясно.

Время собирать камни и время разбрасывать камни. В XVI—XVII веках было «время хронологов», которые создали «концепцию». На XVIII и XIX века пришлось время археологов, которые ее подтвердили, и искусствоведов, которые атрибутировали произведения искусства...

Посмотрим же, как работали археологи.

Некий Г. Шлиман, отнюдь не ученый, а спекулянт, наживший деньги на военных поставках, вычитав в одной книжке, что был такой город — Троя, и была там битва, а в другой книжке — что битва была в XIII веке до н. э., решил Трою найти. И что вы думаете? Он откопал город, и ОБЪЯВИЛ, что нашел Трою. В самом деле: вот развалины, значит, здесь был город, и была битва. Ну, что вам еще?

Пример, конечно, убогий, но спросите историков и они вам скажут, что археология ПОДТВЕРДИЛА и скалигеровскую историю, и его же хронологию.

В отличие от криминалистики, которая, даже пользуясь современнейшими методами, хоть ты тресни, не может внятно объяснить, кто убил, а кто убитый (вспомните хотя бы эпопею с опознанием останков Николая II), археология легко определяет, кто Агамемнон, а кто Тутанхамон (или, скажем, скелет Василия Ивановича). Правда, если историки покажут в нужную сторону пальцем.

«Хотелось бы обратить внимание читателя и на еще один, с нашей точки зрения, очень важный вывод,— пишет историк Н. Ходаковский.— Если средневековая история ранее XV века искажалась в основном в результате естественных непреднамеренных ошибок, то с конца XV до начала XVII века велась, видимо, целенаправленная фальсификация истории как этого, так и более раннего периода. В результате сегодня мы рассматриваем всю средневековую историю ранее начала XVII века сквозь призму фальсификаций XVI—XVII веков. Этот образ искажающей

призмы следует постоянно иметь в виду, если мы хотим наконец разобраться в событиях ранее XVII века».

...Пришел XX век, наступило время толкователей, «доведших» концепцию до совершенства, и время учителей, которые столь успешно внедрили эту, с позволения сказать, «историю» в умы людей, что совсем забылось, откуда она взялась. Теперь уже не рассказывают на уроках в школах про Адама, Ноя и Иафета, а начинают с пещерного человека, но Моисей между тем продолжает бродить по пустыне, Эсфирь сводит с ума Артаксеркса, Герон Александрийский мастерит роботов, а Нерон поджигает Рим и преследует христиан.

Наконец, ближе к началу XXI века круг завершился, появились новые идеи о хронологии. Это правильно и естественно: без таких перемен вообще не было бы никакого развития. Но тут оказалось, что «альтернативным хронологам» не с кем спорить. Историки специализировались настолько узко, что специалист, например, по папскому Риму XVI века не желает ничего знать не только о Париже того же времени, но и о папском Риме XIV века. Монголы, турки, византийцы, арабы и крестоносцы воюют одной толпою на одном и том же клочке суши неведомо с кем, не замечая друг друга — только потому, что не замечают друг друга узкоспециализированные историки. Параллели между древней и средневековой историей очевидны,— но не для историков, возделывающих свои маленькие огородики.

А хронологией не занимается никто, кроме тех немногих, кого академические мудрецы призвали в ряды антифоменковцев. Да и эти заняты не хронологией (поскольку им в ней «всё ясно»), а отбрёхиванием от академика А. Т. Фоменко, а что это именно так, подтверждается их полным невниманием к нашим исследованиям, ведь мы не академики, и никому не оттаптываем любимую мозоль. А страдает наука, если не сказать больше. Ведь если человечество в своих представлениях о прошлом остается на уровне XVI века, то в прогнозах будущего ему не на что рассчитывать, кроме как на центурии Мишеля Нострадамуса. Случайно ли, что в последнее время нарастает количество «исследований» современных нумерологов, выпускающих книжки типа «Ритмы истории», «Принципы истории» и т. п. Они всю историю рассчитали наперед; их вполне удовлетворяет ска-

лигеровская хронология, которая и лежит в основе их предсказаний.

Один из излюбленных козырей историков — радиоуглеродный метод датировок.

Да, действительно, XX век дал такую новинку. Казалось бы, уж теперь-то наконец всё станет окончательно ясно! Но вопреки ожиданиям, разочарований было больше, чем ясности. Конечно, изобретатели метода и люди, практикующие его, не любят распространяться о неудачах (и понятно почему,— о неудачах никто не любит распространяться). В наших предыдущих книгах, и в книгах других авторов, не согласных с традиционной историей, вы найдете немало примеров ошибок, разночтений и просто подлогов, имевших место при использовании этого метода. Не будем повторяться, а дадим слово независимому специалисту. Ян Уилсон занимается датировкой так называемой «Туринской плащаницы». Вот что пишет он о применении радиоуглеродного метода:

«...Истинный вопрос, подлежащий обсуждению, состоит вот в чем: насколько весь метод углеродной датировки как раздел ядерной физики оправдывает ту репутацию непогрешимости, которую ему приписали средства массовой информации и на которую когда-то так надеялись археологи...

Если послушать, что большинство физиков говорят о точности такого рода датировки, можно подумать, что она в той же степени безупречна, в какой был в представлении высшего общества 1912 г. непотопляем «Титаник», и поэтому датировка плащаницы должна быть принята без малейших сомнений.

Но если послушать археологов, основных потребителей результатов углеродного датирования, то тут все будет по-другому. За несколько лет до того, как плащаница была подвергнута углеродному исследованию, Билл Мичем, американский археолог, работающий в Музее истории Гонконга, предупредил об опасностях рассмотрения углеродного датирования в качестве верховного арбитра при определении возраста плащаницы. Среди длинного списка лиц, которым Мичем выговаривал за то, что они слишком доверяли углеродной датировке, был и я, легкомысленно написавший в 1978 г., что это «раз и навсегда решает вопрос, является ли плащаница подделкой XIV в.».

Дело в том, что одной из тех особенностей углеродной датировки, которые больше всего вводят в заблуждение неспециалиста, является будто бы очень небольшое поле ошибки: в случае с плащаницей — это 95 процентов вероятности или «предел уверенности» за точность

даты приблизительно с 1260 по 1390 г. Мы иногда не достаточно отчетливо понимаем, что эти поля представляют собой гипотетические статистические понятия, а не действительные параметры истинной даты.

Ибо нет сомнения, что даже в самое последнее время археология пестрит примерами таких резко отличающихся результатов, что цитируемые допуски поля ошибки могут вводить в серьезные заблуждения.

Один пример касается мощного извержения вулкана в эпоху Бронзового века на Эгейском острове Фера, или Санторин, которое засыпало порт Акротири и другие поселения на самой Фере и, возможно, также обусловило гибель Минойской цивилизации на Крите в периметре шестидесяти миль. Историки считают, что это событие произошло примерно в 1500 г. до Р. Х. Но когда органические материалы, сохраненные извержением, были подвергнуты углеродному анализу, вычисленные даты вызвали больше смятения, чем ясности. По словам современного археолога профессора Кристоса Думоса:

«Применение метода радиоуглеродного датирования... к сожалению, не принесло успеха... На протяжении десятилетия 1967—77 гг. была обработана целая серия образцов... и получен широкий разброс дат... Взятые образцы были разделены на два класса: долговечные (древесный уголь или древесина) и недолговечные (бобы, зерно, кустарник), и в обоих случаях были получены даты разрушения Акротири с несоответствиями, различающимися от 1100, плюс-минус 190 лет до Р. Х. и до 2590 плюс-минус восемьдесят лет до Р. Х. Некоторые специалисты думают, что здесь, вероятно, сыграли свою роль выбросы вулканических газов».

Другой пример касается одного из самых последних приобретений Британского музея, «Человека из Линдоу» — хорошо сохранившейся верхней части тела человека, приблизительно двадцати пяти лет,— которого выкопали в 1984 г. из торфяника в Чешире, Англия. Очевидно, что он был жертвой кельтского ритуала человеческого жертвоприношения. Согласно докладу Британского журнала «Современная археология» в 1986 г.:

«...Не сняты проблемы относительно его («Человека из Линдоу») датировки. Получены три набора радиоуглеродных дат. Среди них есть полученные традиционными методами при анализе почвы торфяника, который его окружал. Результаты, полученные как в Харуэлле, так и в Британском музее, соответствовали приблизительно 300 году до Р. Х.— эту дату и выбрали для обнародования. Другие даты были получены двумя новыми уникальными лабораториями измерений малых величин в Харуэлле и в Оксфорде, которые могут датировать крошечные образцы тела, волос, костей и кожи. Однако, тогда как все оксфордские анализы образцов методично отсылают к I в. н. э., работая с теми же образ-

цами, исследователи в Харуэлле с таким же постоянством фиксировали в качестве результата V в. н. э. Некоторое время думали, что разница может быть обусловлена различной подготовкой материала к исследованию в разных лабораториях, поэтому лаборатории обменялись образцами после предварительной обработки, но результаты измерения оказались в каждой лаборатории прежними. Археологический мир, затаив дыхание, ждет, как эта проблема разрешится».

Но пока проблема так и остается нерешенной. В самой последней публикации Британского музея о радиоуглеродном датировании, доктор Шеридан Боуман, новый заведующий научно-исследовательской лабораторией музея, замечает: «Дата совершения «убийства» такая же загадка, как и его мотив». И особенно важно отметить, что все группы специалистов, которые ошиблись на четырнадцать столетий в случае Феры и на восемь в случае «Человека из Линдоу», сами признают возможность ошибки всего лишь на плюс-минус сто лет. Уже эти два примера говорят о том, что провозглашенные радиоуглеродными лабораториями допуски точности не соответствуют тому, на что они претендуют.

Глубина проблемы становится еще более ясной из многочисленных примеров в области археологии, когда археологам давали радиоуглеродные даты, с которыми они не могли согласиться, но при этом не имели достаточно надежных альтернативных данных, чтобы настоять на своем. Например, известный британский археолог, доктор Розали Дэвид, говорит о египетской мумии 1770 из собрания ее отдела в Манчестерском музее, мумии, которую она и ее коллеги, используя строго научные методы, развернули в 1975 г. Когда она послала кости и повязки мумии для датировки в радиоуглеродную лабораторию Британского музея, она получила удивительный результат: кости оказались на восемьсот или тысячу лет старше, чем повязки. В результате доктор Дэвид разрывалась между двумя гипотезами: первая, что мумию, возможно, снова перебинтовали через восемьсот или тысячу лет после смерти; и вторая, что, вероятно, нечто в смолах и мазях, использованных для мумификации, подействовало каким-то еще неизвестным образом на правильность радиоуглеродной даты.

Но еще больше усложняет этот вопрос то, что как раз одновременно с подготовкой публикации этой книги лаборатория Британского музея объявила, что во всех датировках, произведенных с 1980 по 1984 г., включая ее работу над мумией 1770, вкралась системная ошибка. Очевидно, она была обусловлена недопустимым испарением в современных контрольных образцах, использованных в этот период. Специалисты заявили, что хотя в большинстве случаев ошибка не превышала двухсот или трехсот лет, они не сумели внести необходимые исправления, определяя возраст манчестерской мумии, и таким образом сделали еще более трудным выбор доктора Дэвид между двумя вероятностями.

То, что такие примеры — не редкий анекдот, что погрешности в углеродной датировке имеют фундаментальную основу, в чем физики не желают признаться, было недавно еще раз продемонстрировано сравнительной проверкой, организованной Британским советом по научно-техническим исследованиям. Тридцать восемь лабораторий использовали как общепринятый метод Либби, так и современный метод спектрального анализа массы, и каждой были даны материалы, возраст которых заранее был известен организаторам, но не известен лабораториям. Потрясающим открытием этого вполне научного испытания было то, что действительное поле ошибок у всех лабораторий в среднем оказывалось в два и три раза больше, чем заявленное. Из тридцати восьми лабораторий только семь представили результаты, которые организаторы испытания сочли удовлетворительными, а те, что использовали новый метод спектрального анализа массы, показали особенно скверные результаты.

...Невозможно отрицать, что метод углеродной датировки, несмотря на всю сверхнаучную точность, которая с ним ассоциируется, может привести к ошибке в результатах, да так оно и случается иной раз. На углеродный анализ следует смотреть как на инструмент, а не как непререкаемого и непогрешимого судью».

Затем, на последней странице своей книги, Ян Уилсон помещает «Экстренное сообщение»:

«Со времени выхода этой книги в твердой обложке продолжают поступать сообщения о примерах аномалий в радиоуглеродной датировке. Об одном из них сообщил греческий археолог Спирос Яковидис во время международной научной и археологической конференции, проводимой на острове Фера в Греции в 1989 г.:

«Относительно надежности радиоуглеродной датировки я хотел бы упомянуть нечто, произошедшее со мной во время моих раскопок в Гла (Беотия, Греция). Я послал в две разные лаборатории, в двух разных концах света, определенное количество одного и того же подгоревшего зерна. И получил два результата с разницей в 2000 лет, а археологические данные находятся как раз посередине. Мне кажется, что этому методу нельзя чрезмерно доверять».

Нам остается с этим только согласиться. Применять надо, но «чрезмерно доверять» — нельзя. Необходимо исследовать образцы разными методами, и только при совпадении результатов делать выводы, а затем использовать эти выводы для реконструкции прошлого и построения исто-

рии, а не наоборот: когда сначала придумывают историю, а потом под нее «выбирают» правильную дату анализа.

О радиоуглеродном методе приведем еще мнение, высказанное Гарри Каспаровым:

«Радиоуглерод, дендрохронология (изучение годичных колец стволов деревьев), термолюминесцентный метод, который связан с определением возраста обжига глины, масса других — все они не являются точными и не могут использоваться для датировки каких-либо событий, происходивших не так давно. Радиоуглеродный анализ С-14 очень хорош для определения возраста динозавров, там, где миллион лет туда или сюда не имеет никакого значения. На промежутке в пять тысяч лет радиоуглеродный метод применяться не может, потому что чреват слишком большими отклонениями. Это знает каждый уважающий себя физик. Да, этот метод можно совмещать дендрохронологией. Проблема в том, что большинство деревьев не проживает 1000-летний возраст, а это означает, что серьезного подтверждения датировки в древней истории двумя способами одновременно уже не получить. Можно вспомнить еще несколько методов, но все они научно недостаточны, и серьезный ученый обязан это подтвердить».

Итак, мы привели мнение человека постороннего к спору хронологов (Яна Уилсона), а затем сторонника «Новой хронологии» (Гарри Каспарова). В завершение дадим слово и ее противнику, серьезно и аргументированно критикующему историческую концепцию А. Т. Фоменко — а именно Устину Чащихину. Он пишет (в сборнике «Так оно и оказалось!»):

«Следует отметить, что все естественнонаучные методы датирования, в том числе и эти, и используемые Фоменко, имеют один и тот же принципиальный недостаток — в каждом из них дата не измеряется, а вычисляется на основании косвенных данных, то есть всякий естественнонаучный метод датирования содержит некоторую долю условности — и С-14, и методы Фоменко. Если Фоменко отвергает С-14, то почему никогда не подвергает сомнению свои «методы»?

Объективности ради следует прокомментировать статью Дергачева[1], в которой он критикует «новую хронологию» Фоменко и защищает

[1] Дергачев В. А. Статья в сб. «История и антиистория. Критика “новой хронологии” академика А. Т. Фоменко». Языки русской культуры. М., 2000.

радиоуглеродный и дендрохронологический методы датирования... О радиоуглеродном датировании в работе (...)[1] написано весьма скептически:

«проблемы радиоуглеродного метода датирования неоспоримо глубоки и серьезны... было бы неудивительно, если целая половина датировок была бы отвергнута. Удивительно, если остальная половина была бы принята».

Что касается дендрохронологии, то за год иногда бывает два и даже больше двух древесных колец (...). О датировке по торфяникам, ленточным отложениям глин в озерах, имеющих слоистую структуру, и слоям льда в полярных областях (...) следует сказать особо.

Сенсационные открытия (...), опубликованные Французской академией наук и Французским геологическим обществом (...) показывают, что процесс отложения слоистых пород был практически одновременным и быстрым, и эти открытия переворачивают всю униформистскую геохронологию. Экспериментально обнаружено, что слоистые отложения формируются по мере движения вдоль лабораторного желоба потока воды, несущего крупный и мелкий песок. Падение скорости жидкости сразу за отложившимся материалом ведет к высаждению частиц, причем первыми выпадают более крупные частицы, которые затем покрываются слоем более мелких. Стратификация вызвана чисто механическими причинами. Как следует из предыдущего толкования, нижний слой откладывается первым, затем откладывается вышележащий слой и т. д. Но эксперименты (...) показали, что пласты формируются в горизонтальном направлении практически одновременно, и все пласты, лежащие выше по течению, образовались лишь не намного раньше формирующихся ниже. Поэтому никакие слоистые отложения нельзя использовать для калибровки радиоуглеродного метода, при этом исходят из ошибочных предпосылок. Дергачев отметил, что дендрохронологический и радиоуглеродный методы используют для взаимной калибровки. Однако ученые Киевского института ядерных исследований (...) при изучении особенностей распада возбужденных радиоактивных ядер доказали, что методы изотопной геохронологии вообще и радиоуглерода в частности должны быть пересмотрены; после корректировки получаются существенно меньшие значения длительности реальных процессов распада ядер-хронометров, а значит, и возраст объектов, в которых происходят эти процессы. Обычные оценки возраста получены при учете распада радиоактивных ядер только в основ-

[1] В приведенных в тексте У. В. Чащихина в скобках указаны заграничные источники. Заинтересованного читателя отсылаем к сборнику «Так оно и оказалось!».

ных состояниях, однако, в результате процессов нуклеосинтеза образуются ядра-хронометры не только в основном, но и в возбужденных состояниях, что говорит о том, что реальный возраст объектов значительно меньше кажущегося. Сейчас вопрос о реальном возрасте объектов остается открытым в рамках ядерной физики и известных методов ядерной хронометрии...

Таким образом, вопрос о дендрохронологических и радиоуглеродных шкалах открыт. По этим причинам я не могу вполне согласиться с выводом работы Дергачева.

Фоменко же любит спекулировать на этих недочетах и, как мы видели, преувеличивать погрешность методов. Однако следует отметить, что даже несмотря на то, что иногда образуются по два кольца в год (...), все равно дендрохронологический метод остается гораздо более эффективным методом датировки деревянных построек и т. п., чем все методы Фоменко.

С горечью надо отметить, что среди некоторых ученых существует и определенный произвол в определении дат:

«Если данные, полученные методом С-14, поддерживают теорию, мы вводим их в текст, если не очень противоречат ей — в комментарий; а если совсем не подходят — просто опускаем» (...).

А мы еще раз повторим свой вывод: руководствуясь одним только простым здравым смыслом, выстраивать хронологию человеческой эволюции надо, анализируя эволюцию результатов человеческой же деятельности: образцов ремесла, искусства и литературы. А вспомогательные методы и должны оставаться вспомогательными.

Фальсификации

Оставаясь на позициях скалигеровской хронологии, различным исследователям то и дело приходится выдвигать предположения о фальсификациях, мистификациях и т. п. Если же мы беремся пересматривать хронологию, то всему находится другое объяснение, и сколь часто подлинники и апокрифы меняются местами!

А вот подделки остаются подделками.

Известные случаи: в 1449 году Жан Гарланд подделал сочинение св. Бернгарда, а Вигилиус — книгу св. Афанасия, направленную против еретиков; в 1532 году Тихопиус подделал комментарии св. Амвросия к посланиям апостола Павла. Так клерикалы XV—XVI веков «усиливали» свою церковь. В первой половине XVI века Томас Эллиот подделал произведение греческого ученого Энкольпиуса, биографа римского императора Александра Севера. В конце XVI века Хичера написал историю христианства в Испании от имени никогда не существовавшего римского историка Флавиуса Декетера. В XVIII веке Коррадино подделал сочинения Катулла.

В 1498 году Анниус де Витербе опубликовал сборник стихов Фабия, Пиктора, Семпрониуса, Катона и некоторых других, хотя он сам был автором этих произведений. В 1519 году де Булонь подделал две книги Валерия Флакка. В 1583 Сибониус опубликовал отрывки «из Цицерона». Впоследствии он признался в фальсификации. В XVIII веке Хиркенс под именем Люция Вара издал римскую трагедию. В 1800 Мархена сфабриковал латинский рассказ, связав его с «Сатириконом» Петрония. И т. д., и т. п.

Все это надо учитывать или нет?

Жан Гардуин (1646—1729) был уверен, что греческие переводы Нового и Ветхого Завета были сделаны много позже, чем считается церковью. Он также писал о фальсификации документов Вселенских соборов, предшествовавших Тридентскому (1543—1563).

В 1729 году Монтескье напечатал поэму в духе Сафо, сообщив, что нашел их в библиотеке греческого епископа. Мигель де Луна якобы перевел «Историю завоевания Испании маврами» Абул-Касима, и все историки XVIII века пользовались ею как достоверным материалом, пока не выяснилось, что автором является сам псевдопереводчик. В 1826 году Леопарди написал две оды в стиле Анакреонта, приписав их «древним поэтам».

Эразм Роттердамский (!) собственноручно подделал трактат св. Киприана. «Величайший из ученых в области патристики подделал в XVI в. важнейшее патристическое сочинение»,— так прокомментировал это Э. Грэфтон.

То же самое — и это известно историкам, происходило «в древности»:

«Сборники... фиктивных писем долго считались подлинными произведениями Сократа, Диогена и пр.; установление их неподлинности в XVIII в. стало эпохой в истории филологии».

Эти фиктивные письма, как полагают, написаны в III веке. Ситуация, как видим, та же, что и в XV—XVI веках.

Затем риторы того же III века, два Филострата и Каллистрат, описывают картины и статуи, никогда не существовавшие в действительности,— сообщают нам историки,— но, впрочем, откуда известно, существовали или нет эти картины?..

Е. Черняк в книге «Призрачные страницы истории» пишет:

«В Древней Греции родоначальником фальсификаторов считали некоего Ономакритуса, жившего в Афинах (VI до н. э.) ...Однажды его застали за вставками в «Одиссею» Гомера, в другом случае — за внесением в текст старинной свинцовой таблички пророчества о том, что один из островов близ Лемноса будет поглощен морем».

Греческих государственных деятелей Солона и Писистрата (VI до н. э.) подозревали в том, что они делали вставки в исторические труды, дабы подчеркнуть значение Афинской державы. И речи Перикла ныне считаются поддельными. В начале IV века Ктесиас «написал основанную на недоступных архивах «Персику» — историю Ассирии и Персии; споры о ее достоверности не решены и по сей день. Есть мнение, что жившие в Александрии евреи вносили исправления в текст Гесиода. Множество фальсификаций появилось в эпоху эллинизма (IV—I века до н. э.).

Аристотель жаловался на подделку его трудов. Подделывали Платона, Эсхила, Софокла, Эврипида. Из 130 пьес Плавта ученый Варрон насчитал 109 поддельных. Известный философ Филон Александрийский писал: «Нет ничего, что не было подделано».

Такого рода «разоблачений» ныне очень много, но самое удивительное, что за подлинную историю и по сей день принимается то, что является просто развлекательной литературой средних веков!

«Переход от эпической архаики к эпической классике, в частности, выразился в том, что эпосы народностей, достигших ступени отчетливой государственной консолидации, отказались от языка мифа и сказки и обратились к разработке сюжетов, взятых из исторических преданий,— сообщает Е. Мелетинский.— Характерная фигура в эпосе этого времени — эпический "король", власть которого воплощает единство страны (король Артур, Карл Великий и т. п.). Он показан в сложных отношениях с главным эпическим героем — носителем народных идеалов».

«Под его (Гальфрида Монмутского) пером из борца против саксонского завоевания Артур превратился в могучего завоевателя, правившего почти мировой империей»,— пишут Р. Самари и А. Михайлов. Это, конечно, заблуждения совсем другого сорта, нежели прямые подделки.

«Золотая легенда» доминиканца Иакова Ворагинского (ум. якобы в 1298) — сборник 180 житий, рассчитанный на самую широкую публику,— сразу по выходу в свет получил неслыханную популярность, был переведен (с обильными дополнениями) на все народные языки и за первые 50 лет книгопечатания издан 90 раз. А позже оказалось, что эта и все подобные книги XI—XII веков — продукт позднего Средневековья. Но ведь и бестселлеры типа «Илиады» могут оказаться созданными не намного раньше!

В 1902—1903 годах Р. Балдауф выпустил две из задуманных им четырех книг «История и критика», где утверждал, что в исторических книгах Ветхого Завета имеются столь сильные параллели с рыцарскими романами Средневековья, и в то же время с «Илиадой» Гомера, что необходимо считать и Библию, и «Илиаду» сочинениями Средних веков.

В рукописях IX века он обнаружил сюжеты более позднего происхождения: истории о банных похождениях (бани вошли в европейский обиход лишь в эпоху реконкисты) и намеки на инквизицию. И как же нам относиться к такого рода работам? Ведь это, в нашей новой хронологии, не фальшивые книги! Просто даты описанных в этих книгах событий были искусственно удревлены.

Исследуя поэзию античности, Балдауф обнаруживает у многих авторов рифмованные стихи в стиле трубадуров. Он подчеркивает столь сильные взаимозависимости в поэзии Горация и Овидия, которые якобы не знали о существовании друг друга, что возникает уверенность в том, что за этими двумя скрывается некто третий, гораздо более поздний.

Однако дело не в том, что произведения Горация и Овидия — фальсификаты. Дело в хронологической конструкции, задуманной Скалигером! И в позднее Возрождение эта конструкция подтверждалась сочинениями типа «Африки» Тита Ливия, где автор XIII—XIV веков описывает якобы «древние события», на самом деле произошедшие значительно позже.

Разумеется, историки сумели связать все хронологизированные ими же исторические факты причинно-следст-

Стандартная «греческая» синусоида				Линии веков №	«Римская» волна
4-й трак	3-й трак	2-й трак	1-й трак		
	– I		XVII	9	
	– II	I	XVI	8	– 3/3 III 1/3 III
	– III	II	XV	7	– 2/3 III – II II 2/3 III
	– IV	III	XIV	6	– 1/3 III – I I 3/3 III
– XIV	– V	IV	XIII	5	– IV IV
– XIII	– VI	V	XII	4	
– XII	– VII	VI	XI	3	
– XI	– VIII	VII	X	2	
– X	– IX	VIII	IX	1	

венными связями даже в том случае, когда история явно течет вспять. Для того и нужны историки. А нам удалось выстроить «синусоиду времен», графически показывающую все возникающие параллели. Да не одну: помимо стандартной «греческой» синусоиды и ее римской «волны», показанных здесь, имеются также «арабская», «старовавилонская», ассирийско-китайская и византийская синусоиды и волны.

Соответственно, стили искусства, направления литературы, научные открытия, экономические теории, изображения на монетах и многое прочее тоже развиваются «волнообразно», но только по немного измененным синусоидам — в зависимости от того, какую «историю» они представляют: греческую, римскую, вавилонскую...

С IX по XVII век нашей действительной истории достижения античности «вспоминаются» с той же скоростью, с какой античность развивалась с минус IX до минус I века. Мало того, что по теории вероятности столь полное повторение попросту невозможно, так еще ученые сами же сообщают публике, что «возрождение» началось только с XIV века, когда, дескать, средневековые люди «впервые откопали» античные произведения искусства и литературы. А как же могли они столь последовательно «повторять» античность до XIV века?..

Авторы Средневековья из всех своих «античных коллег» знали только тех, кто жил «параллельно» с ними. Например, Данте (1265—1321, линия № 5—6) в поэме «Божественная комедия» упоминает сто имен античных деятелей. Судя по синусоиде, все они жили в веках не выше линии

№ 6. Каким образом могло случиться, что Данте не были известны имена ученых и писателей эллинистического периода, III—I веков до н. э.? Только если они жили позже него.

Данте не знает Архимеда. И это не секрет: механизмы, изобретенные Архимедом (ок. 287—212 до н. э., линия № 7), и в самом деле не были известны в XIV веке; о них «узнали» только во времена Леонардо да Винчи (1452—1519, линия № 7) и Рабле (1494—1553), который, кстати, в своих статьях пенял «антикам» вроде Цицерона и Диогена, что они «пишут всякий вздор о французской королеве».

Историки сообщают, что «...Пико делла Миранделла пытался создать синкретическое учение, опираясь на материализм Аверроэса и Александра Афродисийского, идеализм Платона, Плотина и Прокла и тайную мудрость «Каббалы». Платон, Александр Афродисийский и Прокл относятся к линии № 5—6, Плотин — это линия № 6 стандартной «греческой» синусоиды, Аверроэс — линия № 6 «арабской» волны, а сам Пико делла Миранделла создавал «синкретическое учение» из их текстов на линии № 7.

Но Миранделла — автор 1-го трака. С авторами же 2-го трака, который относится к мнимой истории, могли поступать наоборот, ведь никто иной, как сами хронологи, расставляли даты жизни персонажам различных текстов. Если Евсевий Памфил (ок. 260—340, линия № 5—6) упомянул в тексте некоего императора или философа, жизнь которого он еще застал, то его, естественно, «ставят» в III век, то есть на линию № 6, а надо бы — на линию № 5.

Евсевий, кстати, в самом начале своей «Церковной истории» сообщил, его задача — сведение в одну систему церковных сказаний, а вовсе не достоверность истории: «Я поставил себе задачей описать следующие события: преемство святых апостолов; то, что произошло от времен Спасителя нашего и до наших дней; какие и сколь важные дела совершены были, по сказаниям в Церкви: кто стоял во главе наиболее известных церковных кругов»... и т. д.

Или другой пример. Известно, что Лукреций был толкователем атомистического материализма и этического учения Эпикура (IV—III до н. э., линия № 7). В. Асмус пишет: «Из поэмы Лукреция видно, как хорошо он изучил и усвоил содержание письма Эпикура к Геродоту, в котором глава Сада обосновал на ряде примеров из области космологии и физики, разъяснил свое

учение о множественности возможных объяснений процессов и явлений, происходящих в природе».

Тот ли это Геродот?.. Ведь не мог же Эпикур из III века до н. э. писать письма тому Геродоту-историку, который умер еще в V веке до н. э. (линия № 5). Впрочем, возможно, Геродот как раз правильный, зато Эпикур — не тот Эпикур? Да и Лукреций,— тот ли это поэт Тит Лукреций Кар из I века до н. э.?

Тем не менее историки сообщают, что Тит Лукреций Кар — автор поэмы «О природе вещей», философ-материалист, к тому же современник разгрома класса всадников, восстания рабов, возглавляемого Спартаком, политического возвышения Помпея, Красса и Цезаря, заговора Катилины и т. д. Хотелось бы знать определенно: хоть что-либо из этих событий описано Лукрецием в его поэме «О природе вещей»? Показательно все-таки то, что ни Данте, ни Чосер не упоминают ни Лукиана, ни Эпикура, ни Лукреция и никого из других, относящихся, по нашей синусоиде, к линиям выше № 6.

Из письма «ЭПИКУР ПРИВЕТСТВУЕТ ГЕРОДОТА»:

«Атомы движутся непрерывно в течение вечности; одни отстоят далеко друг от друга, другие же принимают колебательное движение, если они сплетением бывают приведены в наклонное положение или если покрываются теми, которые имеют способность к сплетению. Ибо, с одной стороны, природа пустоты, отделяющая каждый атом от другого, производит это, не будучи в состоянии дать точку опоры; а с другой стороны, твердость, присущая им (атомам), производит при столкновении отскакивание на такое расстояние, на какое сплетение позволяет (им) возвращаться в прежнее состояние после столкновения. Начала этому нет, потому что атомы и пустота суть причины (этих движений).

Если все это будет оставаться в памяти, то это краткое изложение дает достаточный очерк для понимания природы сущего.

Далее, следует думать, что атомы не обладают никакими свойствами предметов, доступных чувственному восприятию, кроме формы, веса, величины и всех тех свойств, которые по необходимости соединены с формой. Ибо всякое свойство изменяется, а атомы нисколько не изменяются, потому что при разложениях сложных предметов должно оставаться нечто твердое и неразложимое, что производило бы перемены не в несуществующее и не из несуществующего, но (перемены) посредством перемещений некоторых частиц и прихода и отхода некоторых. Поэтому необходимо, чтобы перемещаемые элементы были неуничтожаемыми и не имеющими природы того, что изменяется, но имеющими свои собственные (особенные, своеобразные) части и формы.

Кроме того, не следует думать, что в ограниченном теле есть безграничное число частиц — как бы малы они ни были. Поэтому не только должно отвергнуть делимость до бесконечности на меньшие и меньшие части, так как иначе мы сделаем все вещи неустойчивыми и, (рассматривая) образования сложных тел, будем вынуждены, раздробляя их, уничтожать существующие предметы, (обращая их) в несуществующие, но даже не должно думать, что в ограниченных телах переход происходит до бесконечности даже в меньшие и меньшие части. Ибо, если сказать, что в каком-нибудь предмете есть бесчисленные частицы или (частицы) любой величины, то нельзя вообразить, как этот предмет еще может быть ограниченным. Ведь ясно, что бесчисленные частицы имеют какую-нибудь величину и, что (в таком случае), какой бы они ни были величины, была бы безгранична и величина (предмета). И так как ограниченный предмет имеет крайнюю точку, постигаемую умом, если даже она и не видима сама по себе, то невозможно представить себе, что и следующая за нею точка не такова, а, идя так последовательно вперед, нельзя таким способом не дойти умом до безграничности (предмета).

Сходная история и с Демокритом (линия № 5). Хоть он и упоминается в «Божественной комедии» Данте, но даты его жизни не точны, сочинения известны лишь в отрывках. «...Сохранились свидетельства,— пишет В. Асмус в книге «Античная философия»,— из которых видно, будто Демокрит допускал существование не только весьма малых, чувственно не воспринимаемых атомов, но и атомов любой величины, в том числе весьма больших. Тексты, имеющиеся по этому вопросу, неясны, даже противоречивы. В частности, о признании Демокритом существования весьма больших атомов говорит Эпикур (конец IV — начало III в. до н. э.). Однако Аристотель, более близкий по времени к Демокриту, чем Эпикур, ничего не говорит о существовании у Демокрита такого мнения».

В таких случаях скалигеровцы могут насочинять, что угодно. Поэтому не следует углубляться в вопрос, кто чью

мысль развивает, здесь возможны ошибки: Лукреций продолжает Эпикура, или Эпикур — Лукреция, или все они повторяют Демокрита, или Левкиппа. Важны (и то с оговорками!) конкретные упоминания имен. Демокрит заявлял: «Найти одно причинное объяснение для меня лучше, чем овладеть всем персидским царством». Видимо, он действительно жил в XIII — начале XIV века.

С пересмотром хронологии в литературу возвращаются сотни произведений, которые ныне считаются фальсификатами. Но подчеркнем еще раз: не проблема подлинности древних, античных и раннесредневековых произведений стоит в центре нашего внимания, а проблема их датировки! Хорошо известно, что и в XIII и в XV веках писались *подлинные* произведения о Карле Великом, например. И хроника времен Карла Великого, не имеющая ничего общего с реальной историей, а являющаяся чистым вымыслом автора, датированная X веком, не есть мистификация. Она «стала» мистификацией в результате хронологического заблуждения нашего времени! Автор никого не собирался мистифицировать, он желал всего лишь развлечь своего читателя. Писателю, в его XIII или XV веке, и в голову влететь не могло, что его выдумки позже сочтут за подлинную историю предшествующих времен! Точно также и Герберт Уэллс никого не мистифицировал своими фантазиями.

Особо трудный случай, это когда сочинение XV века выполнено *в стиле* XIII-го. Подчас автор занимается стилизацией, а не мистификацией. И календарные даты у него могут отличаться от реальности. И свое имя он может скрыть за латинским псевдонимом. Но вот хронолог, относящий подобное произведение к X веку, занимается уже прямой фальсификацией истории, придавая этому веку «соответствующий» эпохе документ.

Если автору XIII или XV века не нравился его правитель, он мог, наряду с описанием действительных его «хороших» деяний, сочинить историю мифического царя и его «плохих» деяний (в том числе даже не срисованных с «оригинала», а просто вымышленных). Для маскировки автор мог вывести «плохого» царя на страницы своей рукописи под другим именем, а мог посвятить ему отдельную рукопись и даже взять другое имя себе, и т. д., и т. п. А историки впоследствии напишут о двух разных правителях, и поместят их в двух разных эпохах мифической «древности». Конечно, Скалигер и его последователи использовали уже сложившиеся к их жизни заблуждения такого рода сознательно и планомерно, создавая «доказательность» придуманной ими хронологической конструкции. Впрочем, сам непогрешимый (с точки зрения ортодоксов) Иосиф Скалигер не брезговал подлогами:

«Даже прославленный Жозеф Юстус Скалигер примерно в это же время (конец XVI века) составил вольную компиляцию из древнегреческих авторов, выдавая ее за произведения некоего Астрампсихуса. Многие признали ее за античную».

Е. Черняк широко освещает вопрос о фальшивках, прежде всего античных, используя массу фактического материала. Интересующихся отсылаем к его книге. Но пересмотр хронологии требует начала пересмотра и вопроса о подделках! Многие из них придется возвращать в научный оборот.

«Эпоха Возрождения, бывшая временем возвращения человечеству духовных сокровищ древности, была также временем «дополнения» их многочисленными подражаниями, приписываемыми античным писателям».

«Подделывание документов превратилось чуть ли не в постоянное занятие духовенства, своего рода вторую профессию».

Многое, что не имело отношения к скалигеровской хронологии, было раскрыто в наше время как «средневековые подделки под древность». Но ведь фальшивками объявлены все «древние» тексты, в которых хоть как-то просвечивает средневековье!.. Сколь печальный смех вызывают такие, например, откровения:

«Грубые хронологические ляпсусы встречаются в поддельных сочинениях Фабия Пиктора, современника Второй пунической войны...» Нам-то казалось, историки ко всему приноровились, их уже не сбить с ног ни древнегреческой артиллерией, ни «свинцовыми пулями» из сочинений Цезаря... Но нет, объяснить они могут далеко не все, а потому те «ляпсусы» Пиктора, которые их извращенной логике не поддадутся, они и объявят подделкой. А оставшиеся тексты Пиктора, наверное, признают подлинными и древними.

В XIX веке два историка: Ошар[1] (1882—1885) и Росс (1878) независимо друг от друга опубликовали исследования, в которых доказывали, что «История» Корнелия Тацита

[1] Иногда неправильно пишут Гошар.

принадлежит перу гуманиста Поджо Браччолини (1380 — вторая четверть XV века).

Историки высмеивают эту версию:

«Теорию Росса и Ошара принято в научных кругах относить к литературным курьезам. Вопреки утверждениям Ошара, Боккаччо явно был знаком с «Анналами» без малого за полстолетия до рождения Поджо... Правда, по каким-то причинам Боккаччо хранил в строгой тайне, что имеет рукопись Тацита, даже от своего друга поэта Петрарки».

Если бы в трудах Боккаччо проявилось знакомство с Тацитом, и то ничто не мешало бы предположить подделку текстов самого Боккаччо или просто вставок в них. Но нам и этого не надо: даже рассказывая о Тиберии, Нероне, Гальбе, Отоне, Вителлии, писатель опирается исключительно на Светония, иногда выуживая строки у Ювенала, и никогда, ни разу — у Тацита. Вообще нигде и никогда до Поджо Браччолини упоминаний о трудах Тацита не было, а само его имя появляется раз или два в весьма подозрительных источниках. Вплоть до первой четверти XV века о работах Тацита образованное человечество не имело ни малейшего понятия!

О жизни этого автора не было и нет никаких сведений. А вот то, что Поджо Браччолини — известный жулик и живет на широкую ногу исключительно продажей откуда-то берущихся «древних рукописей»,— об этом сторонники версии Росса и Ошара накопали немало свидетельств. Но противники этой версии тоже не дремлют. Так, французский историк Фабиа писал о Россе и Ошаре: «Доводы, которые они приводят, что Тацит не автор двух своих произведений, доказывает лишь то, что Тацит не безупречен как историк».

А мы скажем: важно не то, подделал Поджо Тацита или нет, а насколько описание, сделанное в «Истории» Тацита, соответствует действительности. Тацит мог быть автором XV века, но только «фантазии» он сочинял не о «древности», а о XIV веке, например, о преследовании христиан при Нероне, в честь которого именно тогда был назван город Нюрнберг. Теперь историки сообщают:

«В 1528 г. в Лионе были найдены бронзовые доски с отрывками из речи императора Клавдия, тождественные с текстом, приведенным у Тацита. Это, казалось бы, уже одно решало вопрос о подлинности».

Какая наивность!

Вообще надо помнить, что многие события римской истории известны только из одного источника: либо Ливия, либо Тацита. Сведения, содержащиеся в утерянных фрагментах их книг, невозможно восстановить по другим документам.

Но соответствуют ли описания, содержащиеся в книгах Тацита и Ливия действительности? Настолько же, насколько и у других писателей. Ведь исторический писатель создает особый мир, который как бы дублирует объективно реальный мир человека. Причем первый обладает такой же целостностью, как и второй. Этот параллельный реальному мир художественного вымысла бывает убедительнее самой реальности, и нужда в нем весьма многообразна. Идеальный мир искусства — это своеобразный испытательный полигон для многочисленных человеческих устремлений, желаний и страстей. Писатель может проигрывать любые варианты человеческого поведения, обострять конфликты до предела, доводить до логического конца все мыслимые побуждения человека. Все это мы и видим в исторической прозе о Древнем Риме.

К концу XIV века было известно 29 книг Тита Ливия, но два столетия спустя Макиавелли почему-то пишет «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» или даже «...о пяти книгах Тита Ливия». Они содержались в рукописи, принадлежавшей поэту Петрарке (вряд ли можно это доказать стопроцентно), и в первопечатном издании 1469 года. Почему же Макиавелли не пишет о других книгах Ливия? Ведь их так много! В настоящее время известны книги 1—10, 21—45 и фрагмент 91 книги (всего их было то ли 142, то ли 144). Можем предположить, что первые книги сочинил писатель XIV века, а «найденные» впоследствии — авторы более позднего времени.

В 1397 году флорентиец Солутати получил письмо от маркграфа Богемии, который извещал, что видел рукопись труда Ливия и обещал снять с нее копию. Тем не менее сделано это не было. В 1424 году датский монах Николай сообщил Папе Мартину V, что видел в монастыре около г. Рискильде два тома, содержащие 10 декад Ливия (100 книг!), и что прочел заголовки многих из них. Но книги не были предоставлены Папе, и не были найдены в дальнейшем. В 1517 году в г. Майнце отыскали отрывки из книг 33 и 40, однако потом рукописи исчезли. В 1527 году были найдены

41—45 книги, но кто поручится, что их написал тот же автор, что и изданные в 1469 году?

Павел Джовио сообщал, что полное собрание Ливия хранится на одном из Гебридских островов. Нет их. В 1615 году в г. Бамберге нашлась 33 книга, до этого известная лишь во фрагментах, но многие ученые отказались признать ее подлинной. Все это напоминает поиски чудовища озера Лох-Несса. В 1668 году фрагменты труда Ливия нашли в ракетках для игры в мяч. Это уже просто анекдот!

В 1772 году фрагмент 91-й книги был обнаружен в библиотеке Ватикана! В конце XVIII века некто Велла признался, что подделал арабский перевод 110—128 книг. В 1904 году найдено еще несколько фрагментов четвертой декады. В 1924 году в прессе прошла информация, что нашли список книг Ливия, выполненный в VI веке. Однако потом выяснилось, что речь идет о рукописи XIV века. А мы заметим, что VI век по «византийской» волне нашей синусоиды — это XIV век. Как видим, почерки этих «веков» легко спутать.

Поговорим и о других древних.

«В первые века Возрождения было «возрождено» умение фабриковать поддельные манускрипты, которые объявлялись трудами известных и неизвестных древних авторов... Упоминавшийся выше Анний из Витербо среди подделанных им сочинений особое внимание уделял произведениям, якобы являвшимся творениями древних историков. В их числе был труд вавилонского жреца Бероса (III век до н. э.)... Анний подделал также известный труд египтянина Манефона, жившего тоже в III в. до н. э.»,— пишет Е. Черняк.

III век до н. э.— это реальный XV век! Как раз тогда и были якобы найдены подлинные труды этих историков, а раньше они «были известны» лишь во фрагментах. Что здесь правда, а где здесь ложь — уже не разобраться.

Имя Платона в начале XV века не было известно никому. Первый перевод нескольких диалогов Платона сделал Леонардо Бруни в 1421 году, но оригиналы, которыми он пользовался, до нас не дошли. Представьте: две тысячи лет хранились неизвестно где, а в эпоху Возрождения, когда только и поняли их ценность, исчезли! Платон стал широко известен лишь после того, как в 1482 году Фичино принес издателю Венету латинскую рукопись, объявив ее своим переводом с греческого. После опубликования рукописи

читатели сразу же отметили в ней большое число анахронизмов, которые окончательно исчезли только в третьем издании. Естественно, греческие рукописи, которыми пользовался Фичино, исчезли столь же необъяснимым образом.

Только через 30 лет (в 1512 году) Марк Мазур представил издателям греческие тексты сочинений Платона. Тексты характеризуются ярко выраженной разностильностью. Авторитетный исследователь Платона — Аст признавал только половину диалогов подлинными. А упоминания имени древнего грека Платона в трудах столь же древних греческих авторов стали появляться только в рукописях, «найденных» после публикации Фичино, и это не наши выдумки, это официальное мнение.

Между тем великий Сократ — всего лишь «лирический герой» произведений Платона. «Считается, что основные идеи Сократа переданы в работах Платона, но это спорный вопрос. Стиль Платона настолько хорош, что завораживает читателя, а его идеи столь же выразительны, как и его стиль»,— писал Дж. Пиркис.

Такова же судьба находки рукописей Цицерона и других латинских классиков. После снятия с них копий оригиналы неизменно пропадают «за ненадобностью». Исчезли после публикации оригиналы книги Светония «Жизнь двенадцати цезарей», «Истории» Тита Ливия, «Десять книг об архитектуре» Витрувия, греческих историков Геродота, Фукидида и Павсания, сочинений Иосифа Флавия.

Латинская книга «О весах и мерах» Епифания Кипрского была найдена незадолго до ее публикации в 1622 году в Париже. Сочинения Сульпиция Севера были открыты только в 1668 году. Сочинения Афанасия Александрийского были обнаружены только в XVII веке и опубликованы в Париже в 1698 году. Сочинения Оригена впервые найдены тоже в XVII веке. Трактаты Августина изданы в Париже в 1689—1700 годах. Также покрыто мраком и происхождение древнееврейских манускриптов. Фактически наиболее ранняя рукопись так называемого Вавилонского Талмуда (создание которого относят к первым векам н. э.) датируется XIV веком.

В Новое время мало что изменилось. В XVIII веке было положено начало подделке произведений Шекспира... Джеймс Макферсон сделал «перевод» с гэльского языка поэм Оссиана, якобы шотландского барда II—III веков н. э. В 1827 году молодой Проспер Мериме приписал сборник

своих песен «Гузла» вымышленному славянскому сказителю былых времен... В первые десятилетия XIX века в России возникли споры о подлинности «Слова о полку Игореве», не стихшие до сих пор... Уже в наше время Али Дашти доказывает, что из 1000 известных четверостиший Омара Хайяма 898 являются не подлинными...

Эту главу можно продолжать до бесконечности, так как подделки собственно исторических документов, на которых покоится версия Скалигера-Петавиуса — не менее бесконечны. Например, одно из новонайденных стихотворений Марка Саллюстия Лукана (?—59 н. э.) начинается со слов «В шелках из Китая». Но Древний Рим не знал Китая! Археологические же открытия, нередко низводящие целые периоды «истории Древнего мира» в разряд сказок, к сожалению, известны только специалистам.

НА СУШЕ И НА МОРЕ

И привычно пальцы тонкие
прикоснулись к кобуре.

Булат Окуджава

Битвы и походы

Первичные записи, которые можно назвать литературой, относятся к эпохе начала крестовых войн. В большинстве своем это сухое и монотонное перечисление, кто на какую башню залез (если пишет непосредственный участник), или какой герцог куда повел (если пишет придворный, лично меча в руках не державший). Читая такие записи сегодня, нужно иметь в виду, что тексты были расширены переводчиками на современный язык со средневековых письмен, поскольку иначе они не всегда были бы понятны из-за отсутствия многих тогда не известных слов, во-вторых, что это перевод на русский язык. Поэтому здесь можно проследить изменение стилистики описания событий, но трудно — стилистику языка текста.

Приведем описание взятия Иерусалима, 1098 год:

«...И вот, захлестнутые радостью, мы подошли к Иерусалиму во вторник, за восемь дней до июньских ид[1], и чудесным образом осадили (город). Роберт Нормандский осадил его с северной стороны, возле церкви первомученика св. Стефана, где тот был побит камнями за Христа; к нему примыкал граф Роберт Фландрский. С запада осаждали герцог Готфрид и Танкред. С юга, укрепившись на горе Сион, близ церкви

[1] ИДЫ (лат. Idus), название 15-го (в марте, мае, июле, октябре) или 13-го дня (в остальных месяцах) древнеримского календаря,— сообщает Большой Энциклопедический словарь (БЭС). Как видим, крестоносцы XII века пользуются категориями древнеримского календаря.

св. Марии, Матери Божьей, где Господь был на тайной вечере со своими учениками, вел осаду граф Сен-Жилль...

В понедельник (13 июня) мы отважно пошли на приступ; мы ринулись с таким порывом, что будь наготове лестницы, город был бы в наших руках. Все же мы разрушили малую стену и подняли лестницу на главную стену, по ней полезли наши рыцари, завязав рукопашную с сарацинами и защитниками города,— они дрались своими мечами и копьями; многие из наших, а еще больше из неприятелей нашли смерть...

...Во время этой осады мы так мучились от жажды, что сшивали шкуры быков и мулов и приносили в них воду за шесть миль; из таких-то сосудов мы пили отвратительную воду, и точно так же, как от этой мерзкой воды, каждодневно страдали мы от ржаного хлеба. Сарацины же, конечно, расставляли нам тайные засады у окрестных источников и речушек; они везде убивали наших и разрубали на части тех, кого встречали; а скотину уводили в свои пещеры...

...Ночью и днем в среду и четверг (13 и 14 июля) мы могучим усилием двинулись со всех сторон на приступ города; но прежде чем вторгнуться туда, епископы и священники, проповедуя и увещевая всех, повелели устроить бога ради крестное шествие вокруг укреплений Иерусалима, усердно молиться, творить милостыню и соблюдать пост.

В пятницу (15 июля), когда наступил день, мы ринулись на укрепления, но ничем не смогли повредить городу: и мы были все поражены и охвачены великим страхом. Затем, с приближением часа, когда Господь наш Иисус Христос удостоился претерпеть за нас крестную муку, наши рыцари, стоявшие на подвижной башне, жарко схватились; среди них герцог Готфрид (Бульонский) и граф Евстафий, брат его.

В это время один из наших рыцарей по имени Летольд взобрался по лестнице на стену города. Едва только он оказался наверху, как все защитники города побежали прочь от стен, через город, а наши пустились следом за ними, убивали и обезглавливали их, вплоть до храма Соломонова, а уж здесь была такая бойня, что наши стояли по лодыжке в крови... Наши похватали в храме множество мужчин и женщин и убивали, сколько хотели, а сколько хотели, оставляли в живых. Много язычников обоего пола пытались укрыться на кровле храма Соломонова; Танкред и Гастон Беарнский передали им свои знамена. Крестоносцы рассеялись по всему городу, хватая золото и серебро, коней и мулов, забирая дома, полные всякого добра.

Радуясь и плача от безмерной радости, пришли наши поклониться гробу Спасителя Иисуса и вернуть Ему свой долг (т.е. выполнить обет). На следующее утро незаметно наши влезли на крышу храма, бросились на сарацин и, обнажив мечи, стали обезглавливать мужчин и женщин;

(иные из них) сами кидались с кровли вниз. Видя это, Танкред впал в сильный гнев...»

Здесь перед нами XI реальный век, переход к XII веку, линия № 4. А это очень примечательная линия. Она, если следить по нашей синусоиде, объединяет этот наш реальный XII век и минус XIII век (бой за Трою, описанный Гомером), минус VI век (мидийско-персидские войны, падение Вавилона), и V век н. э. (рыцарские походы короля Артура, при том, заметим, что само понятие рыцарства появилось не раньше XI века). И что же мы тут обнаруживаем? Мы обнаруживаем, что сами историки впрямую сравнивают между собой и героев разных эпох по этой линии, и даже способы ведения войны. Мы обнаруживаем, что с XII века начинается в Европе громадный интерес к Трое. В XII веке хронист Иосиф из Эксетера составил пересказ о Троянской войне по Даресу и Диктису, настаивая, что «он описывает реальные события, ибо Дарес и Диктис были очевидцами».

С упрямством Дон Кихота мы находим в истории литературы совпадения по «линиям веков», точно такие же, как и в истории искусства, науки, ремесел.

Дело не в том, кто рассказал Гомеру о Троянской войне; и не в том, как выучить на всю жизнь семьсот страниц гомеровских поэм; и даже не в том, где хранились две тысячи лет поэмы Гомера прежде, чем их нашли. А в том, что историки все равно сравнивают войну, описанную легендарным поэтом, с войнами XII века.

Даже если тот текст, который мы знаем теперь как гомеровский, сочинили значительно позже, его истоки в конце XII века. Тогда и чуть позже появились наиболее известные средневековые произведения троянского цикла: «Песнь о Трое» Герберта фон Фрицлара и «Троянская война» Конрада Вюрцбургского (Германия); «История разрушения Трои» Гвидо де Колумна (Сицилия), а также сходные работы в других странах. И лишь в завершение всей эпопеи явились публике греческие поэмы Гомера!

Так будем ли мы удивляться, что в XII—XIII веках вдруг «возродилось» древнегреческое воинское искусство?

П. фон Винклер. «ОРУЖИЕ»:

«В высшей степени интересны для нас крестовые походы относительно способов ведения войны и находящегося от них в зависимости вооружения. Состав неприятельского войска преимущественно из легкой кавалерии и его своеобразная система битвы показали с самого на-

чала необходимость полнейшего изменения тактики со стороны европейцев. И не только из этих причин, но и в силу неблагоприятных местных условий. Еще во время первого крестового похода пехоте отведена была гораздо большая деятельность сравнительно с той, которую она до этого времени имела. Уже при Антиохии (1097) конные воины принуждены были спешиться и тем достигли необычайного успеха. Сто лет спустя тот же маневр с равным успехом повторил Ричард I, король Английский, в 1192 году при Йоппе. **В его распределении войск по древним греческим правилам ясно обнаруживается общераспространенное в то время убеждение, что военное искусство со времени падения римского государства стало на ложный путь и что следует возвратиться к тому времени, когда совершился этот поворот».**

Мы не могли не выделить последнюю фразу этой чудесной цитаты. Во-первых, она прекрасно показывает нам метод работы историка. Он здесь ухитрился ни с того ни с сего приплести к крестовым походам и древних римлян, и еще более древних греков, о которых будто бы Ричард I прекрасно знал. Даже так: оказывается, в Средневековье после падения Рима о той древней истории знали ВСЕ! Представляете, веками существовало общераспространенное убеждение, что военное искусство «встало на ложный путь»!!! Несколько СТОЛЕТИЙ люди шли на войны и погибали, ЗНАЯ, что для победы надо бы применить хорошо известное чудесное воинское искусство, но почему-то продолжали воевать неправильно.

Во-вторых, цитата позволяет нам прояснить реальную историю. Ведь если отбросить словесную шелуху, вот что следует из сообщения П. фон Винклера: Троянская война произошла незадолго до крестового похода, в котором участвовал Ричард I Львиное Сердце, и возможно, в ней он тоже участвовал. Не зря же промелькнуло в тексте упоминание боев при Антиохии столетней давности, тактику которых копировал Ричард: это и могли быть «древнегреческие» войны. Думается нам, неспроста в книге историка XIX века Г. Мишо «История крестовых походов» прямо сошлись образы Ричарда и героев гомеровского эпоса:

«Две славы затмевают все остальное в истории этого крестового похода: Ричард и Саладин[1], различные между собой по гению и по ха-

[1] Султан Саладин руководил мусульманскими войсками, которые отбили у крестоносцев Иерусалим.

рактеру, являются оба героями великой эпопеи, которая сосредотачивала на себе внимание Востока и Запада в последние годы XII века. Первый был смелее и мужественнее, второй отличался благоразумием, степенностью и умением вести дела. У Ричарда было больше воображения, у Саладина больше рассудительности; увлекаемый непостоянством своего характера, необузданно предаваясь разгулу страстей, английский король никогда не понимал, что значит воздерживать себя; он не был бы способен к управлению людьми, потому что он не умел управлять самим собой; знакомясь с его жизнью и судьбой, испытываешь больше удивления, чем восхищения. **Из всех героев новейших времен Ричард представляет наибольшее сходство с героями Гомера; в нем снова встречается то мужество, которое не останавливается ни перед чем, та самонадеянность, которая никогда не сомневается в победе, то стремление возвести до небес славу своего оружия и также та слабость душевная, та чувствительность, которые заставляют Ахилла плакать, как женщина.** Саладин, ставший во главе государства, доставшегося ему не по праву рождения, но которое, можно сказать, было вручено ему случайностями войны, загладил преступление узурпации своим искусством в войне, своими высокими добродетелями и постоянной любовью к добру. «Среди своей походной жизни он осенял народы крылами своего правосудия,— говорится в одной восточной летописи,— и, подобно облакам, низводил свои щедроты на города, ему подвластные». Христиане прославляли благородное великодушие Саладина, неверные восхваляли непобедимое мужество короля франков; имя английского короля в продолжение целого века наводило ужас на жителей Востока; если на дороге лошадь мусульманина пугалась внезапно тени, кустов или дерева, то всадник спрашивал у своего коня: «Уж не привиделась ли тебе тень Ричарда?..»

Тремя страницами раньше мы приводили описание сражения, сделанное якобы в 1098 году. Шли десятилетия, возрастало умение людей пользоваться и оружием, и словом. В начале XIII века (линия № 5) латинские крестоносцы, до этого боровшиеся совместно с православными византийцами против мусульман, объявили своими врагами самих православных. В ходе 4-го крестового похода они захватили столицу империи Константинополь. Вот каково подлинное описание штурма Константинополя крестоносцами:

«...Дело было в пятницу, примерно за 10 дней до Вербного воскресенья (9 апреля 1204 г.), когда пилигримы и венецианцы закончили снаряжать свои корабли и изготовлять свои осадные орудия и приготови-

лись идти на приступ. И тогда они построили свои корабли борт к борту, и французы перегрузили свои боевые орудия на баржи и на галеры, и они двинулись по направлению к городу, и флот растянулся по фронту едва ли не на целое лье; и все пилигримы и венецианцы были превосходно вооружены...

Когда корабли должны были вот-вот причалить, венецианцы взяли тогда добрые канаты и подтянули свои корабли как можно ближе к стенам; а потом французы поставили свои орудия, свои «кошки», свои «повозки» и своих «черепах» для осады стен; и венецианцы взобрались на перекидные мостки своих кораблей и яростно пошли на приступ стен; в то же время двинулись на приступ и французы, пустив в ход свои орудия. Когда греки увидели, что французы идут на приступ, они принялись сбрасывать на осадные орудия французов такие огромные каменные глыбы, что и не скажешь; и они начали раздавливать, разносить в куски и превращать в щепы все эти орудия, так что никто не отваживался остаться ни в них самих, ни под этими орудиями, а с другой стороны венецианцы не могли добраться ни до стен, ни до башен, настолько они были высокими; и в тот день венецианцы и французы ни в чем не смогли достичь успеха — ни завладеть стенами, ни городом. Когда они увидели, что не могут здесь ничего сделать, они были сильно обескуражены и отошли назад...

Потом, когда епископы отговорили свои проповеди и разъяснили пилигримам, что битва является законной, все они как следует исповедовались и получили причастие. Когда настало утро понедельника, все пилигримы хорошенько снарядились, одели кольчуги, а венецианцы подготовили к приступу перекидные мостики своих нефов, и свои юиссье, и свои галеры; потом они выстроили их борт к борту и двинулись в путь, чтобы произвести приступ; и флот вытянулся по фронту на доброе лье; когда же они подошли к берегу и приблизились насколько могли к стенам, то бросили якорь. А когда они встали на якорь, то начали яростно атаковать, стрелять из луков, метать камни и забрасывать на башни греческий огонь; но огонь не мог одолеть башни, потому что они были покрыты кожами (смоченными водой). А те, кто находились в башнях, отчаянно защищались и выбрасывали снаряды, по меньшей мере из 60 камнеметов, причем каждый удар попадал в корабли; корабли, однако, были так хорошо защищены дубовым настилом и виноградной лозой, что попадания не причиняли им большого вреда, хотя камни были столь велики, что один человек не мог бы поднять такой камень с земли... И во всем имелось не более четырех или пяти нефов, которые могли бы достичь высоты башен — столь были они высоки; и все яруса деревянных башен, которые были надстроены над каменными, а таких ярусов там имелось пять, или шесть, или семь, были запол-

нены ратниками, которые защищали башни. И пилигримы атаковали так до тех пор, пока неф епископа Суассонского не ударился об одну из этих башен; его отнесло прямо к ней чудом Божьим, ибо море никогда здесь не бывает спокойно; а на мостике этого нефа были некий венецианец и два вооруженных рыцаря; как только неф ударился о башню, венецианец сразу же ухватился за нее ногами и руками и, изловчившись как только смог, проник внутрь башни. Когда он уже был внутри, ратники, которые находились на этом ярусе,— англы, даны (речь идет о наемных воинах, находившихся на службе византийских императоров,— англосаксах и датчанах.— *Авт.*) и греки, увидели его и подскочили к нему с секирами и мечами и всего изрубили в куски...

Когда эти две башни были взяты и захвачены нашими людьми, то они не отваживались двигаться дальше, ибо увидели на стене вокруг себя, и в других башнях, и внизу у стен множество ратников — и это было подлинное чудо, сколько их там было. Когда мессир Пьер Амьенский увидел, что те, кто были в башнях, не трогаются с места, и когда увидел, в каком положении находятся греки, он поступил не иначе, как сошел со своими воинами на сушу, заняв клочок твердой земли, что был между морем и стеной. Когда они сошли, то поглядели вперед и увидели замаскированный вход: створки прежних ворот были вырваны, а сам вход снова замурован; тогда Пьер Амьенский[1] подступил туда, имея при себе всего с десяток рыцарей и всего около 60 оруженосцев. Там был также клирик по имени Альом де Клари, который оказывал великую отвагу всегда, когда в том являлась нужда... И со стен на них бросали котелки с кипящей смолой, и греческий огонь, и громадные камни, так что это было чудом Божьим, что всех их не раздавило; и мессир Пьер и его воины не щадили там своих сил, предпринимая эти ратные труды и старания, и они продолжали так крушить этот замаскированный вход секирами и добрыми мечами, дрекольем, железными ломами и копьями, что сделали там большой пролом. И когда вход был пробит, они заглянули и увидели столько людей — и знатных, и низкородных, что казалось, там было полмира; и они не отваживались туда войти.

Когда Альом, клирик, увидел, что никто не осмеливается туда войти, он вышел вперед и сказал, что войдет туда. Ну а там был некий рыцарь, его брат по имени Робер де Клари, который запретил ему это делать и который сказал, что он не сумеет туда войти, а клирик сказал, что сделает это; и вот он пополз туда, цепляясь ногами и руками; и

[1] *Пьер Амьенский* — сеньор рыцаря Робера де Клари, автора повествования.

когда его брат увидел это, то схватил его за ногу и начал тянуть к себе, но клирику все же удалось туда войти наперекор своему брату. Когда он уже был внутри, то греки, а их там было превеликое множество, ринулись к нему, а те, кто стояли на стенах, встречали его, сбрасывая огромные камни. Когда клирик увидел это, он выхватил свой нож, кинулся на них и заставил обратиться в бегство, гоня перед собой как скот. И тогда он крикнул тем, кто был снаружи,— сеньору Пьеру и его людям: «Сеньоры, идите смело! Я вижу, что они отступают в полном расстройстве и бегут»...

Мессир Пьер... выслал отряд своих оруженосцев к воротам, которые были поблизости, и приказал разнести их в куски и открыть. И они пошли и вот они начали наносить удары по этим воротам секирами и мечами до тех пор, пока не разбили большие железные задвижки и засовы, которые были очень прочными, и не отперли ворота. И когда ворота были отперты, а те, кто находились по сю сторону, увидели это, они подогнали свои юиссье, вывели из них коней, а потом вскочили на них и через эти ворота с ходу въехали в город... Когда те, кто защищал башни и стены, увидели, что французы вошли в город и что их император бежал, они не отважились остаться там, а побежали кто куда; вот таким-то образом город был взят...»

После этой битвы крестоносцы Рима создали так называемую «Латинскую империю» на подвластных Византии землях Греции, Балкан и средиземноморских островов и назначили своего императора и своего патриарха. Православные удержали за собой некоторые территории со столицей в Никее, а Константинополь смогли вернусь себе только через 57 лет, в 1261 году.

Послевоенная литература всегда проходит одни и те же этапы: сначала публикуются краткие записи времен событий, затем они расширяются, появляются художественные тексты, а позже и подробные мемуары. С исчезновением с поверхности земли живых участников войны падает интерес к ней и падает он тем быстрее, чем активнее воюют потомки. С точки зрения здравого смысла, повсеместное воспевание Троянской войны в XIII веке, в разгар крестовых войн, совершенно необъяснимо, если только она не произошла в XII веке. Иначе получается, что кто-то (кто?) нашел греческую поэму (совершенно, на наш взгляд, нечитаемую) о давно забытой войне, перевел ее, и она вытеснила из сферы интереса людей те войны, в которых участвовали они сами или их родственники.

И пока крестоносцы писали тексты типа тех, что вы прочли выше о взятии Иерусалима и Константинополя, трубадуры распевали песни о Троянской войне. А почему не о битве за Иерусалим или за Константинополь?

...В середине XIII века крестоносцы совершили поход в Египет. В путь отправилось 60 тысяч человек, из них 20 тысяч конницы; по Нилу шел флот с продовольствием, кладью и военными машинами. Армия, разумеется, растянулась; идущие первыми не имели терпения дождаться отставших. Как пишет Г. Мишо в «Истории крестовых походов», безрассудная смелость Роберта графа Артуа увлекла их в авантюру: сначала воины захватили лагерь сарацин, а затем ворвались в Мансур, который стали грабить. Здесь Мишо приводит свидетельства непосредственных участников битвы в Мансуре:

«Мы видели Мансур, мы проходили по его тесным и темным улицам, среди которых погибли в бою граф Артуаский, великий магистр ордена тамплиеров, Рауль де Куси, Вильгельм Длинный Меч[1] и столько других храбрецов, захваченных неприятелем в городе; мы проходили по этой обширной равнине, на которую Людовик IX, переправившись через канал, вступил со всеми своими людьми, который шел при великом шуме труб, рогов и рожков».

Корпус армии, при котором сражался французский король, опирался с правой стороны на Ашмон — тут множество сарацин и христиан были сброшены в воду и потонули; на противоположном берегу находились крестоносцы, которые не могли последовать за армией и оставались для защиты лагеря; «так как они не могли,— говорится в рукописной летописи,— подать помощь товарищам по причине канала, который был между ними, то все, большие и малые, громко кричали и плакали, ударяли себя по голове и по груди, ломали руки, рвали на себе волосы, царапали свои лица и говорили: «Увы! увы! король и его братья и все, которые с ними, погибли!» На этой равнине Мансурской, свидетельнице стольких кровопролитных битв, стольких геройских подвигов, мы искали ту лачужку, в которой приютился благодушный Жуанвилль и в которой он вспомнил о господине св. Иакове; нам казалось, что мы нашли тот самый маленький мостик (poncel), стоя на ко-

[1] Через 250 лет после этих событий Колумб открыл нам Америку и ее прелестный мир индейских прозвищ. Как схожи они с нашим средневековьем! Ястребиный Коготь, Длинный Меч, Большой Змей, Львиное Сердце...

тором храбрый сенешаль говорил графу Суассонскому: «Еще мы поговорим об этом в дамских комнатах».

Но воевали не только в Азии, воевали и в самой Европе. Посмотрим, кто воевал, как и зачем. Никколо Макиавелли пишет о «древних временах»: «Вы знаете, что выдающихся воинов было много в Европе, мало в Африке и еще меньше в Азии... В Азии мы встречаем имена Нина, Кира, Артаксеркса, Митридата, рядом с которыми можно поставить еще очень немногих... В Греции, кроме Македонии, было множество республик, и каждая из них была родиной замечательнейших людей. В Италии были римляне, самниты, этруски, цизальпинские галлы. Галлия и Германия сплошь состояли из республик и княжеств; Испания — точно так же».

А современные историки утверждают, что при Юлии Цезаре (линия № 5—6) галлам «не удалось создать крепкого союза всех племен» (Всемирная история, том 2), что европейские племена — арверны, эдуи, гельветы, свевы, белги, нервии, узипеты, тенктеры и многие другие вели только межплеменную борьбу. Неужели это и называется «сплошные республики и княжества»? Но интересно то, что Юлий Цезарь в окружающей его действительности почему-то не видел того, что нынче известно историкам. Если судить по его собственной книге «Записки о галльской войне», он скорее согласился бы с Макиавелли, нежели с ними:

«11. Когда Цезарь был не более чем в двенадцати милях от врага, к нему, как и было условлено, вернулись послы; встретив его на походе, они очень просили не двигаться дальше. Получив в этом отказ, они стали просить послать гонца к тем всадникам, которые образовали его авангард, и удержать их от сражения, а им разрешить отправить послов к убиям; если князья и сенат этого народа дадут им клятвенное поручательство, то они готовы принять предложение Цезаря, но для этого они просят у него три дня сроку. Цезарь понимал, что все это клонится к тому, чтобы выиграть эти три дня и дать вернуться отсутствующим всадникам; однако он заявил им, что продвинется вперед не более чем на четыре мили за водой; пусть они соберутся туда на следующий день в большом числе — тогда он разберет их требования. А тем временем он послал начальникам всей конницы, шедшей в авангарде, приказ не нападать на врага, а если на них нападут, то ограничиться обороной, пока он сам не подойдет с главными силами».

В своих внешних проявлениях средневековые войны выглядели порою, как семейные разборки силами наемных отрядов. Бывало, что предводитель таких наемников захватывает город (например, Милан), скинув местного князя.

Тот, если остался жив, бежит к своему родственнику, например, французскому королю, и уговаривает его идти войной на Милан. Или просто король Франции считает, что у него больше прав на этот город, как у родственника убитого князя, чем у теперешнего миланского тирана. Он нанимает швейцарцев и посылает их отвоевывать город назад. Такая же картина была по всему миру.

«Стремление к завоеваниям,— пишет Макиавелли,— вещь, конечно, очень естественная и обыкновенная, когда люди делают для этого все, что могут, их всегда будут хвалить, а не осуждать; но когда у них нет на это сил, а они хотят завоевывать во что бы то ни стало, то это уже ошибка, которую надо осудить».

Теперь-то все это забыто. Теперь кажется нормальным, что какие-то монголы ни с того ни с сего решили всех завоевать, не задумываясь ни о династических проблемах, ни о требующихся для войны ресурсах. Но ведь это мнение ни на чем не основано! Макиавелли — в XVI веке, напомним! — не знает никаких монголов, а что-то схожее называет по-книжному парфянами, причем своих «этрусков», когда надо, называет тосканцами, а галлов — французами:

«...я не обязан принимать во внимание, что привилось в Азии. Могу вам все же сказать, что боевой строй парфян был совершенно противоположен римскому; они сражались всегда на конях и в бою бросались на противника врассыпную»...

Мы не можем сказать однозначно, что за народность имел в виду Макиавелли под названием «парфяне», и не было ли это название для него совершенно отвлеченным от реальности, виртуальным. Соединялись ли в его сознании понятия «римский император» и «турецкий султан», «парфяне» и «монголо-татары Хулагу»? Не может же быть, чтобы Макиавелли не слышал ничего про монголо-татар! Но он даже имени Чингисхана не знает, как и Батыя, и других монгольских героев. Как же так? Ведь были уже известны книжки Марко Поло и прочих подобных! А может, их сочинили позже?.. Тогда другое дело...

Речь тут, скорее всего, идет о войнах византийцев с турками в XIII—XIV веках, и были это гражданские войны на территории одного, пусть и широко раскинутого государства. Но каждый летописец трактовал их в угоду политическим пристрастиям своего заказчика, и вот они дали основание для целого ряда «историй», естественно растянувшихся во времени и в пространстве.

Альбрехт Дюрер. Рыцарь, Смерть и Дьявол. 1513 год

Нам, людям не военным, трудно судить, прав ли Макиавелли, но в литературе сложился известный образ римской армии: мобильной, дисциплинированной, легковооруженной в сравнении с закованными в сталь рыцарями средних веков, способной за день покрывать огромные расстояния. Хорошая разведка, умение укреплять лагерь, сторожевые отряды. Но интересно сравнить этих «римлян» с турками средневековья, о которых пишет Лорд Кинросс:

«Османы всегда были начеку, их нельзя было застать врасплох. Армия была оснащена первоклассной службой разведки, хорошо информированной относительно того, когда и где может появиться неприятель, дополняемой безукоризненной работой проводников для сопровождения войск по нужному пути. Путешественник Бертран де ля Брокьер так отзывался об османских войсках: «Они могут внезапно трогаться с места, и сотни солдат-христиан произведет больше шума, чем десять тысяч османов. При первых ударах барабана они немедленно начинают маршировать, никогда не сбиваясь с шага, никогда не останавливаясь, пока не последует приказа. Легковооруженные, они способны за одну ночь проделать путь, на который у их христианских соперников уйдет три дня».

Как сравнение, Кинросс рассказывает о западных рыцарях-христианах, хоть и слегка беллетризованно:

«Западные рыцари в отсутствие противника для схватки рассматривали всю операцию скорее в духе пикника, наслаждаясь женским обществом, винами и предметами роскоши, захваченными из дому, увлекаясь азартными играми и попойками, перестав с присущим их высокомерием верить в то, что турки вообще когда-либо смогут быть для них опасным противником. Тем солдатам, которые осмеивались думать иначе, отрезали уши в наказание за пораженческие настроения».

Однако это несправедливо для рыцарей военно-монашеских орденов. А. Фори пишет в сборнике «История крестовых походов»:

«Несмотря на то, что рыцарей-монахов было сравнительно немного, за свою храбрость они пользовались уважением даже противника (особенно на Востоке). Братья представляли собой силу более дисциплинированную и организованную, чем многие светские воинские части. Тамплиеры следовали строгим правилам поведения в военном лагере и на марше...»

Читатель скажет, что мы напрасно пытаемся создать впечатление очередного анахронизма. Но нам тут даже и стараться незачем. Вот и Макиавелли в рассуждениях «О первой декаде Тита Ливия» настойчиво называет этрус-

ков тосканцами, а галлов французами, а кроме того прямо пишет, что в военном деле Европы после римлян практически ничего не изменилось.

Макиавелли. Из трактата «О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ»:

«Прочтите в истории Тита Ливия описание знаменитых сражений, и вы увидите, что о пиках он упоминает только в самых редких случаях, но постоянно говорит о том, как солдаты, бросив свои дротики, хватались за мечи. Поэтому оставим эти пики в стороне и, говоря о римлянах, будем считать меч орудием нападения, а щит и прочее вооружение — орудиями защиты.

Греки для обороны вооружались не так тяжело, как римляне, а при нападении полагались больше на копья, чем на мечи, особенно македонская фаланга, копья которой, так называемые сариссы, были в десять локтей длиной и позволяли ей прорывать неприятельские ряды, смыкая в то же время свой строй. Некоторые писатели упоминают еще о щитах у македонян, но по причинам, о которых уже сказано, я не могу понять, как они могли действовать сариссами и в то же время пользоваться щитом. Наконец, в описаниях борьбы между Павлом Эмилием и македонским царем Персеем, насколько я помню, ничего не говорится о щитах, а только о сариссах и о том, с каким трудом далась победа римским легионам.

Все это наводит меня на мысль, что македонская фаланга ничем не отличалась от современной бригады швейцарцев, вся сила и мощь которой заключается именно в пиках».

Он также пишет о современной ему пехоте:

«В пехоте есть также фюзильеры; огнем своего оружия они выполняют ту же задачу, что стрелки из лука и пращники древности. Вооружение это изобретено германскими народами, особенно швейцарцами; они бедны, но дорожат своей свободой и потому, как прежде, так и теперь, вынуждены защищаться от властолюбия германских князей, которым богатство дает возможность держать конницу, что для швейцарцев при их бедности недоступно. **Необходимость защищаться пешими против конных противников заставила их обратиться к военным учреждениям древних и к оружию, которое защищало бы их от бешеного натиска конницы».**

Значит ли это, что использование огнестрельного оружия швейцарцы позаимствовали у древних? Опять мы сталкиваемся с вопросом, кто же такие эти «древние».

В начале XVI века Макиавелли не видит ничего принципиально нового в вооружении его современников и древних, причем его «древние» сильно отличаются от традиционных «древних».

Макиавелли пишет: «Думаю, что благодаря седлу с лукой и стременам, которых раньше не знали, всадник в наше время крепче сидит на лошади, чем в древности». И опять тот же вопрос: когда «раньше», и что такое, в представлении Макиавелли, «наше время»? Ведь стремена, как говорят и сами историки, появились в Европе не ранее XI века н. э.! Александр Македонский их не должен был знать!

Однако историк Флавий Арриан (полагают, между 95 и 175 годами, линия № 6 «римской» волны) пишет об одном из боев Македонского (IV до н. э., тоже линия № 6) вот что: «Воинов Александра пало больше: варвары подавляли своей численностью, а кроме того, и сами скифы и лошади их были тщательно защищены броней». Но чтобы защищать коня броней, надо как минимум знать седло и стремена, уметь пользоваться прочей сбруей.

Поскольку все работы Макиавелли написаны до изобретения Скалигером столь привычной теперь хронологии, постольку нас не удивляет его хронологическая «необразованность». Смысловые соответствия текста Макиавелли с этой историей достигнуты стараниями переводчиков и редакторов XVII—XIX веков. Впрочем, при всем старании не удается скрыть, что Макиавелли не придерживается «установлений» традиционной истории.

Обратившись теперь к византийцам, пишущим на военные темы, мы обнаружим сходные тексты по линии № 6—7 «византийской» волны, то есть в VI («Стратегион» анонимного автора) и XI («Стратегикон», «Тактика Льва») веках.

Кекавмен. «СТРАТЕГИКОН»:

«Если ты стратиг и тебе вверено войско (стратигом я называю того, кто защищает и возглавляет военный лагерь), то дни и ночи бодрствуй и стремись к тому, чтобы поставить трофей против иноплеменников. Если ты находишься в неприятельской стране, то держи при себе многих верных и ловких лазутчиков, тех, кого, как мы знаем, называют хозарами. От них ведь должен ты узнавать о силе врага и его хитрости. Нести службу без лазутчиков невозможно. Если кто и станет действовать без них, то действия его будут недостаточны и неподготовлены. Лазутчики твои пусть будут незнакомы друг с другом. Ведь кого-нибудь из них могут схватить, и он может выдать остальных».

Дадим же теперь слово не европейским авторам. Придворный историк султанов Саад-эд-Дин (вторая половина XVI века) написал хронику династии Османов с 1299 года, пользуясь сочинениями предшествовавших ему авторов.

Переводчик пишет: «По своей направленности его хроника тенденциозна и исполнена идеи восхваления подвигов турок, однако фактическая сторона событий передана правильно». Посмотрим, как автор XVI века рассказывает о событиях XV века (линия № 7), о взятии Константинополя турками:

«Когда весна была уже на исходе, султан Мехмед, видя, что все готово и что все войска уже собраны, отправился... в поход, приказав одновременно везти на особых телегах огромные пушки, которые он велел изготовить для того, чтобы разрушить стены и башни (Константинополя). Перед тем как отправиться в поход, он произвел генеральный смотр своей армии... Утром султан прибыл на место, и вся армия приблизилась и заняла позиции перед стенами со стороны суши, приведя в великое изумление осажденных, которые пришли в страх при виде этого войска, даже несмотря на то, что (византийский) император, предупрежденный о решении султана, приказал укрепить все слабые места города, через которые было бы легче начать нападение, и сам он был исполнен твердой решимости защищаться до конца.

Прежде чем султан начал осаду, император послал ему предложение взять себе все города и их окрестности вне Стамбула, но оставить ему, императору, город, за что император будет платить султану ежегодную дань. Но султан, не внимая этим предложениям, ответил, что сабля и его религия неразлучны, и потребовал, чтобы император сдал ему город. Получив (этот) отказ, император установил на башнях и стенах артиллерию, воинов, вооруженных мушкетами и большими запасами смолы.

К концу первого дня до наступления ночи султан приказал установить в нужных местах батареи и начал подступ к городу при помощи янычар, а как только пушки были установлены, он приказал подвергнуть стены сильному обстрелу, не говоря уже о непрерывном граде стрел и камней, бросаемых метательными машинами, которые подобно дождю засыпали город. Осажденные, в свою очередь, производили непрерывные залпы из мушкетов и пушек, заряженных каменными ядрами[1], которыми они причиняли большие страдания многим мусульманам, оросившим своей кровью землю. В это время прибыли два больших корабля, посланные на помощь императору франками, и высадили значительное подкрепление, которое быстро проникло в город. Затем, так как мусульмане принуждены были удалиться от стен вследствие сильных вылазок неприятеля, осажденные стали громко кричать со стен и насмехаться над ними самым оскорбительным образом... И вот султан, собрав начальников, сказал, что для того, чтобы воспрепятствовать неприятелю делать вылазки, нужно вырыть в качестве прикрытия глубокий ров; это позволит укрыться от нападений неприятеля и, во-вторых, не даст возможности неприятелю прорваться и уйти. Так как город окружен стенами с трех сторон, то осаждать его с суши — пропащее время. Приходилось изыскивать средства для атаки его с моря. Это было трудное предприятие, потому что гавань между Галатой и Стамбулом была так прочно защищена цепью, что через нее нельзя было пройти ни одному судну.

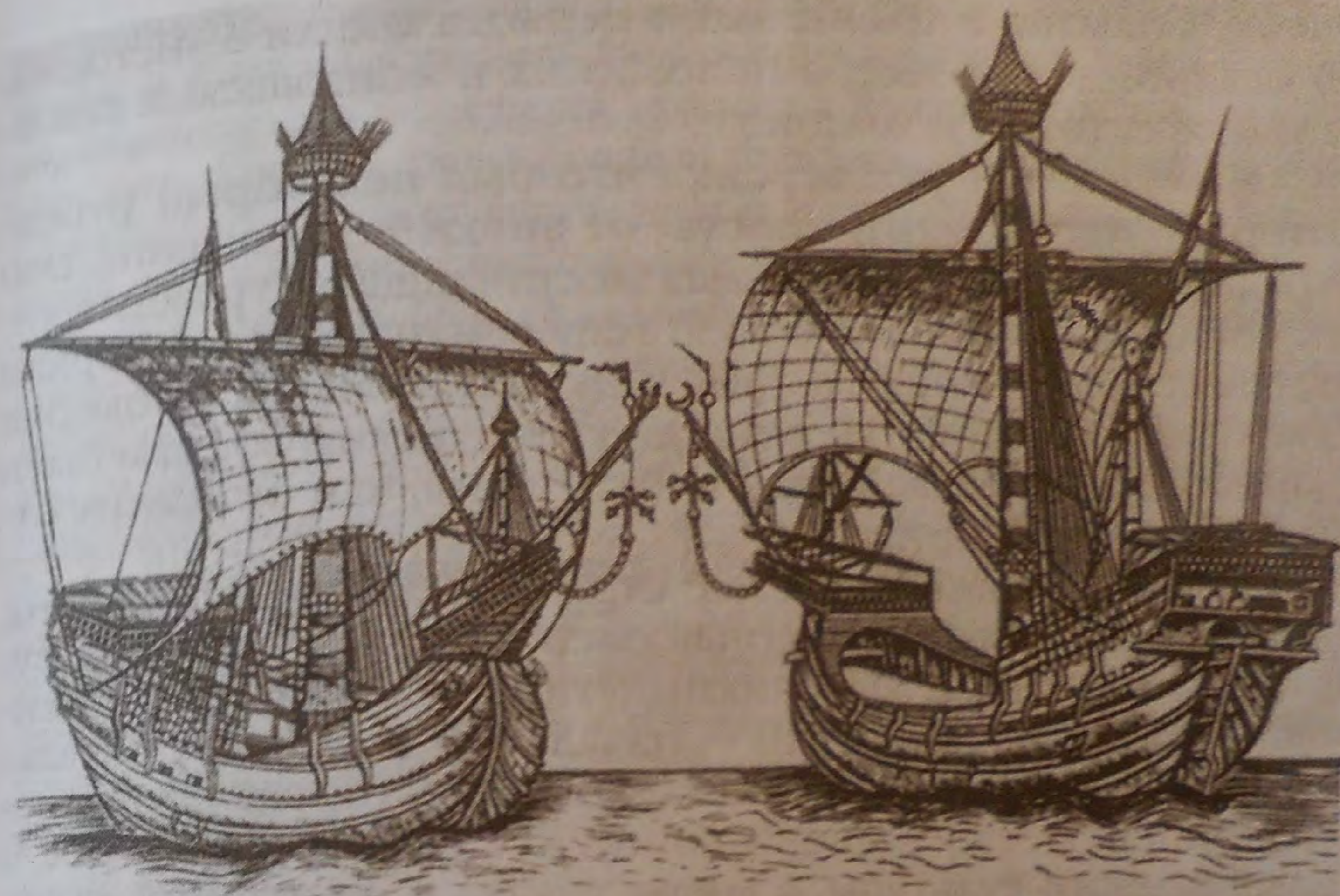
[1] Здесь интересно, что войска XV века стреляют из пушек каменными ядрами, а во времена Цезаря, как вы увидите позже, знают свинцовые пули.

Как ни умны были начальники, они не могли придумать средства для преодоления этого препятствия. Тогда султану пришла в голову мысль перетащить галеры по земле от нового замка, что позади Галаты, к крайней части гавани, и таким путем напасть на город со стороны моря, подвергнув его пушечному обстрелу. Византийцы были уверены, что это единственное место, через которое мусульмане не смогут напасть на них. Однако предприятие, задуманное султаном, удалось благодаря ловкости опытных инженеров, которые при помощи невероятных усилий сумели перетащить галеры через горы. Когда галеры были переправлены, ими воспользовались для того, чтобы устроить мост, и этот мост стал путем для нападения со стороны гавани и для крепкого охвата осажденных и с этой стороны. Император оказался в большом затруднении, будучи принужден разделять свои силы, для того чтобы противодействовать натиску с новой стороны. Он поставил франков защищать ворота Едрирех, а со стороны гавани поставил заслон из своих войск, очень недовольных, что им предпочли франков. Это внесло ссору между защитниками, а в султана вселило надежду на счастливый исход великих усилий.

После того как султан убедился в наличии всех этих разногласий, он приказал начать штурм со стороны Едрирехских ворот. Сопротивление, оказанное осажденными, было настолько мужественным, что турки лишь к ночи смогли форсировать брешь в стене. Но вместо того чтобы дать отбой, султан приказал привязать к концу пик факелы, свет которых заменил бы дневное освещение. Он не хотел давать передышки осажденным. Приказание было выполнено, и сражение продолжалось всю ночь. В момент самой жаркой схватки начальник франков появился на высоте стены, сражаясь наряду с другими воинами. Тогда один молодой мусульманин, ловкий и хладнокровный, бросился на него с необычайной быстротой и нанес ему такой яростный удар, что тот, пораженный насмерть, пал ниц на землю. Франки, видя гибель вождя, прекратили битву и тотчас же отступили по дороге к морю, чтобы

сесть на свои корабли. Тут осаждающие почувствовали новый прилив сил. Не обращая внимания на стрелы, выстрелы мушкетов, пушек и град камней, они бросились как львы на приступ и, войдя в бреши, проделанные ими с такой отвагой, они наконец захватили их и утвердили там свое знамя. В то же время город был взят, и войска, войдя в него, предали его крови и разграблению. Император в этот момент был в своем дворце на северном конце Едрирехских ворот, где он залпами из мушкетов и пушек старался отбиться от атаковавших его мусульман. Но так как он узнал, что знамя, к которому был прикреплен Коран, уже реет в центре города, он потерял мужество и приготовился отступить ко внешнему дворцу с отрядом своих людей. По дороге, встретив несколько грабивших мусульман, он бросился на них и переколол их всех. Наткнувшись на азапа, упавшего на землю от тяжкой раны, он счел своим долгом прикончить его. Азап, несмотря на слабость, напряг все усилия, чтобы избежать удара и продлить свою жизнь, и нанес императору в то же время удар, которым он поверг его на землю, после чего и прикончил его. Это заставило всех, кто сопровождал императора, бежать и рассеяться. Наконец, когда не осталось ни одного человека с оружием в руках, ни одного, кто мог бы оказать сопротивление, открыли городские ворота, и султан въехал в них во главе своей кавалерии. Грабеж продолжался три дня, и не было ни одного воина, который не стал бы богатым благодаря захваченной добыче и рабам. По прошествии же трех дней султан Мехмед запретил под страхом тяжких наказаний продолжать грабеж и резню, которая все еще не утихала. Все повиновались его приказу. Когда наступило полное спокойствие, вместо нелепого колокольного звона раздался приятный голос муэдзина, возвещающий пять раз в день час молитвы. Из церквей выбросили идолов, очистили их от запахов, которыми они были оскверняемы, и устроили в них ниши, дабы обозначить место, куда следует устремлять взор, когда творишь молитву. К церквам приделали минареты; одним словом, не забыли ничего, чтобы превратить их в места благочестия для мусульман».

Этот рассказ уже значительно более сложен и подробен в деталях, нежели рассказы предшествующих времен. За четыре столетия, прошедших с начала крестовых походов, развилась литературная традиция, терминология, мастерство писателей. Постепенно установились международные названия, стали общеупотребимыми и повсеместно понятными имена, а это предотвращало появление различных толкований текстов. Постепенно научились писать так, что из текстов стало возможным понимать политическую обстановку!



Корабли. Резцовая гравюра XV века

История, составленная по хронологии Скалигера (1540—1609) — это цепь злодейств, не имеющих цели и смысла. Драматическую, но вполне понятную историю Византийской империи (Ромеи) XII—XIII веков он разложил на ряд демонических нашествий готов, арабов, монголов. А реальная история просвечивает в них лишь незначительными деталями.

Византийская империя, включавшая все земли от Ирана до Британии, создалась до линии № 1. В течение ста лет произошло ее дробление на каганаты, управлявшиеся каганами, то есть государями-священниками. По всей вероятности, в VIII—IX реальных веках повсеместно произошли изменения в государственном устройстве разных стран; вместо каганатов появляются новые государственные образования — королевства и т. п., причем номинально, (а на восточных землях, быть может, и фактически) сохранялась Ромейская (Византийская) империя. В Европе в IX—X веках произошло объединение на основе католической религии, и была сделана попытка присоединить к этому союзу восточные земли, где исповедовались мусульманство и право-

славие. События и войны этого периода вошли в «историю по Скалигеру» под именами арабских и монгольских завоеваний, крестовых походов...

Мы излагали уже версию, что был некоторый рубеж, который отделил «античность» от эпохи Возрождения. Это середина XIV века, отмеченная жесточайшими гражданскими войнами в империи: в 1338 году османский эмир Орхан завоевал Малую Азию, в 1360 году султан Мурад I покорил почти всю Францию. Не этим ли гражданским войнам были свидетелями Цезарь, Лукан и Тит Ливий, чьи описания относятся к этой линии № 6?

XIV век также известен страшной эпидемией чумы, получившей название «Черная смерть», и, возможно, разрушительными землетрясениями. Эти ужасы нанесли классической культуре конца XIII — начала XIV века сокрушительный удар: население Европы сократилось, города обезлюдели, производство упало. В конце XIV века встал вопрос о возрождении культуры, а время упадка и испытаний получило повергающее всех в ужас наименование «середина века». Однако в начале следующего, XV века это название потеряло свой первоначальный смысл[1], и было переделано в «средний век»,— так, возможно, именовали теперь весь XIV век, в отличие от античного XIII века и нового XV века, века Возрождения.

В XVI—XVII веках в результате филологической деятельности некоторых представителей Ренессанса прижилось понятие «средние века», подразумевающее сразу чуть ли не тысячу лет. Так и получилось, что Лаоник Халкокондил в середине XV века имел образцом творчество Фукидида (якобы ок. 460—400 до н. э., линия № 5), античного автора XIII века; Тит Ливий тоже следовал за ним.

Тит Ливий. ИСТОРИЯ РИМА ОТ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА:

«...К этому времени войско консула Аврелия завершило переход из Арреция в Аримин, а пять тысяч союзников-латинов спустились из Галлии в Этрурию. Галлы все еще осаждали Кремону; претор Луций Фурий Пурпуреон выступил против них; он двигался большими переходами и, выйдя к Кремоне, расположился в полутора милях от неприятеля. Если бы он не побоялся напасть на вражеский лагерь прямо с похода, то мог

[1] Точно также при переходе к XXI веку потеряло свой прежний смысл словосочетание «прошлый век», на протяжении всего XX столетия относящееся к XIX веку.

бы одержать славную победу, ибо галлы разбрелись по окрестным полям, и в лагере оставалась лишь ничтожная охрана. Фурий Пурпуреон, однако, на это не решился, ибо шел к Кремоне стремительно и теперь опасался, что воины слишком утомлены. Заслышав крики своих, галлы побросали захваченную добычу и кинулись в лагерь. На следующий день они выступили строем навстречу римлянам; Луций Фурий готов был принять бой, но галлы надвигались бегом, и полководцу почти не оставалось места, где развернуть войска. Ополчение союзников делилось на две алы — правую и левую; Луций Фурий поставил правую на переднем крае, а позади, в резерве,— два готовых прийти им на помощь римских легиона; правой алой он приказал командовать Марку Фурию, одним легионом — Марку Цецилию, а конниками — Луцию Валерию Флакку; все трое были у него легатами. Еще двух легатов, Гая Летория и Публия Титиния, претор оставил при себе, дабы держать под наблюдением все поле боя и сразу же ответить, буде противник предпримет неожиданный маневр. Поначалу галлы все скопом кинулись на стоявшую перед ними правую алу, понадеявшись смять ее и уничтожить; когда это не получилось, они стали обходить отряд с флангов, стремясь окружить его, и думали легко достичь этого, поскольку числом гораздо превосходили римлян.

Угадав их замысел, претор приказал растянуть боевую линию сколь возможно более, выведя два легиона из запаса, он поставил их справа и слева от отряда, что бился на переднем крае, и дал обет построить храм Юпитеру, коли дарует ему победу в этом бою. Луцию Валерию он велит пустить на один из флангов противника всадников обоих легионов, на другой — союзную конницу и пресекает замысел галлов окружить строй римлян; сам же, видя, сколь широко оттянул противник свои фланги и тем ослабил середину строя, приказывает бросить в бой когорты и прорвать вражескую линию. Римская конница опрокинула врага на флангах, пехота — в центре, множество галлов было убито, и они наконец врассыпную побежали к лагерю. Конники устремились следом, подоспели и пошли на приступ легионеры. Не более чем шести тысячам человек удалось спастись бегством, убито или взято в плен было тридцать пять тысяч, захвачено семьдесят боевых знамен и более двухсот галльских повозок, доверху нагруженных добычей. В битве этой пал карфагенский полководец Гамилькар и трое галльских вождей; вызволены из плена и возвращены в свой город почти две тысячи свободных граждан Плацентии.

Победа была велика, и в Риме узнали о ней с радостью. Когда донесение доставили в столицу, решено было три дня кряду возносить благодарственные моления богам. Погибло до двух тысяч римлян и союзников — более всего из правой алы — той, что приняла на себя пер-

вый и самый мощный натиск врага. Хотя претор один почти завершил войну, консул Гай Аврелий, окончив дела в Риме, выступил в Галлию и принял здесь от претора командование победоносным войском.

* * *

Другой консул прибыл в свою провинцию к концу осени и расположился на зиму неподалеку от Аполлонии. Из флота, укрытого на Коркире, он, как уже было сказано, вывел двадцать римских трирем, отправил их под командованием Гая Клавдия в Афины, союзники, совсем было отчаявшиеся, воспряли духом, завидев входящие в Пирей корабли. Никто отныне не тревожил их на суше, не разорял их поля, проходя привычным путем из Коринфа через Мегару, да и на море не видно стало разбойных кораблей из Халкиды, что бесчинствовали до той поры не только в открытых водах, но нападали и на прибрежные владения афинян,— теперь они не смели более заплывать за мыс Суний и тем более — выходить из Еврипского пролива в открытое море. К тому же на помощь афинянам прибыли три квадриремы с Родоса и в Аттике стояли три беспалубных корабля, готовые прикрыть владения города с моря. Клавдий счел, что для обороны Афин и принадлежавших городу земель этих сил хватит, ему же судьба указует путь к более славным деяниям.

Халкидские изгнанники, из тех, что покинули родину, спасаясь от насилий со стороны царских воинов, сообщили Клавдию, что Халкидой можно овладеть без боя: македоняне, по их словам, разбрелись по окрестностям, вовсе не опасаясь нападения, ибо полагали, что противник находится далеко от города, сами же граждане Халкиды, положась на македонский гарнизон, ничего для защиты города не делали. Клавдий решился последовать этим советам и, выйдя из Пирея, так быстро доплыл до Суния, что мог бы в тот же день войти в Евбейский пролив. Не желая, однако, огибать мыс и тем обнаружить свое присутствие, он приказал остановиться; лишь с наступлением темноты корабли Клавдия подняли якоря и перед рассветом незаметно подошли к Халкиде со стороны самой малолюдной части города, так что нескольких солдат оказалось довольно, чтобы захватить ближайшую башню, а, поднявшись по лестницам,— также и ту часть стены, где часовые либо спали, либо их вовсе не было. Продвинувшись далее к тесно застроенным кварталам, они перебили часовых, взломали ворота и впустили в город остальных воинов. Солдаты разбегаются по улицам, поджигают дома вокруг главной площади, смятение охватывает город. Пламя перекидывается на царские хранилища зерна, гибнут в огне склады оружия, где хранилось и множество осадных машин, воины убивают без разбора и тех, кто ищет спасения в бегстве, и тех, кто пытается сопротивляться.

Ни одного человека, способного носить оружие, в городе не осталось — все либо бежали, либо были убиты; погиб и сам командир акарнанец Сопатр. Всю добычу снесли на главную площадь и потом погрузили на корабли. Родосцы разбили ворота тюрьмы, выпустили тех, кого запер здесь Филипп, полагавший, что уж из этой-то темницы никто их освободить не сможет. Разбив статуи царя или отбив у них головы, моряки собрались по сигналу на корабли и двинулись обратно в Пирей, откуда так недавно отплыли. Если бы римлянам достало сил удержать Халкиду, не отказываясь в то же время от обороны Афин, царь с самого начала войны лишился бы и этой области, и Еврипа, что могло бы решить дело, ибо как Фермопильское ущелье запирает Грецию с суши, так и Еврипский пролив есть ключ к ней с моря».

Этот текст Тита Ливия — вполне средневековое описание походов и битв, в стиле, словаре, отношении к деталям, обобщениях не уступающее текстам XIV—XV веков!

Завершается XV век (линия № 7), начинается век XVI (линия № 8). Один из самых знаменитых писателей этой эпохи Николо Макиавелли сообщает о поражении от Ганнибала при Каннах (216 до н. э., линия № 7) во Второй Пунической войне. Все в его текстах — иносказания. Он пишет про *Рим* и тут же про Римскую церковь, имея в виду папскую курию. Он не приводит ни одной (!) даты.

«От Тарквинцев до Гракхов — а их разделяет более трехсот лет — смуты в Риме очень редко приводили к изгнаниям, и еще реже к кровопролитию», и т. п. Имеются в виду триста лет с XI по XIV век? Или это просто мифическая цифра?

А вот заявление о влиянии Рима, который легко отождествляется с Римской церковью:

«В древние времена (в XIV или XV веке?) тому было немало примеров. Так, при помощи Карла Великого церковь прогнала лангобардов, бывших чуть ли не королями всей Италии. В наше время она подорвала венецианцев с помощью французов, а потом прогнала французов с помощью швейцарцев».

Или: «Многие римляне, после того как нашествие французов опустошило их родину, переселились в Вейи, вопреки постановлению и предписанию Сената». Комментаторы тут же поправляют: «Макиавелли... сознательно допускал анахронизм, именуя галлов французами: это надо было ему для подчеркивания параллели между галльским нашествием на Древний Рим и походами Карла VIII в Италию». Ну когда же это кончится?!

А в некоторых местах (и это ни для кого не секрет) Макиавелли дополняет Тита Ливия, то есть история, описан-

ная Ливием, известна ему не хуже, чем самому Ливию! Причем сначала средневековые хронологи «вычислили», что Тит Ливий жил в I—II веках н. э., а потом они «поправились», и теперь считается, что он жил в I веке до н. э. Это тоже надо иметь в виду, когда в истории что-то не сходится.

Первая Пуническая война между Римом и Карфагеном, считают, происходила в 264—241 годах до н. э. Римским главнокомандующим был Дуилий. Трудно сказать, чем руководствовался историк Ф. Шахермайр, упоминая Дуилия рядом с именем Александра Македонского, умершего почти за сто лет до Пунических войн, но это одна и та же линия веков, только разных «волн»:

«Некоторые исследователи считают, что только в Финикии Александр понял, какое значение имеет флот во время войны. Надо думать, что роль флота была ясна любому македонянину. И если Александр пренебрегал флотом, то вовсе не потому, что не понимал его значения, а в связи с тем, что перед ним всегда стояли более неотложные задачи. Теперь же Александр без промедления отстранил своего флотоводца, а сам сменил коня на корабль. **Он, как Дуилий,** взял с собой на корабль гоплитов, чтобы брать на абордаж вражеские суда (македоняне уже научились пользоваться перекидными мостиками). Флотоводцам не понравилось вмешательство в их дела царя и его офицеров, не имевших ни малейшего опыта. Тем не менее Александр добился полного успеха. Он начал битву, командуя правым флангом... Защитники Тира не рискнули принять открытый бой. Они попытались внезапно атаковать Александра. Казалось, атака удалась, но Александр молниеносной контратакой вырвал у противника победу, нанес его флоту ощутимый урон и загнал в гавань. Больше тирские корабли не отваживались выходить в море».

Поскольку Макиавелли ничего не писал о флоте, попробуем хоть немного заполнить этот пробел. Как же развивалось флотоводческое искусство, если взглянуть на этот процесс с нашей точки зрения?..

По морям, по волнам

В человеческой истории описания каких-либо категорий общественной жизни появляются вскоре после появления каждой такой категории. Если мореходство, как нас в том уверяют традиционные историки, существовало со времен древних египтян, то, даже если оно сохранялось в неизменном виде, плавания не могли не оставлять письменных «следов». И были бы эти «следы» разбросаны по всей шкале времен равномерно, а скорее — с нарастанием от древности к нашему времени.

Но вот как раз равномерности-то мы и не видим. Приложив к сообщениям о морских делах египтян, греков, арабов и римлян нашу синусоиду, мы не находим никаких морских приключений, описаний, поэм или прочего в веках линий № 1—2, то есть X и IX до н. э., VII—X н. э. Сообщения начинаются только с линии № 3, причем имеющиеся выше этой линии описания проходят свой путь развития как будто каждый раз с начала. Интересно также, что первые приключенческие произведения мировой литературы были как раз морскими, но появились они впервые... в XVIII веке; это были «морские романы» Ф. Купера и Ф. Марриета.

Одним из первых произведений морской тематики считается египетская «Сказка потерпевшего кораблекрушение», которую датируют XX—XVII веками до н. э. По ассиро-египетской синусоиде нижний предел такой «даты» — линия № 3, а верхний поднимается до линии № 6. Для Европы же, как признают и сами историки, о достоверных морских плаваниях можно говорить с XI века. В книге «Паруса над океаном» Виктор Шитарев сообщает: «уже в XI в. мореплаватели прокладывали пути своих судов преимущественно вдали от берегов. Гребные суда в такой ситуации становятся бесполезными: в открытом море в условиях качки и высоких волн гребля практически не эффективна. На первое место выходит парус».

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению по теме, скажем два слова о парусах и веслах. Надо иметь в виду, что вплоть до появления пароходов существовало четкое разделение между военными и торговыми судами. Торговые были парусными (чтобы не занимать полезный объем корабля гребцами и запасами для их питания), а военные — чисто весельными, или весельно-парусными (чтобы не зависеть от прихотей ветра). Весельные суда применялись в военном деле вплоть до появления первых пароходов. Тот же Виктор Шитарев пишет:

«В 1787 г. американец Джон Фич продемонстрировал почтеннейшей публике пароход «Эксперимент» на р. Дэлавер. Со скоростью 12 км/ч судно двигалось вперед, работая тремя веслами, приводимыми

в движение через систему рычагов паровой машиной. Этим и закончилось промышленное применение весла в качестве основного судового движителя».

Имеется достаточно сведений о средневековом мореплавании. Известно, как выглядели корабли той поры. Также мы совершенно доподлинно знаем, что в эти века не было плаваний через океаны, потому что корабли не были к этому приспособлены, не имелось навигационных приборов и карт.

Плавания совершали преимущественно вдоль берегов. Вместо карт использовали так называемые Пейтингеровы таблицы — по сути дела не карты, а «дорожную номенклатуру», списки населенных пунктов и портов. Впервые морская карта упоминается в связи с морским походом французского короля Людовика IX в 1270 году. Но в XIV веке моряки уже регулярно стали пользоваться картами, вернее, указателями фарватеров.

Надо учитывать, что отнюдь не всякое изготовленное руками человека плавсредство может выйти в открытое море. Вернее, выйти-то оно может, но вот вернется ли обратно?.. Если корпус не выдерживает ударов волн, если мачты ломаются, а паруса рвутся, если, наконец, судном невозможно управлять — никакого мореходства быть не может.

Теперь уже невозможно сказать, когда люди научились гнуть доски для корпуса, когда изобрели пилу и бурав, когда отработали технологию сшивания досок и балок в единый корпус. Это происходило во времена «доисторической» истории, от которой не осталось письменных свидетельств. Но есть в конструкции морских судов такие элементы, без применения которых нельзя было даже задумывать дальние плавания, причем известно время их изобретения. Мы говорим о корабельном руле.

Сначала для военных и торговых целей использовали весельные галеры и иные типы гребных судов. По каждому борту галеры располагался ряд весел, каждое длиной до 15 метров и весом 250—300 кг. Таким тяжелым веслом гребли 6—9 человек, держась за специальные скобы на вальке. Гребцы, располагавшиеся рядом друг с другом, во время работы вставали с банок и делали несколько шагов вперед и назад в соответствии с тактом каждого гребка. Темп гребли задавался до 22 гребков в минуту.

Римское торговое судно. На его корме художник пририсовал какую-то надувную лебединую шею. Сделал это художник, без сомнений, для того, чтобы хоть чем-то отличить «древнеримское» судно от средневековых, от которых они на самом деле отличаются только отсутствием «наваррского» руля. В Европе такие суда могли использовать еще в XIII веке наряду с судами, уже получившими новый руль

Французский неф, родственный английскому коггу или скандинавскому хольку. Эти типы судов применялись в XIII —XIV веках. Виктор Шитарев пишет: «Встречаются изображения когга и с рулем, и с кормовым веслом. По-видимому, практиковались оба типа рулевого устройства»

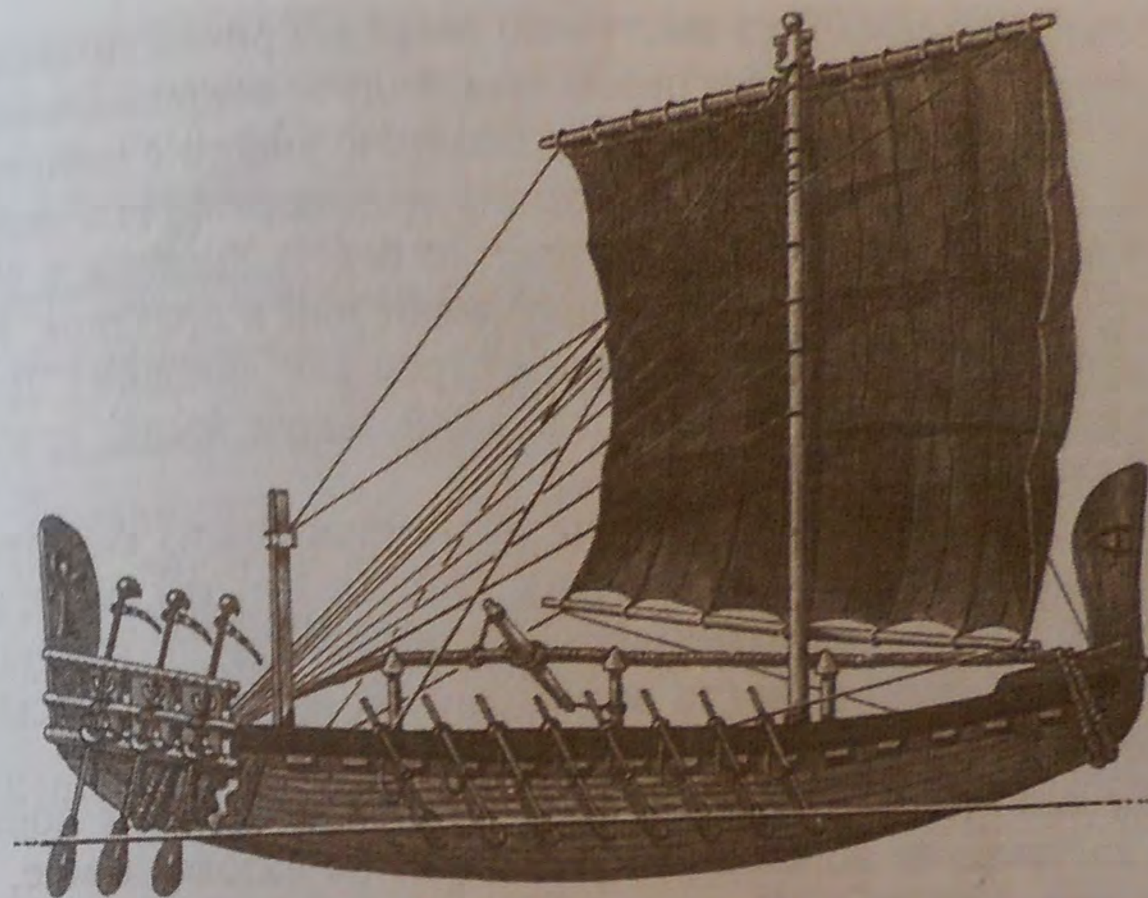
Руль на таких судах мало отличался от обычного гребного весла, он был лишь немного приспособлен для управления. На крупных кораблях его крепили на корме и, чтобы усилить точку опоры, снабжали рычагом, отдаленно похожим на румпель. Почти так же, с помощью широколопастного короткого весла, управлял своей пирогой сидевший на корме дикарь. Иногда по обеим сторонам кормы устанавливали два широких весла. Весло опускали в воду с той стороны, в которую хотели повернуть судно.

Но это был малоэффективный способ управления, ведь весло не давало упора и легко отклонялось под ударами волн. Для мелких судов этот недостаток особого значения не имел, но по мере того, как корабли становились крупнее, несовершенство рулевого управления выявлялось все очевиднее и ограничивало размеры строившихся судов. Попытки разрешить проблему с помощью установки нескольких рулевых весел не принесли никакого успеха.

При отсутствии надежного руля корабли не могли плыть против ветра, они всегда находились во власти стихии, независимо от того, был ли движущей силой труд гребцов или парус. Гребцы были даже лучше, поскольку, подгребая больше с того или другого борта, можно было разворачивать судно. Поэтому на галерах приходилось держать много рабов. Это, конечно, сдерживало развитие торгового мореплавания, потому что весь полезный объем судна занимали гребцы и запасы продовольствия для них, и отказаться от гребцов, даже при наличии на корабле парусов, было невозможно.

Проблема управления судном была особенно актуальной для военного флота. Пока таран и абордаж были главными способами атаки, маневренность галер обеспечивалась им преимущество, и ничем иным, кроме тяжелого труда галерных рабов, нельзя было достичь этой маневренности. Положение стало изменяться только в XVI веке, когда развитие артиллерии коренным образом изменило тактику морского боя. Но даже и тогда, хотя наличие на борту множества гребцов не позволяло вооружать корабли в достаточной мере артиллерией, их продолжали использовать; даже в XVII веке мы видим морские сражения с участием весельных кораблей.

Так посмотрим же на традиционную историю мореплавания с учетом сказанного.



Египетское морское судно, известное за 2500 лет до н. э.

О развитии мореплавания по линии № 4 в Египте свидетельствует наличие здесь каст не только кормщиков, но и толмачей — переводчиков. Значит, торговля в Египте носила международный характер, а раз так, почему же речь все время идет об истории Древнего ЕГИПТА, и только?.. Многие народы, населявшие побережье Средиземного моря, контактировали с египтянами. Естественно, что эти контакты не всегда носили дружественный характер, и флот делился на военные и торговые суда. В связи со сказанным, представляет интерес завещание Рамсеса III (1269—1244 до н. э.):

«Я построил большие ладьи и суда перед ними, укомплектованные многочисленной командой и многочисленными сопровождающими (вoинами); на них их начальники судовые с уполномоченными (царя) и начальники для того, чтобы наблюдать за ними. Причем суда были нагружены египетскими товарами без числа. Причем они сами (суда) числом в десятки тысяч отправлены в море великое — Му-Кед. Достигают они страны Пунт. Не подвергаются они опасности, будучи целыми из-за страха (передо мной). Нагружены суда и ладьи продуктами Страны Бога, всякими чудесными и таинственными вещами их Страны, многочисленной миррой Пунта, нагруженной десятками тысяч, без числа ее.

Их дети вождей Страны Бога выступили вперед, причем приношения их для Египта перед ними. Достигают они, будучи невредимыми, Коптосской пустыни. Причаливают они благополучно вместе с имуществом, доставленным ими. Нагружают они его для транспортировки посуху на ослов и на людей и грузят на суда на реке, на берегу Коптоса, и отправляют вверх по реке перед собой. И прибывают они в праздник, принося (эти товары) в качестве даров перед царем как диковину. Дети их вождей совершают приветствия передо мной, целуя землю, сгибаются передо мной».

Ничего здесь нет такого, чего нельзя было бы приписать XII веку н. э., относящемуся к той же линии № 4, как и следующий текст — «коммерческого договора», который датируют X веком до н. э. (та же линия № 4) и приписывают Соломону:

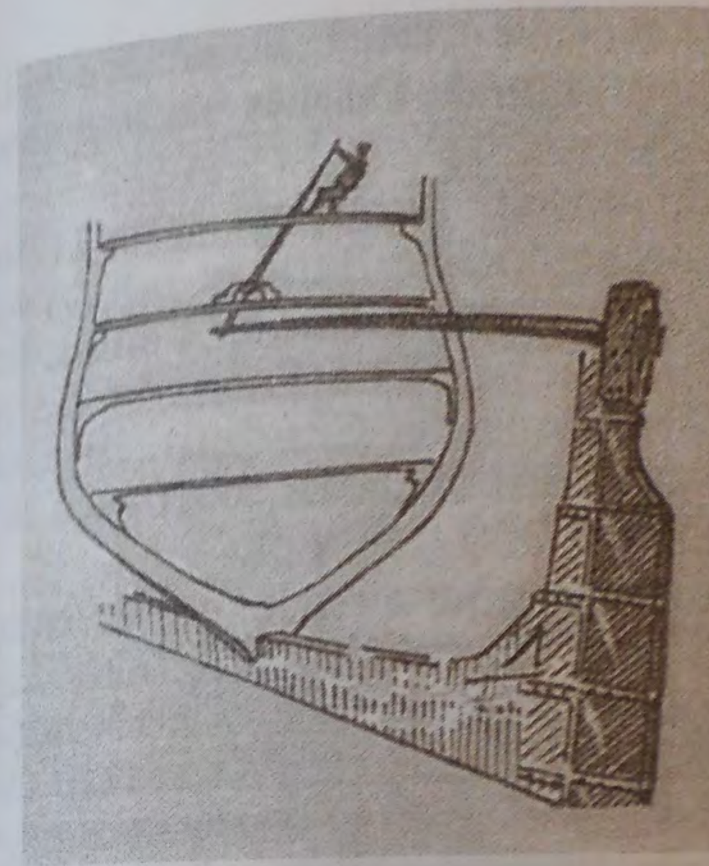
«Рабы мои свезут их (деревья с лесоповала) с Ливана к морю, и я плотами доставлю их морем к месту, которое ты назовешь мне, и там сложу их, и ты возьмешь. Но и ты исполни мое желание, чтобы доставлять хлеб для моего дома...»

Договор соблюдался, ибо записано было: «И давал Хирам Соломону дерева кедровые и дерева кипарисовые вполне по его желанию. А Соломон давал Хираму двадцать тысяч коров[1] пшеницы, для продовольствия дома его, и двадцать коров оливкового выбитого масла. Столько давал Соломон Хираму каждый год».

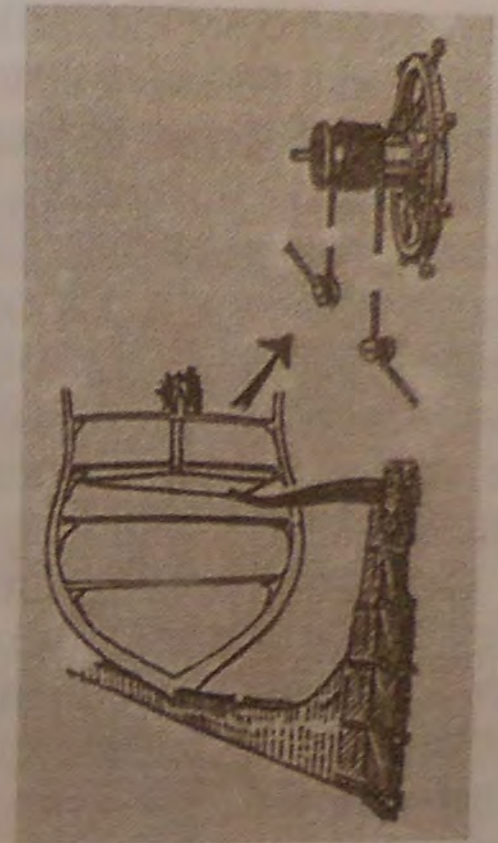
Но хотя эти документы и могли быть составлены раньше линии № 4 нашей синусоиды (в силу ее нечеткости), то приключения Одиссея совершенно точно относятся к ней, как и появившиеся в VI веке до н. э. географические описания, так называемые «периплы». Не случайно свое дальнейшее развитие эти первичные устные карты получили в 1270 году (линия № 5), когда появились первые карты-портолоны, показывающие морские пути к далеким землям. Подлинники этих карт хранились в специальных государственных учреждениях, а морским капитанам для пользования в море выдавали копии и обязывали их в случае опасности выкидывать карты за борт, чтобы они не достались врагу. Для этих целей к картам приделывали свинцовые грузила.

На линии № 6 мы находим отправку флота Александра Македонского (IV до н. э.) на завоевание Индии. Известный

[1] 1 кор = 350 литров.



Старинный корабельный руль с колдерштоком. Повсеместно заменил кормовое весло, начиная с XIII века



Корабельный руль со штурвальным колесом. Вошел в широкую практику в начале XVIII века

«александровед» Фриц Шахермайр, ссылаясь на сообщения Неарха и Птолемея, так описывает это событие:

«Дабы придать походу должную значимость, требовалось, чтобы царь и его элита прошли на кораблях хотя бы часть пути. Кроме того, Александр всегда был склонен к театральным эффектам и хотел торжественно отметить отплытие флота. В начале ноября 326 г. до н. э., после обычных жертвоприношений и спортивных состязаний, когда отборные войска уже взошли на корабли, царь сам поднялся на борт. Александр прошел на нос флагманского корабля и обратился с молитвой к речным богам, праотцу Гераклу, отцу своему Аммону и другим бессмертным. Торжественно совершил он возлияния из золотой чаши. Затем звук трубы возвестил отплытие, и корабли в строгом порядке отошли от берега, отправляясь в далекий путь. Эхо разнесло звуки команды, хлопанье канатов, крики и пение гребцов. Это было поистине прекрасное зрелище! Местные жители в восторге толпились на берегах и даже бежали вслед за кораблями. Так описали эту сцену Неарх и Птолемей, стоявшие рядом с царем. Нас она интересует не только потому, что исторические источники отразили ее во всех подробностях. Мы уже говорили, что Александр обладал поразительным чувством исторического величия. Сообщения Неарха и Птолемея показали нам царя в его стихии. Он умел почувствовать величие момента, придать ему соот-

ветствующую форму и испить до дна упоение славой. До впадения Гидаспа в Акесин плавание шло без происшествий. Главная часть войска, идя по обоим берегам, опередила флот...» и т. д.

Помимо моряков, отправлялись в путь греческие воины с новым, только что прибывшим с Запада вооружением, тыловые войска, состоящие из наемников, и завербованные фракийцы, примкнувшие к армии на Гидаспе. Были также всадники из Арахозии, Согдианы и Скифии, индийские контингенты с боевыми слонами. А сами экипажи кораблей «насчитывали не меньше 20 000 человек».

Перед флотом стояла задача переправлять, если понадобится, пехоту через протоки Инда, флот должен был служить как бы передвижным мостом. Он также освобождал войска от обозов. «Однако важнейшей задачей флота Александр считал изучение и открытие новых путей для имперских коммуникаций,— пишет Шахермайр.— Главной целью Александра было открыть судоходство по Инду, что должно было обеспечить транспортные операции на внешнем море и решить как торговые, так и политические задачи».

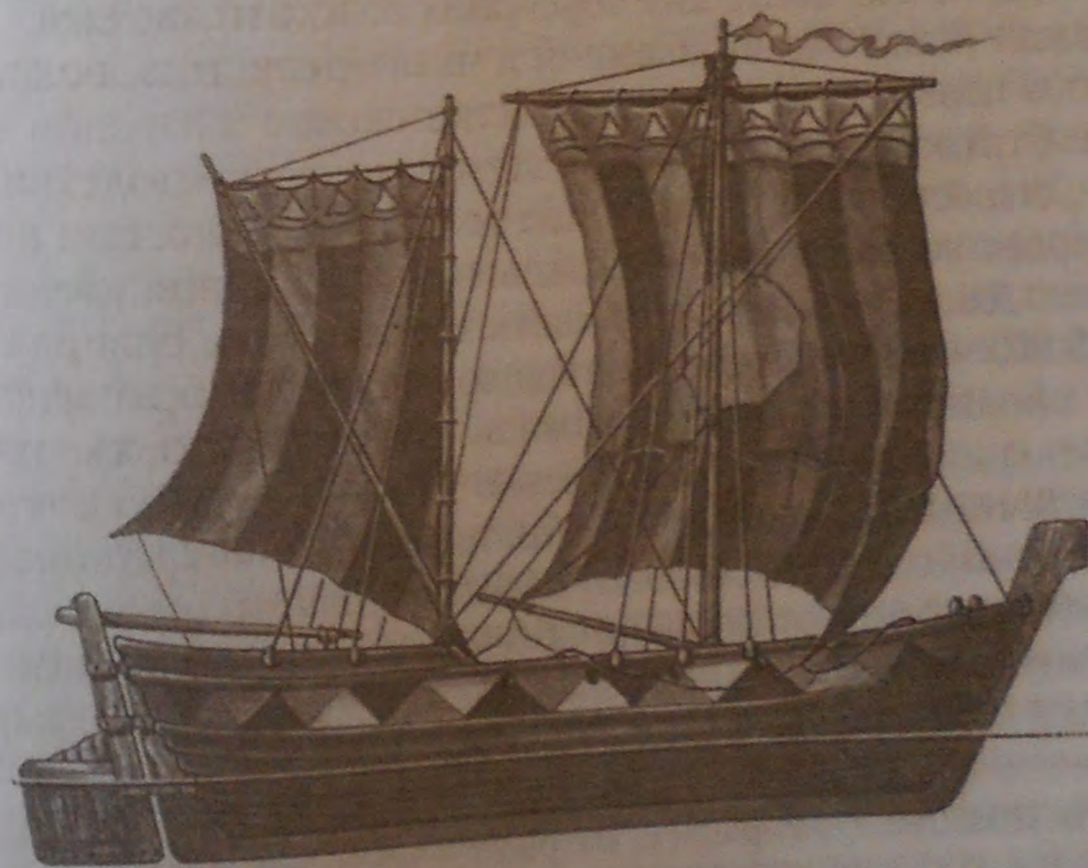
Но ведь флот и оружие денег стоят! Если не рассматривать экономическую сторону деятельности «Александра», то мы так навсегда и останемся с теми представлениями о соотношении войны и богатства, которые предлагает нам телевизионная реклама: воевал Македонский, воевал, завоеванные богатства стали развращать воинов, и повелел тогда царь собрать все богатства да и сжечь.

В любой книге про те времена можно прочесть, что в какое место Азии или Африки ни приходил Александр Великий, там тут же воздвигались эллинистические города. Воздвигались будто сами собой. Стены, дома, базары, академии. В садах бьют фонтаны, под фонтанами бродят парами философы и важно философствуют. Но надо же наконец понять, что дворцы и города «воздвигаются» по мановению брови только в том случае, если бровью шевелит джинн из кувшина, а это происходит только в сказках.

Если историки желают и реалистами быть, и традиционной хронологии не изменить, то они должны прежде всего ответить на вопросы: кто делал корабли Александру, где и сколько, и на какие деньги, и как же поддерживалась технология, если даже не было носителей информации более надежных, чем папирус?

Если же мы, отрицая традиционную хронологию, обратимся к нашей синусоиде, то увидим, что в XIII веке, когда

Так историки представляют себе торговое судно этрусков. Морского руля еще нет, управление осуществляется веслами, расположенными с двух бортов



Новгородская ладья. Имеет корабельный руль с колдерштоком. Предполагается, что подобные суда строили на Руси в XI веке

только и были возможны плавания Александра, прежде чем совершать подвиги, владетельным особам требовалось изучить сметы расходов и получить согласие изготовителей судов. Ведь в те времена судостроение было самой технологичной отраслью хозяйства, по значению своему и по сложности сопоставимой с нынешней космической промышленностью! И вот перед нами предстает реальная история, в которой можно обойтись без заявлений о чрезмерной «гениальности» и «везении» полководцев, без джиннов и без возникновения флотов и городов из ниоткуда.

Г. Мишо пишет в «Истории крестовых походов»:

«Фландрское дворянство также захотело выразить свое усердие к освобождению Святых мест; граф Балдуин поклялся в храме св. Донациана Брюггского отправиться в Азию для битвы с сарацинами; Мария графиня Фландрская пожелала сопровождать своего супруга; примеру Балдуина последовали оба его брата, Евстафий и Генрих, графы Саарбрукский и Геннегау, и Конон Бетюнский, известный своей храбростью и красноречием. Главные вожди крестового похода, собравшись сначала в Суассоне, а потом в Компьене, избрали предводителем священной экспедиции Тибо графа Шампаньского. На том же собрании было принято решение отправить армию крестоносцев на Восток морским путем и с этой целью послать шесть депутатов в Венецию, чтобы выпросить у республики суда, необходимые для переправы войска и лошадей.

Маршал Шампаньский, бывший в числе депутатов, подробно рассказывает о переговорах рыцарей Креста с дожем и народом венецианским. Депутаты были приняты с восторгом девяностолетним дожем Дандоло, старость которого состояла только в опытности и добродетели, но сердце которого еще воспламенялось при одном имени отечества и славы. Дандоло обещал доставить крестоносцам суда для 4500 рыцарей, 20 000 человек пехоты и продовольствие для всей христианской армии в продолжение девяти месяцев. Он предлагал, сверх того, от имени Венеции вооружить 50 галер с условием, чтобы венецианцам была предоставлена половина будущих завоеваний крестоносцев. Рыцари и бароны, со своей стороны, обещали уплатить республике 85 000 серебряных марок. Этот договор, обсужденный и одобренный на советах дожа и патрициев[1], был представлен на утверждение народа, собравшегося в соборе св. Марка».

[1] «ПАТРИЦИИ (лат. patricii, от pater — отец), в Древнем Риме первоначально все коренное население, входившее в родовую общину, составлявшее римский народ и противостоявшее *плебеям;* затем — родовая аристократия» (БЭС).

Переходя затем к линии № 6, мы обнаруживаем одновременное (во всех веках этой линии) появление законов, направленных против пиратов. Пиратство и в самом деле было проблемой во всех предшествовавших веках. Гомер описывал такую ужасную историю:

...Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
Злой козноден, от которого много людей пострадало;
Он, увлекательной речью меня обольстив, Финикию,
Где и поместье, и дом он имел, убедил посетить с ним:
Там я гостил у него до скончания года. Когда же
Дни протекли, миновалися месяцы, полного года
Круг совершился и Оры весну привели молодую,
В Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он
Плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем;
Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил.

В 337 году до н. э. в Коринфе прошел общегреческий конгресс, декларировавший свободу мореплавания и повсеместную борьбу с пиратством, что даже было оформлено законом, который, однако, фактически не исполнялся. Спустя 1000 лет императору Льву Исаврийцу (VIII век н. э., та же линия № 6 «византийской» волны) пришлось издавать некий Морской кодекс, причем многие особенности этого документа были связаны с морским грабежом (пиратством); однако вплоть до XIV века нет ссылок на этот закон.

Причем и после принятия серьезных мер против пиратства в XIV веке положение не улучшилось. Пиратством не гнушались даже высокородные джентльмены, как, например, Френсис Дрейк. Так что по всем тракам синусоиды ситуация зеркальная: на линии № 6 принимаются законы против пиратов, ниже этой линии никто о них не знает, а выше — знают, но пиратство продолжается.

Затем (во всех веках линии № 7) наступили эпохи широкой международной торговли и... гигантомании в судостроении. Суда-монстры наполняют и моря, и литературу!

Греческий историк Мемнон из Героклеи Понтийской (III век до н. э.) видел восьмирядную октеру («октера» и значит «восьмирядная»), «приводившую в изумление величиной и красотой...» Каждым ее веслом двигали 100 человек. Плутарх: «...враги дивились и восхищались, глядя на корабли с шестнадцатью и пятнадцатью рядами весел, проплывавшие мимо их берегов...» Птолемей в 285 году до н. э. захватил у Филокла флагман Демет-

Финикийское торговое судно

рия, 15-рядную пентекайдекеру. Царствовавший в Македонии Антигон Гонат построил 18-рядную октокайдекеру. Птолемей II прославился сооружением одного 20-рядного и двух 30-рядных судов, построенных на острове Крит корабельным мастером Пирготелем.

Но при всем при том, основной ударной силой флотов по-прежнему оставались пентеры (пятирядные), триеры (трехрядные) и более легкие суда. Ну а монстры ничем не прославились. По-видимому, их основным назначением было воздействовать на психику противника; заодно отрабатывали технологию производства.

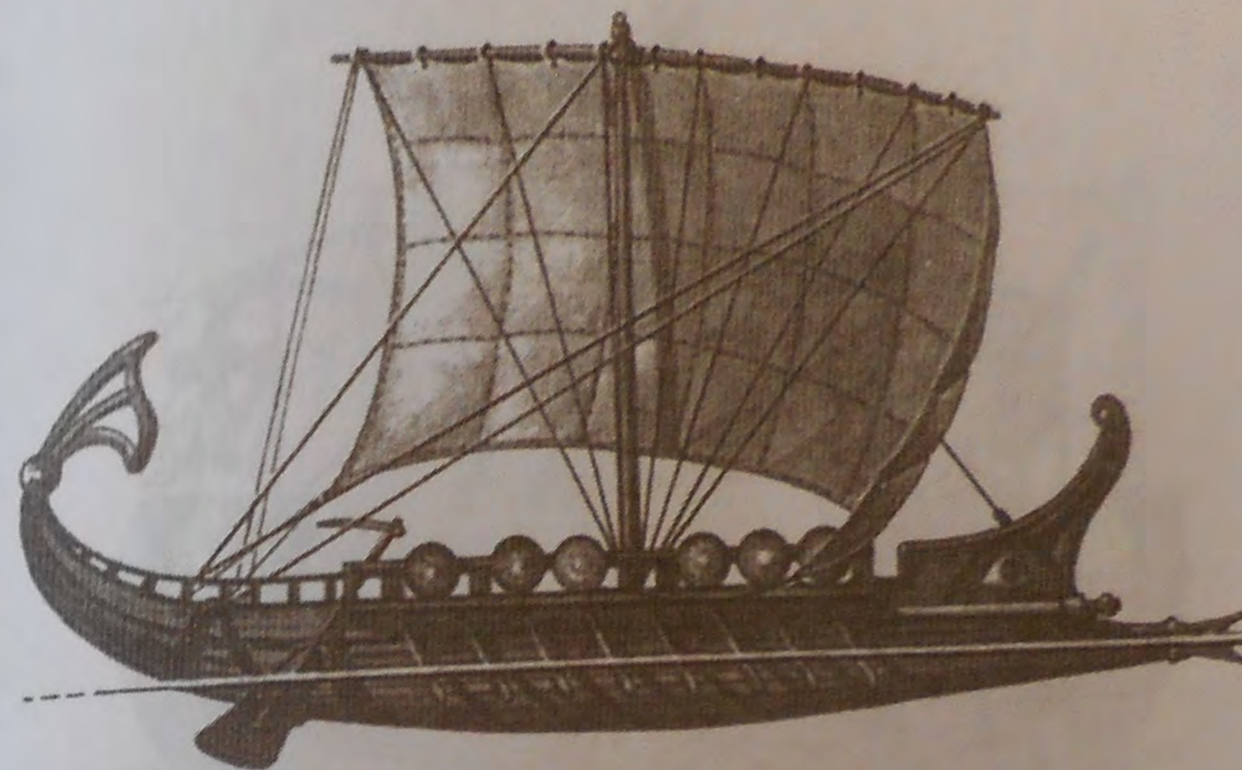
Триеру же воспел Вергилий (линия № 6):

> ...Вел «Химеру» Гиас — корабль огромный, как город,
> с силой гнали его, в три яруса сидя, дарданцы,
> в три приема они три ряда весел вздымали.

Вынуждены напомнить: гребные военные суда воевали между собой и в XVI и в XVII веке!

Совсем иначе выглядели крупнотоннажные торговые морские суда. Читаем Лукиана:

«...Я, бродя без дела, узнал, что прибыл в Пирей огромный корабль, необычайный по размеру, один из тех, что доставляют из Египта в Италию хлеб... Мы остановились и долго смотрели на мачту, считая,



Греческая (византийская) монера. (Иллюстрации этой главы позаимствованы из книги Виктора Шитарева «Паруса над океаном».)

сколько полос кожи пошло на изготовление парусов, и дивились мореходу, взбиравшемуся по канатам и свободно перебегавшему по рее, ухватившись за снасти... А между прочим, что за корабль! Сто двадцать локтей[1] в длину, говорил кораблестроитель, в ширину свыше четверти того, а от палубы до днища — там, где трюм наиболее глубок,— двадцать девять. А остальное, что за мачта, какая на ней рея и каким штагом поддерживается она! Как спокойно полукругом вознеслась корма, выставляя свой золотой, как гусиная шея, изгиб. На противоположном конце соответственно возвысилась, протянувшись вперед, носовая часть, неся с обеих сторон изображение одноименной кораблю богини Исиды. Да и красота прочего снаряжения: окраска, верхний парус, сверкающий, как пламя, а кроме того, якоря, кабестаны и брашпили и каюты на корме — все это мне кажется достойным удивления. А множество корабельщиков можно сравнить с целым лагерем. Говорят, что корабль везет столько хлеба, что его хватило бы на год для прокормления всего населения Аттики. И всю эту громаду благополучно доставил к нам кормчий, маленький человек уже в преклонных годах, который при помощи тонкого правила поворачивает огромные рулевые весла...»

Водоизмещение этого монстра — около 4,5 тыс. тонн, а грузоподъемность 3 тыс. тонн! Возможно, и вправду было

---

[1] 1 локоть = 44 см.

Шнеккер, торговое судно викингов. Полагают, что такие суда строили в VII—IX веках н. э.

построено такое судно, но было оно уникальным. В Испании в самом конце XV века смогли построить галион водоизмещением в 2 тыс. тонн и обнаружили, что такая громадина, несмотря на хорошую вместимость, не выдерживает морских походов. Идти круто к ветру, в бейдевинд, галион практически не мог: мешал надводный борт, ловивший ветер, как парус, только этим парусом было нельзя управлять.

Англичане учли ошибки испанцев и стали делать суда водоизмещением в 600 тонн, они были и легче, и значительно быстроходнее. Дальнейшие успехи англичан связаны с применением каравелл. Появление этого типа судов весьма примечательно с точки зрения хронологии. Откроем опять книгу специалиста Виктора Шитарева:

«В произведениях античных авторов, включая Геродота, есть упоминания о керкуре — легком паруснике, изобретенном на Кипре. Он был быстроходен и легок в управлении. Средневековые арабы сделали судно чисто парусным, трехпалубным и нарекли куркурой, которая у европейцев превратилась в купеческую каракку. Получив широкое распространение в Средиземноморье, она появилась... в XV в. и в Северной Европе. Как и хольк, каракка имела три мачты, но первые две

«Пинта» — каравелла из эскадры Колумба. Судно было длиной 21 метр, шириной 7,3 метра, осадка 2 метра. Водоизмещение около 140 тонн. Экипаж 65 человек. Это — XV век!

мачты несли не по одному, а по два прямых паруса. На мачтах появились марсовые площадки. Грузовместимость каракк достигала 400 ласт[1]. Обшивка делалась вгладь, ее переняли и европейские корабельные мастера вслед за греками. Примерно в 1440 г. бретонский мастер Жюльен уже строил каракки с такой обшивкой. В Голландии она получила название кравеель, отсюда и название судна — каравелла. Вскоре каравеллы становятся, благодаря совершенству конструкции, весьма популярны во всей Северной Европе».

Каравеллы, первоначально «позаимствованные» у антиков, стали основным судном эпохи Великих географических открытий!

Достаточно долго искали морской путь в Индию. Три столетия подряд мощные морские державы: Италия, Испания и Португалия, соревнуясь, отправляя современные морские корабли; экспедиция за экспедицией шли на юг, пока не достигли южной оконечности Африки, пока не сумели

[1] Принятый в Ганзе «данцигский ржаной ласт» равнялся 3,25 кубометра. Именно такой объем занимал груз зерна массой 2000 кг.

ее обогнуть, и пока Васко да Гама не нашел, наконец, морскую дорогу до Индии.

Только спустя два-три столетия после появления в Европе современного рулевого управления (хоть еще и без штурвального колеса) человеку удалось пересечь Атлантический океан,— и тоже в поисках Индии. Колумб отправился в путь 3 августа 1492 года на трех каравеллах. «Санта-Мария» (флагман) была длиной 23 м, шириной 6,7 м, имела осадку 2,8 м. Парусное вооружение «комбинированное» — фок-мачта, как у холька, гротмачта, как у каракки, а бизань-мачта несла треугольный латинский парус, свойственный как им, так и каравелле. На борту имелось четыре двадцатифунтовые пушки, шесть двенадцати- и восемь шестифунтовых. Водоизмещение — 200 тонн.

«Пинта» была длиной в 20 м, имела водоизмещение около 140 тонн и экипаж из 65 человек, а самая маленькая каравелла — «Нинья» длиной 17,3 м — имела водоизмещение около 90 тонн и экипаж из 40 человек.

Однако историки уверяют, будто задолго до изобретения карт, руля, морской оснастки и компаса люди просто так, без труда плавали по всему земному шару и прекрасно знали географию!

Можно ли в это поверить?

Катапульты и огнеметы

Чтобы без подготовки приступить нам к разговору о параллелях в вооружении «древних» и средневековых воинов, предлагаем выдержку из книги Юлия Цезаря (101—44 до н. э.) «Записки о галльской войне». Война эта относится к линии № 5 или даже к началу линии № 6, то есть к концу XIII — началу XIV века. По стилю это «древнее» описание боевых действий ничуть не хуже тех средневековых описаний, которые мы приводили в главе «Битвы и походы»:

«81. По прошествии одного дня, в течение которого галлы изготовили много фашинника, лестниц и багров, они выступили бесшумно в полночь из лагеря и приблизились к полевым укреплениям. Внезапно подняв крик, который для осажденных должен был служить сигналом их наступления, они бросают фашинник, сбивают наших с вала пращами, стрелами и камнями и вообще подготовляют штурм. В то же время Верцингеториг, услыхав их крик, дает своим сигнал трубой к наступлению и выводит их из города. **Наши занимают на укреплениях свои посты, которые каждому были назначены в предыдущие дни, и отгоняют галлов фунтовыми пращами, кольями, расставленными по всем шанцам, и свинцовыми пулями.** Так как за наступившей темнотой ничего не было видно, то много народа с обеих сторон было переранено. Немало снарядов выпущено было из метательных машин. Там, где нашим было трудно, легаты М. Антоний и Г. Требоний, которым досталась оборона этих пунктов, выводили резервы из ближайших **редутов** и по мере надобности посылали их на помощь».

Мы здесь выделили некоторые слова. Так, слово «шанцы» происходит от немецкого Schanze — окоп, укрепление. Редут же, согласно БСЭ, от французского redoute. Это — «полевое фортификационное сооружение в виде квадрата, прямоугольника или многоугольника, подготовленное к круговой обороне. Редуты являлись опорными пунктами в системе укрепленных позиций. Использовались в 16 — нач. 20 в.». В тексте Цезаря это слово никак не объясняется; возможно, оно неправомерно вставлено переводчиком.

Когда в средневековом тексте, посвященном «древности», встречается слово «артиллерия», историк-комментатор немедленно поясняет читателю, что этим словом автор, по незнанию, называл «военные машины для метания стрел, камней и балок, каковыми были баллисты и более легкие катапульты и скорпионы». Ведь средневековый писатель, в отличие от современных комментаторов, скалигеровской версии истории не знал, и его рассказы требуют уточнений. Но вот мы видим, что Цезарь упоминает свинцовые пули. Вы думаете, историки не сумеют вывернуться? Еще как сумеют! Они объясняют, что под свинцовыми пулями мы должны понимать вовсе даже не пули, а куски свинца размером с куриное яйцо, которые вместо камней кидали из пращи.

Но, во-первых, пращи тут же упомянуты Цезарем как отдельный вид вооружений. Во-вторых, подобное объяснение — что «пулями» пуляли из пращи, означает: непобедимая римская пехота тащила с собой в поход тяжеленный груз свинцовых шариков, предварительно потратив немало трудов для их отливки, хотя могли бы ограничиться сбором камней. Не проще ли предположить, что речь идет именно о пулях для ружей, а действие происходит в Средневековье?

Порох был применен в огнестрельном оружии впервые в 1319 году (линия № 6),— но стреляли сначала, как это ни удивительно, камнями! Когда появилось ручное огнестрельное оружие, первые свинцовые пули действительно были размером с куриное яйцо. А нам тут доказывают, что пули отливали из свинца, чтобы кидать вручную из пращи. Возможно, от таких-то вот комментаторов и пошло ироническое выражение «отлить пулю».

Мировая литература сохранила поэтическое описание той же самой гражданской войны, о которой пишет Цезарь. Марк Анней Лукан (39—65 годы) в седьмой книге поэмы «Фарсалия» пишет:

Каждое племя спешит со своим оружием в битву,
Римлянин — каждому цель: там стрелы летят отовсюду,
Факелы, камни летят и от воздуха жаркие ядра,
Что расплавляются в нем, разогретые грузным полетом.
Тьмы итурейцев, мидян и вольные шайки арабов,
Грозные луки у всех и стрелы пускают не целясь;
Мечут их в небо они, что над полем раскинулось битвы.
Сыплются смерти с небес; обагрен, не творя преступленья,
Тот чужеземный булат; беззаконие все собралося
К дротикам римским теперь: весь воздух заткан железом,
Мрак над полями навис от стрел, несущихся тучей.

Можно представить себе, как в пушку закатывают холодное ядро, пушка стреляет, ядро нагревается,— и от выстрела, и, возможно, в полете от воздуха. Если ядро толкнул рукою воин, то нагреться оно никак не успеет, потому что всего полета ему метров 15. К сожалению, нет сейчас соревнований по использованию пращи, и мы не знаем, как далеко летело бы ядро, пущенное из пращи. Литературоведы тоже этого не знают, что не мешает им делать предположение, что речь идет именно о праще, и комментировать это место у Лукана таким образом:

«О том, что свинцовые ядра, пускаемые из пращи, будто бы накалялись и даже плавились при полете, упоминается и у других древних авторов. Так, например, Лукреций (VI, ст. 178 сл.) говорит:

...свинцовые даже
Ядра, коль долго летят, растопляются в быстром вращенье».

В традиционном контексте заявления о нагревании, а тем более «растоплении» металлических ядер в полете не могут быть умозрительными. То есть раз уж писатели об

этом пишут, значит, видели, как происходит этот процесс, или хотя бы его завершение — падение ядра. Но скажем прямо (и с этим согласятся все, даже литературоведы), никаким механическим приспособлением, вроде пращи или катапульты, нельзя придать ядру такое ускорение, чтобы оно не то что растопилось, а даже нагрелось в полете.

А представить себе такой процесс, предугадать его, ни разу не видев наяву, невозможно, потому что вплоть до эпохи «Возрождения» люди не понимали, что такое воздух, они его попросту не замечали, и уж конечно не могли себе представить, чтобы трением о воздух что-либо могло нагреваться, ибо не было достойных скоростей. Вопросы динамики вплоть до времен уже развитого применения артиллерии не рассматривались, люди ограничивались статикой; только стрельба на большие расстояния показала, что в баллистике надо учитывать наличие воздуха, и это — хорошо известная история, которую до сих пор никто не оспаривал. Но вот, пожалуйста: знания Лукана и Лукреция существенно превышают те, которые они должны иметь в соответствии с самой традиционной историей!

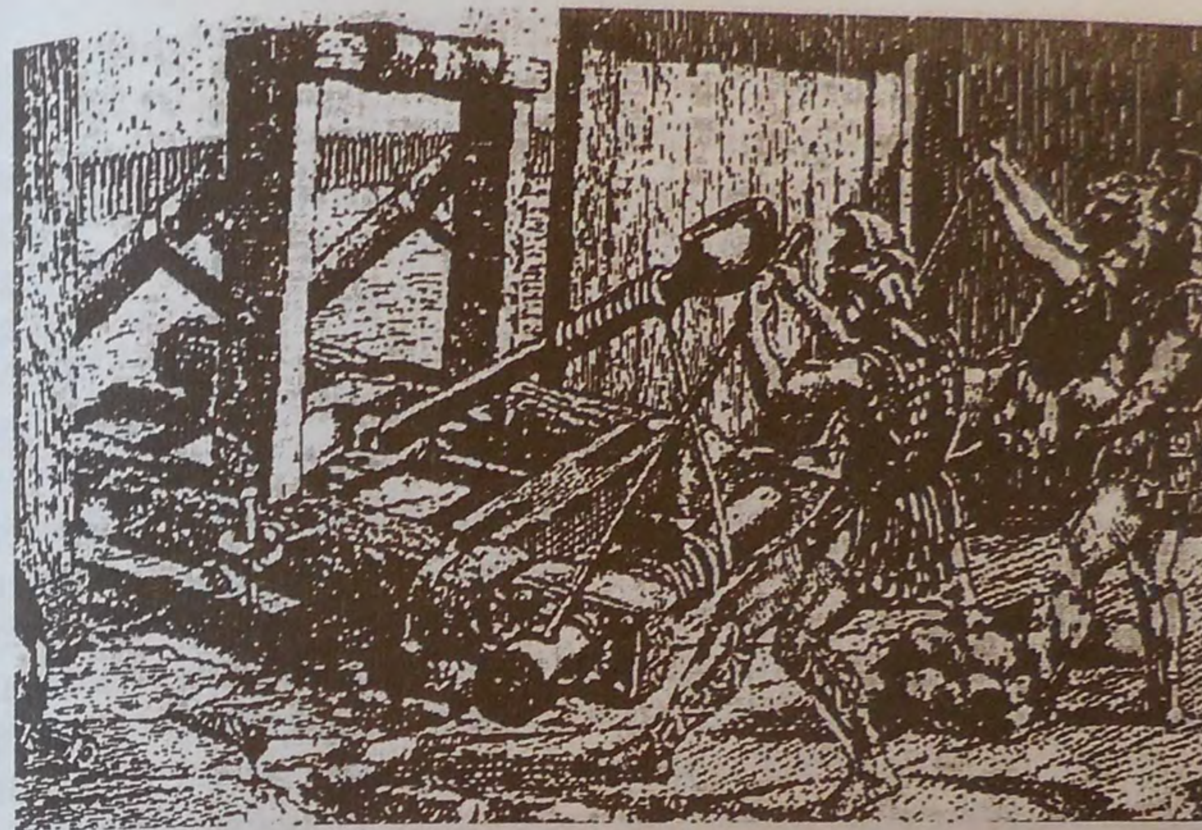
Итак, анахронизмы встречаются не только у средневековых авторов, путающих свое время с «древностью», но и у античных авторов, которые знают средневековое оружие, представляют себе, что такое динамика и баллистика.

В самом деле, совершенствование лука и пращи привело к изобретению военных машин. Среди них называют *катапульты*, которые метали стрелы, и *баллисты*, метавшие камни. Движителем этих машин была упругая сила канатов, свитых из воловьих жил или из волос. Считается, что военные машины — первые приспособления, размеры которых рассчитывались, причем расчетным модулем служила величина отверстия, через которое пропускался канат. Были малые машины, метавшие камни по 0,8 кг весом, но строились и машины внушительных размеров, метавшие камни по 80—120 кг.

Китайский древнейший камнемет представлял собой упругий шест, вкопанный в землю, к которому крепилась праща, несущая «снаряд» — камень. В Европе некое подобие такого камнемета называлось *фрондиболой*.

Мощной метательной машиной для бомбардировки крепостей по высокой траектории и на значительном расстоянии был *монанкомн*, или, по латинским источникам,

Подготовка фрондиболы для переброски снаряда в осажденный город



Катапульта в изображении средневековых художников

онагр. В основе этого сооружения лежала очень прочная горизонтальная рама с натянутым внутри него толстым жгутом, скрученным из воловьих жил или волос. В этот канат вставлялся прочный рычаг, к свободному концу которого подвешивалась праща с камнем. Посредством особых приспособлений рычаг заводился вниз, при этом витой канат приходил в боевое положение, затем освобожденный рычаг мгновенно выпрямлялся, а находившийся в праще камень выбрасывался с большой силой.

Палинтон (баллиста) также бил навесным огнем. Это устройство имело более сложную конструкцию. Внутри двух прочных вертикальных рам, по обеим сторонам боевого желоба, имевшего наклон 45°, натягивались толстые канаты. В пучки витых канатов вставлялись прочные рычаги, свободные концы которых соединялись крепкой тетивой, ходившей вдоль боевого желоба. С помощью приспособления натягивали тетиву, при этом рычаг и канаты приводились в боевое положение. Перед тетивой помещали камень. Выстрел производился спуском тетивы: канаты принимали первоначальное положение, тетива выпрямлялась, и камень, следуя направлению боевого желоба, выбрасывался с большой силой.

Если эти устройства были рассчитаны для стрельбы камнями, то *евтитон*, или катапульта, предназначался для метания дротиков и громадных стрел. Устройство евтитона было близко к палинтону, однако находившийся между рамами желоб был расположен под углом не 45°, а горизонтально. Эта метательная машина использовалась для ведения настильного огня.

Метательные машины, в зависимости от их мощности и характера снарядов (каменные ядра, стрелы, зажигательные сосуды, корзины с ядовитыми змеями, зараженная падаль и т. д.), обслуживались командой от 4 до 10 специально обученных механиков и их помощников. Камнеметы и тяжелые стрелометы предназначались для разрушения очень прочных укрытий противника, его орудий и кораблей. Легкие стрелометы поражали живую силу противника. Снаряд, выпущенный из метательного устройства, мог точно попадать в цель на дистанции 100—200 шагов, дальность стрельбы составляла около 300 метров. Существовали специальные прицельные приспособления и приборы для изменения траектории.

Историки утверждают, что такую технику имели древние — китайцы, греки и римляне. Но о точно таких же устройствах сообщают средневековые источники, и что важно, только в эту эпоху для их производства были соответствующие материалы, а главное, большое количество городов, населенных ремесленниками, производителями техники. Так что и здесь, скорее всего, ошибка в датировке.

Но не менее интересно, что многие военные машины в том виде, как они описаны, в реальном применении или не могли быть полезными, или попросту не могли действовать.

Например, византийский механик Деметрий Полиоркет изобрел для осады крепостей большое количество осадных сооружений. Среди них были специальные укрытия от метательных снарядов — *черепахи* для земляных работ, черепахи с таранами, а также *галереи*, по которым можно было безопасно проходить и возвращаться с этих работ. В это можно поверить. Но самым значительным сооружением, изобретенным Полиоркетом, была *гелепола* — движущаяся башня пирамидальной формы на восьми больших колесах, окованных железными шинами. Вот возможность построения такой башни представляется весьма сомнительной.

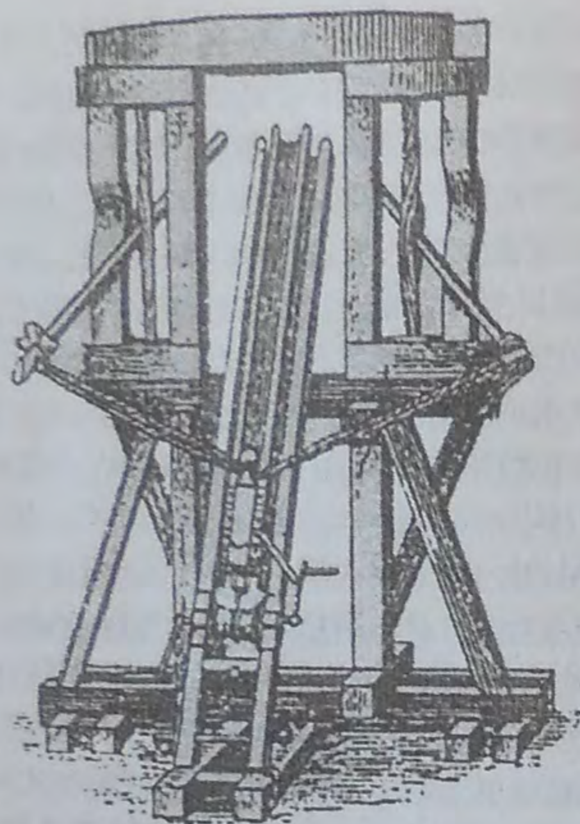
Башня была девятиэтажная, до 35 метров и выше. На каждом этаже располагались камнеметы и стрелометы, а также отряды воинов для штурма крепости. Фасад ее, обращенный к неприятелю, был обшит железным листом, что предохраняло сооружение от зажигательных снарядов. Когда гелепола с помощью 3400 человек пододвигалась вплотную к крепостной стене неприятельского города, а сопротивление защитников было подавлено градом камней и стрел, с гелеполы на стены перекидывались мостки, по которым воины устремлялись на приступ.

Но если земля не ровная, нельзя ни двигать эту махину, ни управлять ею. Те, кто это описывал, не знали о трении в осях. Не случайно сегодня огромные подъемные краны ездят по рельсам, уложенным на ровной местности. Правда, подобные устройства применялись в позднее Средневековье, но были они не столь массивными, имели железные ступицы и оси и представляли из себя, по сути, защищенные тяжелые штурмовые лестницы.

Наряду с динамическими военными приспособлениями, созданными для экономии человеческой силы, описаны иные приспособления, которые можно назвать кинематическими: они служили для преобразования не силы, а движения. Это своего рода автоматы, происхождение которых полагают весьма древним. Вершина военной инженерной мысли античных греков — полибола, метательная машина для горизонтальной автоматической стрельбы. В полиболе натягивание тетивы, подача стрелы и выстрел производились автоматически, с помощью бесконечной цепи, которая приводилась в движение вращением особого ворота.

Основным оружием дальнего действия и греков и римлян служила машина, напоминающая артиллерийскую установку, в которой использовалась не сила взрывчатого вещества, а упругость скрученных веревок. Историки утверждают, что установки подобного рода были изобретены в начале IV века до н. э. После целого ряда усовершенствований они стали бросать камень весом до 30 килограммов на расстояние 180 метров. Архимед, говорят, значительно усовершенствовал конструкцию таких механизмов.

В дальнейшем Ктесибий (приблизительно 100—150 года до н. э.) и Фило из Византии (примерно 180 год до н. э., весьма недостоверные даты) пытались усовершенствовать подобную артиллерию. Фило, в частности, пред-



Древнеримская баллиста

лагал заменить скрученные веревки бронзовыми пружинами или сжатым воздухом. Ни одна из этих попыток не увенчалась успехом, так, может быть, многие из описаний — плод труда научно-технических «фантазеров» Средних веков?..

Для объяснения, что за ядра и пули упоминаются различными «древними авторами», комментаторы «сконструировали» карандашом на бумаге целые системы вооружений. Но, как убедительно показал Д. Зенин в статье «Артиллерия древних: правда и вымысел» («Техника и наука», № 5 за 1982 год), большинство из этих придуманных историками баллист и катапульт бесполезны на поле боя:

«Все эти сооружения, если когда-то и существовали, отличались огромными габаритами и исключительно низкой скорострельностью. О точности стрельбы из таких гигантских приспособлений и говорить не приходится... Для стен (каменных) опасен снаряд (огромный булыжник) с углом встречи, близким к 90°, во всех остальных случаях разрушительное действие его будет ничтожным, он рикошетирует».

Этому мнению вторит в своей статье («Техника и наука», № 3 за 1983 год) подполковник П. Солонарь:

«Обстрел стен в целях поражения защитников, стрельба по скоплению живой силы, ведение «беспокоящего огня» по постройкам за стеной даже при дальностях стрельбы 150—250 м относятся к области фантастики на военную тематику».

Еще одно мнение, высказанное Д. Николаевым:

«Вероятнее всего, «греческий огонь», также как и вся доогнестрельная артиллерия, был придуман средневековым автором».

И действительно, средневековые авторы упоминают применение «греческого огня» в штурме крепостей. Так зачем же не учитывают современные историки, не проще ли им привести в правдоподобный вид хронологию?.. Но мы уже знаем, что им согласиться на пересмотр скалигеровской

хронологии — все равно, что суду инквизиции согласиться с Галилеем и хором воскликнуть: «Она вертится!».

Что ж, займемся темой вооружений и защиты мы сами.

«Провалы» в эволюции

Герман Вейс («История цивилизации») пишет, что итальянское вооружение в средние века следовало «древнеримским» (на деле — византийским) образцам», в то время как в Испании оружие дольше всего сохраняло следы мавританского влияния, но христианское население в вооружении, как и в одежде, все больше подражало французам. Историка все это не удивляет, а мы спросим: как же так, ведь ранее, говоря об XI веке, он же сам сообщал, что в Европе не осталось следов римского оружия, а воины в том веке использовали в основном меч вместо римского длинного копья и тяжелого дротика.

Вся несуразица пропадает только в случае, если от XI века и начинать достоверную историю вооружений, не впадая в фантазии о забывании-вспоминании столь важных вещей, как защита собственного тела в вооруженных стычках.

Совершенствование оружия и приемов боя требовало новых защитных одежд. «Такому требованию полностью соответствовала кольчуга, использовавшаяся еще римлянами, у которых позже ее позаимствовали древние галлы», пишет историк. А после галлов кольчугу и другие римские штучки использовали французы, а у них опять «позаимствовали» идею итальянцы. Понятно, что Вейс противоречит сам себе, ибо его данные расходятся с хронологией:

«В конце XIII в. появилось новое вооружение, превосходившее прежнее не только удобством и красотой, но и прочностью. Оно представляло собой соединение рубашки без рукавов с почти забытым чешуйчатым панцирем».

Но именно такие панцири мы видим у римлян! Почему же они были «забыты»?

Цельные металлические доспехи появились лишь с изобретением пороха и применением его в военных целях. Если в XIII веке в итальянских регионах, «подражающих» древним римлянам как в гражданских модах, так и в оружии,

«Артемида и Геката в борьбе с гигантами». Часть фриза алтаря Зевса в Пергаме. Датируется историками 180-м годом до н. э. Исходя из стиля горельефа и мастерства художника, умеющего изображать перекрывающие друг друга фигуры, это произведение можно датировать XV—XVI веками. «Богини» идут шеренгой, держа в руках металлические трубы, из которых исходит пламя. Это, как полагают, факелы. Похоже на первые ружья, с пламенем из дула. Возможно, мастер действовал на основе устных рассказов, никогда такого ружья не видев. Или это изображение войны античных XII—XIII веков в восприятии художника эпохи Возрождения

металлическое вооружение было относительно легким, так что полные доспехи весили не более 30—40 фунтов, то затем вес их стал значительно увеличиваться. С конца XIV века доспехи стали делать толще, особенно кирасу.

Огнестрельное оружие, сообщает Вейс, появилось впервые в Италии (в начале XIV века), затем оно начало распространяться во Франции (не ранее середины XV века), а в Англии — при Эдуарде IV (1461 год). Пушки первоначально изготовлялись из скованных железных полос, скрепленных толстыми обручами.

Рыцари старались побороть страх перед этим неведомым до того смертельным оружием, укрепляя брони. Европейский рыцарь на коне превращался во что-то вроде танка мощностью в одну лошадиную силу. «Римляне» тоже, как становится ясным из хронологически правильного прочтения текстов, совершенствовали ручное огнестрельное оружие. Так началась гонка вооружений, когда все стороны по необходимости улучшали оружие и доспехи, средства нападения и защиты.

В XVI веке уже знали не только пушки, но и две основные формы ручного огнестрельного оружия. Они повсеместно были на вооружении войск: легкий мушкет с коротким стволом, из которого можно стрелять с руки, и тяжелая аркебуза со стволом до 5 футов, из которой стреляли с помощью подпорки (сошки), заряжавшаяся пулями очень большого калибра, размером с куриное яйцо. Вместо подпорки могли использовать высокий щит с вогнутой верхней частью. До XVII века в Западной Европе пехота носила металлические кирасу, шлем и набедренники, и все же личная защита при переходе от преимущественно рукопашного боя к огневому перестала быть приоритетной, начали развиваться средства коллективной защиты: редуты, шанцы, окопы и траншеи.

Описание римского и греческого оружия, сделанное Вейсом, при всем его старании во многом совпадает с описанием средневекового оружия. Конечно, это никого уже не удивляет, потому что все привыкли к тому, что тупые средневековые вояки только и делают, что вспоминают выдающиеся изобретения гениальных древних.

У этрусков щиты были круглые (те самые, которые нашли в гробнице), у римлян первоначально четырехугольные. Позднее, как пишет Ливий, форма щита изменилась, они стали восьмиугольными. Легкие войска были вооружены круглым кожаным щитом, называвшимся «парма». При императорах он был заменен овальным с металлической накладкой. Вместо шлемов использовали шапки из меха или кожи, а во времена республики шапки заменили металлическим шлемом с плюмажем из конских волос:

> «По словам Вегеция, это украшение, снимавшееся во время похода, носили только предводители войска и центурионы. По свидетельству Арриана всадникам во времена императора Адриана были даны позолоченные шлемы с забралом и длинной красной гривой».

Эти шикарные военные доспехи с плюмажеми — отличительный знак линии № 6—7, реальный XV—XVI век.

Рыцарь. Гравюра XVI века

«Римское название кирасы — лорика — дает основание для предположения, что первоначальное римское вооружение было кожаным», пишет Вейс. Потом эти кожаные кирасы стали покрывать на плечах и вокруг туловища металлическими пластинками. Кольчуги и чешуйчатые кирасы составляли облачение отборных отрядов и высших воинских чинов.

«При Траяне (конец XIV — начало XV века по «римской» волне) вооружение римского войска изменилось, оно стало легче и удобнее. На относящихся к этому времени изображениях солдаты одеты в простые рубашки или в короткие кожаные куртки, полное вооружение больше не встречается, хотя кираса еще преобладает... В коннице также не все солдаты одеты в кирасы... При Адриане (XV реальный век) тяжелое вооружение было отменено, а шлем и кираса заменены ... **паннонской шляпой и кожаным казакином** (!)».

Если встать на точку зрения историков-ортодоксов, то Траяна и Адриана придется признать предателями и изменниками, разоружившими римскую армию во II веке н. э. Если же понять, что это — XV век, становится ясно, что солдаты первых четырех рядов были вооружены каждый не «тяжелыми дротами, большим и малым», а ружьем и пистолетом, хотя остальные ряды имели длинные мечи и копья. И в это время, как уже сказано, происходил переход от личной защиты к коллективной, поскольку металлические доспехи не защищали от огневого удара, а только затрудняли маневр.

Галлы во времена императоров носили медные шлемы и нагрудники. Украшали себя древние галлы на манер средневековых рыцарей, а вооружены были дротиком и пращой, а также луком со стрелами. Кроме того, каким-то необыкновенным предметом вроде дротика, который заканчивался металлическим яблоком с шипами. Перед броском его обыкновенно раскаляли на огне. Вам не кажется, что это описание ручной гранаты?

Как пишет Вейс, древнеримские воины носили щиты «с украшениями в виде гербов». Не проще ли прямо сказать, что щиты были украшены гербами? Нет, историк этого не делает, ибо фраза, построенная таким образом, мгновенно выдаст средневековое происхождение римских щитов.

А вот итальянский историк XIV века Виллани прямо пишет:

«У великого Помпея была хоругвь с серебряным орлом на голубом поле, а у Юлия Цезаря — с золотым орлом на алом поле... Но Октавиан

Август, племянник и наследник Цезаря, изменил этот герб и принял золотой цвет поля и природный черный цвет орла, символизировавшего власть императора... Константин и за ним другие греческие императоры вернулись к гербу Юлия Цезаря, т. е. золотому орлу на алом поле, но двуглавому... После Октавиана все римские императоры (Палеологи и Кантакузины.— *Авт.*) сохраняли такой же герб (черного орла на золотом поле.— *Авт.*)...»

Современный же комментатор никак не может удержаться от «уточнений»: «В древнем Риме не было гербов, хотя орел... действительно украшал военные знамена и позже стал знаком империи». Ну что тут поделаешь?

Г. Вейс продолжает: «Вооружение в X и XI веках оставалось почти неизменным, как и в последующее время, вплоть до самого падения империи». Стало быть, оно не менялось от античности и на протяжении почти полутора тысяч лет! Так мало того, что в раннем средневековье внешний вид одетых людей и на западе, и на востоке Европы мало чем отличался от времен баснословной «старины» и «древности»,— люди стремились древности подражать:

«Судя по изображениям вооруженных воинов, помещенных в... рукописях, в эту эпоху в войсках вновь появилось древнейшее римское защитное вооружение... О форме и устройстве такого вооружения свидетельствуют миниатюрные рукописи, охватывающие период не позднее второй половины IX в., в том числе рукописи времен императоров Лотаря и Карла Лысого, находящиеся в Париже, и Библия св. Павла, хранящаяся в настоящее время в Церкви св. Каликста в Риме».

На Востоке при изучении костюма и оружия мы тоже постоянно встречаемся с теми же анахронизмами, как и на Западе. Здесь исследователя подстерегают сюрпризы:

«Цари из династии Сасанидов (III—VII века н. э.) имели обыкновение украшать шлемы знаками своего достоинства, а иногда, подобно рыцарям позднейших времен на Западе, различного рода украшениями — золотыми шарами, звериными головами, крыльями и прочими предметами».

В священных писаниях (!) персов упоминаются пояс и поножи, однако эти вещи, как о том не стесняясь пишут сами историки, «встречаются только на памятниках позднейшего времени (также как и металлические наручи), а в живописных произведениях впервые появляются в XV или XVI столетии».

Можно посоветовать читателю: если у вас при изучении традиционной истории уже сложилось впечатление, что одежда в древности и в средневековье сильно различалась, то имейте в виду, что это впечатление неправильное, оно сформировано художественными фильмами и романами. В реальности все обстояло совсем не так, как вас учили: по одежде античных и средневековых жителей нельзя отличить, да и вообще это один период истории, разделенный только неверной хронологией.

Она же подводит историков при описании вооружений народов Северной Европы. Герман Вейс пишет о германцах якобы того же периода, что и «римляне», которых они «победили»:

«На фоне такого богатого выбора оружия у главных галльских племен вооружение германцев выглядит бедновато... германцы знали из оборонительного оружия только щит... Шлемом и панцирем пользовались, даже в более поздние времена, только вожди... Письменные свидетельства и раскопки могил указывают на использование каменных, бронзовых и железных палиц, очень длинных и тяжелых копий, боевых секир или топоров, ножей разной величины и даже лука и стрел... Кельты и германцы еще долго пользовались каменными орудиями, даже после знакомства с бронзовыми и даже железными орудиями».

И эти первобытные дикари в IV—V веках завоевали и культурный, хорошо вооруженный Рим, и Галлию? Читая сочинения историков, не перестаешь удивляться их наивности. Впрочем, они тут же все объясняют (работа у историков такая): «сами римляне еще при Адриане отказались от прежнего полного вооружения как слишком для них обременительного». Ясно, императоры Адриан и Траян — предатели и изменники своей римской родины.

«Этим же обстоятельством отчасти объясняется то, что спустя несколько веков (в конце XIII столетия) пришлось заново придумывать некоторые части вооружения, отличавшиеся еще в глубокой древности весьма продуманным устройством (например, цельная металлическая кираса, покрывавшая грудь и спину, и шлем с забралом, закрывавшимся с помощью подвижных щитков)», пишет историк. XIII век — линия № 5, времена Римской республики, т. е. Латинской империи вокруг Константинополя, по нашей хронологии — лет за сто пятьдесят — двести до того, как Адриан и Траян отказались от этой «новинки». А отказались они, как мы уже писали, по той причине, что защита от огнестрельного оружия должна была быть принципиально иной, нежели от оружия рукопашного боя.

А вот как были вооружены скандинавские воины:

«Судя по имеющимся письменным и археологическим источникам, вооружение скандинавов до XIII в. состояло главным образом из разного рода копий, мечей, топоров и щитов. Крайне редко некоторые богатые воины носили металлические шишаки и латы... Только матросам на кораблях положено было иметь еще и лук со стрелами».

Это и есть знаменитые викинги? Или, по терминологии норманистов, варяги? Оказывается, только после 1263 года «в дружине короля Магнуса каждый простой воин носил толстый полукафтан, имел железный шишак, щит, меч, копье и лук с тремя дюжинами стрел, а каждый юнкер — полную кольчугу и самострел вместо лука... Так же, как в Византии и на Востоке, на Севере существовал обычай присваивать оружию отличного качества собственное имя, которое потом переходило по наследству из рода в род.

Судя по описаниям Цезаря и Тацита (в тексте историка-традиционалиста мгновенные перескоки с XIII века к Цезарю и Тациту — вещь обычная), щиты состояли либо из доски, либо из крепко сплетенных прутьев и имели форму продолговатого четырехугольника... Доски были преимущественно липовые, отчего эти щиты прозваны были липами. Позднее (через тысячу лет?) для крепости их часто обшивали толстой кожей и приделывали к ним обод и скрепы из металла».

Войлочными полукафтанами в качестве панциря пользовались вплоть до XIII века даже богатые воины. «Только в XII в. был принят окончательно сложившийся в Англии и на материке вид кованой одежды, или лат, состоявший из кольчужной рубахи с такими же рукавами, рукавиц, штанов, шапки, полукафтана», сообщает Г. Вейс. А еще веком раньше, хотя были уже и кольчуги, и мечи, сражались каменными топорами, как это было в самой в то время знаменитой битве при Гастингсе (1066), когда Вильгельм Завоеватель покорял Англию. Зачем же морочат людям головы наши исторические профессора, рассказывая сказки о закованных в сталь, в золотых шлемах с плюмажами «древних римлянах» и «персах»?

Отправимся теперь из Европы в Африку и Азию.

«Египетское войско имело организованный вид уже в древнейшие времена царства. На гробницах 12-й и 13-й династии — за 2500 лет до н. э.— изображены войска, построенные стройными колоннами, как будто на парадном смотре»

Перед нами история XI—XII реальных веков, а никак не доисторическая древность. Следующее описание может относиться только к XIII—XIV векам:

«Но особенно сильно продвинулось развитие египетских военных сил только после изгнания гиксосов, во время войн с Азией при 18-й и 19-й династиях (1700—1200 г. до н. э.). Эти войны повлияли также и на вооружение. Во-первых, оно стало разнообразнее, вследствие чего армия была разделена по роду оружия на несколько частей; во-вторых, доброкачественнее, так как египтяне начали использовать для своего войска азиатское оружие (завоеванное или полученное в виде дани), а также сделанное по его образцу египетскими оружейниками».

«Древнейшее оборонительное оружие египтян состояло из щита и полушлема для защиты головы. Но со времен упомянутых выше войн с Азией (можно предположить, что с конца XII века) грудь и спину защищали латами, оставляя ноги и руки открытыми».

«До войн с Азией египетское войско состояло из двух главных частей: пехоты и воинов, сражавшихся с колесниц. Впоследствии к ним была присоединена конница (на памятниках древнее 18-й династии изображения лошади не встречаются)».

Египетская хронология выстроена таким удивительным образом, что получается: когда вместо ватаги родственников на бой с врагом стали выходить специально отобранные для этого дела люди, они сразу догадались, какой должна быть армия. Сразу знали и о необходимости дисциплины, и о разделении на рода войск, и о полезности защитной одежды, которую начали делать едва ли не на конвейере. То же самое можно сказать и об Ассирии.

«Разнообразные военные сцены, представленные на ассирийских барельефах (за 2000 лет до н. э.), показывают, что ассирийское войско уже с ранних пор было разделено на несколько частей по роду оружия. Благодаря такому устройству войска ассирийцы вели успешные войны с соседними народами, что в свою очередь способствовало быстрому развитию военной организации».

Ассирийское войско делилось на пеших, всадников и сражающихся с колесниц. К пешим воинам относились копейщики, лучники, пращники и метатели дротиков. Затем быстрое развитие военной организации куда-то делось:

«Через много веков (!) персидский царь Кир вызвал удивление современников тем, что образовал конные полки (из-за малочисленности лошадей в Персии), заменил прежние легкие колесницы более прочными, а воинов, сражавшихся на них, одел в крепкие панцири. Киру также приписываются организация отряда всадников на верблюдах для войны с лидийцами и введение осадных машин (Геродот, I, 80; Ксенофонт, Киропед, VI, 12; VII, 2, 4, 5)».

Так мы добрались до VI века до н. э. А еще через много-много веков (в VIII н. э.) арабы завоевали эти земли, пользуясь копьями из бамбукового тростника или крепкого дерева, ножами в виде кинжалов с изогнутыми клинками, в редких случаях изогнутыми саблями, луками и круглыми щитами из твердой кожи. Чем же объяснить такую несообразность? Только хронологической ошибкой.

«Насколько простым было вооружение арабов до начала их всемирных завоеваний, настолько же впоследствии, когда ими покорен был Восток, оно стало отличаться богатой отделкой... Если верить преданию, весь запас, с которым он (Мухаммед) предпринял свой первый поход, состоял только из десяти копий и пик, трех луков с одним колчаном, девяти сабель, трех щитов, двух знамен, двух шлемов и семи кольчуг. Лошадей у него было около двадцати».

И, наконец, апофеоз арабской гонки вооружений:

«К концу X в. в дополнение к простым ручным лукам был изобретен род самострелов, которые использовались даже для боя, в открытом поле. Эти самострелы, вероятно, были только грубым подражанием ручным метательным орудиям древних римлян».

Не подражанием, скажем мы, а грубым прообразом.

Итак, что же мы узнаем из «Истории цивилизации» Германа Вейса и других подобных книг? Что в средние века германцы сражались каменными топорами, а над полями сражений древних римлян натужно гудели, нагреваясь в полете, оружейные ядра и свинцовые пули. Что император Адриан во втором веке н. э. разоружил римскую армию, заменив панцирь и шлем римских солдат на казакин и шляпу, но металлические кирасы между тем не выходили из употребления вплоть до недавнего времени, а каски используются и сегодня. Что не только порох несколько раз изобретали и снова забывали, но такое случалось даже с кольчугой из нашитых на кожаную основу блях и колец. Все это не укладывается в голове здравомыслящего человека. Вот почему мы выступаем против того мракобесия, которое называется сейчас «научной хронологией».

КОННИЦА И ПЕХОТА

Стальные шпоры на ногах надеты,
Кольчуги белые легки, но крепки,
Забрала спущены у ясных шлемов,
На поясах мечи в златой отделке,
Щиты подвешены у них на шеях,
И копья острые у них в руке.

«Песнь о Роланде»

Стратегия Европы и Византии

Для начала не обойтись нам без самых общих определений. Согласно БЭС, военная стратегия — это область военного искусства, охватывающая вопросы теории и практики подготовки страны и вооруженных сил к войне, ее планирование и ведение. Определяется она военной доктриной государства. Также стратегия исследует закономерности войны.

Цели войн и типы стратегий принципиально зависят от уровня экономического и научного развития сторон, скажем мы. То есть ежели не изобретено колесо, то не будет и колесницы, а если нет стремян, то не надейтесь на конницу. Пешие воины будут драться камнями, дубинами и острыми палками, пока не появятся технологии получения железных орудий и оружия. Если железа мало, то, значит, оно очень дорого, и ему будут искать дешевую замену при изготовлении доспехов. Этим ограничиваются возможности государя при выборе стратегии, а полководца — при выборе тактики.

В древности, полагают, целью войны было — убить всех. Понятно, если ресурса хватает только на собственное прокормление, а производства, где можно было бы занять чужого человека (раба) нет, то только так и могли поступать. Но, как пишет известный военный историк

Е. А. Разин,— и мы с ним согласны,— первобытный период не знал войн, ибо не было еще государственного интереса. Стычки этого периода так и надо называть вооруженными стычками или драками.

С развитием товарообмена, помимо убийства конкурентов, встала еще и задача захватить торговые пути или удержать их за собой, и здесь уже есть интерес государства (государя). Войны с такими целями были вполне обыкновенны в раннем Средневековье.

В эпоху развитого Средневековья, в XV—XVII веках, цель войны — захватить города без потерь и убийств, сохранить производство и всю инфраструктуру, подчинив их себе. В XVIII—XIX веках трудовой ресурс уже стал важным, и полководцы стремились нанести войскам противника максимальный урон в генеральном сражении так, чтобы сберечь свои силы и маневренность и получить возможность диктовать условия побежденной стороне.

Людские сообщества эволюционируют во вполне определенных природных условиях, и, если посмотреть «сверху» — не из кротовой норы, а с высоты птичьего полета,— становится ясным, что война, уничтожение людьми друг друга, есть устранение дисбаланса в системе «человек—природа». Обычно достаточно истребления молодых мужчин; это ведет к приемлемому снижению рождаемости. Но при сильном дисбалансе, то есть при большой перенаселенности территорий, войны приобретают ожесточенный характер. Уже в XIX веке переизбыток населения стал очень заметен; в XX дело дошло до массовых уничтожений гражданских лиц. Кстати, напомним об изобретенной в конце XX века нейтронной бомбе, применение которой нужно как раз для того, чтобы уничтожать всех попавших в радиус ее поражения людей, сохраняя материальные ценности.

Но вернемся к периоду, когда, кажется, организация войн носила наиболее простой вид — во всяком случае, в Западной Европе. Это XI—XIV века. В книге «Эпоха крестовых походов»[1] читаем:

«Феодальные войны чрезвычайно однообразны. Конные воины делают набеги на поместья врага, угоняют стада, срубают деревья, жгут хлеб на поле, поджигают деревни, насильничают над крестьянами и иногда избивают их. Цель войны — овладеть замками и захватить самих противников, и этого стараются достигнуть или хитростью, или правильными действиями — сражениями и осадой. Сражение есть стычка двух масс рыцарей, бросающихся друг на друга крупной рысью; стараются главным образом выбить противника из седла и повалить его на землю; оруженосец, стоящий позади воина, подбегает, чтобы схватить сброшенного с коня противника и овладеть его лошадью. Пленников лишают оружия и увозят, обычно привязанными к лошади. Победитель держит их в своем замке, часто скованными или даже запертыми в подземной тюрьме, пока они не выкупят себя за условленную сумму. Точно так же выкупали и замки.

...Выкупы представляли настолько доходное дело, что рыцари и даже сеньоры простирали свои интересы за пределы военного класса,— на купцов, горожан, даже духовных лиц. Они захватывали их на дорогах, сажали в тюрьму и мучили их, чтобы получить выкуп. Немцы называли этих авантюристов Raubritter (рыцари-разбойники)».

Война была развлечением и доходным занятием, опасностями которого сами рыцари пренебрегали. Ордерик Виталий, рассказывая о Бремульском сражении (1119), прибавляет: «Я слышал, что из 900 сражавшихся рыцарей были убиты только трое; действительно, они были с головы до ног закованы в железо и... щадили друг друга, старались не столько убивать, сколько забирать в плен».

Помимо участия в войнах, рыцари устраивали военные игры, турниры. Они выстраивались на гладком месте двумя отрядами и вступали — иногда с обычным оружием — в сражение. А потери зачастую были такими же, как и в настоящих битвах: на турнире в Нейссе (близ Кельна) в 1240 году пало 60 рыцарей. На турнирах тоже брали противников в плен и заставляли их выкупать себя.

Так что Франц Меринг прав: история средневекового военного искусства не имеет крупного интереса. Даже прославленные войны Гогенштауфенов, по мнению историка, были простыми драками, о которых грешно говорить как о проявлении какого-нибудь военного искусства: «В средние века не было, в сущности, ни тактики, ни стратегии; можно было бы говорить, лишь с некоторыми оговорками, о стратегии на истощение в самом тривиальном значении этого слова».

Стратегия и тактика, как считается сейчас, бурно развивалась в эпоху античности (разделение на рода войск, внезапное вторжение, осада и защита крепостей, морская блокада, заманивание, контрнаступление), но в Средние века,

[1] Под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо.

разумеется, все это было забыто, военное искусство находилось «в состоянии упадка», пока вновь не начало своего развития. И в большинстве своем это традиционное мнение сложилось под влиянием мифов и толкований, подверстанных к традиционной же, скалигеровской хронологии. Такая история противоречит и законам эволюции, и простому здравому смыслу.

Историки видят, что в творениях Макиавелли принципы стратегии сокрушения (уничтожения) и стратегии измора (истощения) изложены параллельно, но не согласованно. Да мы и сами находим у него сплошные «перемешивания» традиционных эпох и стратегий; римляне соседствуют с французами, греки — со швейцарцами. Он рассказывает об опыте войн римских императоров, перечисляя их десятками, но нет в его книге византийских императоров Комниных, Ласкарисов, Палеологов, ведших свои войны едва ли не на глазах самого Макиавелли.

Так давайте же вспомним о Византийской (Ромейской, Римской) империи со столицей в Константинополе! Что означает название города? Латинское слово *Константин* — «крепкий, сильный, постоянный». То же самое означает и слово *рим*. Посмотрим греческо-русский словарь А.Д. Вейсмана:

ρωμν — город Рим.

ρωμν — сила, крепость (как телесная, так и духовная); сила военная; сила политическая, могущество.

Яр. Кеслер вспоминает по этому поводу христианскую молитву: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный...» — второе по-гречески и будет «Святой Рим», то есть — Айо, ромалэ!

В истории средневековой Византии легко найти и традиционную Древнюю Грецию, и, со сдвигом во времени (см. «римскую» волну синусоиды) — Древний Рим. В культурном, научном, экономическом, идеологическом и военном отношении Римская империя с центром в Константинополе развивалась с опережением по сравнению со своей западноевропейской окраиной. То, что уже БЫЛО в Византии XI—XIII веков, в Европе взялись «возрождать» начиная с XIV века. Затем стараниями хронологов эта история попала в «древность», причем и в «греческую», и, с изрядным перекосом в миф, в «римскую».

Стратегия Византии, реального Рима — защита своих границ через ведение войны на чужой территории. Такова была военная доктрина, в соответствии с которой войска императора оказывались на территории соседей. А стратегия мифического «Рима» — выйти за пределы своих границ, чтобы захватить весь мир. Зачем? Да и как это можно сделать практически? Всем миром нельзя управлять из одного центра, и нельзя получить с него доход. Чтобы обеспечить подобную подчиненность, следует, потратив немыслимые деньги, всех римлян до одного отослать в иностранные гарнизоны. Однако опыт показывает, что, если более 10% населения отвлечь от хозяйства,— экономика рухнет и станут невозможными вообще никакие походы.

В книге «Военная организация Византийской империи» В. Кучма впрямую сопоставляет стратегии Древней Греции, Рима и средневековой Византии:

«Самыми консервативными на протяжении всей истории военной организации Греции, Рима и Византии являлись принципы полиоркетики (военно-инженерного дела.— *Авт.*) и лагерного устройства; наибольшей динамичностью обладала тактика, связанная непосредственно с самым подвижным, переменчивым, подверженным максимальному воздействию извне комплексом, каким являлась материально-техническая база армии (прежде всего элементы вооружения и снаряжения)».

Однако стратегия войны выстраивается от конкретного экономического строя. У Византии была оборонная стратегия, чтобы удержать границы. На протяжении всей имперской истории можно проследить замену военного удержания идеологическим и культурным: это мы и видим в так называемой эллинизации Востока и христианизации соседних земель. Но столь удачно эллинизированный Восток получил, таким образом, механизм собственного научно-технического развития. Противостояние перешло в религиозную сферу, и в результате от империи отпали арабские, а затем и западноевропейские земли. В ходе этих событий в Византии зародилась дипломатия, как средство невоенного взаимодействия с арабскими странами и Европой.

Можно предположить, что часть этой истории, только неправильно понятой, и отражена в истории мифического «Рима», с его завоевательной стратегией, требовавшей расширять границы. Расширив,— как собирались поддерживать

порядок? Какими силами? Если своими, то какая для этого требовалась армия? Если наемная, то откуда наемники? И на какие средства наняты?

То же самое касается и мифической «Греции». Некоторые реальные события средневековой Византии, после их интерпретации политически ангажированными историческими писателями, превратились просто в сказку. Ведь это в сказке достаточно объявить о произошедшем небывалом событии как о чуде, не утруждая себя объяснением, какими средствами «чудо» осуществлено, кем, и зачем.

Совершеннейшим чудом выглядят военные походы Александра Македонского. Чего хотел получить он в Персии и Индии? Историки описывают его тактику, но в чем стратегия? Какова военная доктрина? Если верить «сказкам», он уводил из страны граждан Македонии и других провинций Греции, подрывая местную экономику и основу благосостояния жрецов. Он приходил с войсками в далекие страны, чтобы *просто* завоевать их, и все. Его поведение настолько противоречит здравому смыслу, его цели настолько необъяснимы, что наука история и не пытается ничего объяснять.

Ф. Шахермайр, посвятив десятки страниц своей книги об Александре описанию противостояния племен (образчик: «финикийская знать и купцы ненавидели греков, тем не менее легко воспринимали элементы греческой культуры») и войны в Месопотамии, говорит только о страхе, ужасе, мщении и прочих кошмарах. Вот пример.

По безвестной горной тропинке, ведомый местным пастухом, царь со стотысячным войском пробирается ночами по колено в снегу. Предлагаем тем из читателей, кому приходилось воевать в горах, представить себе этот поход как реальный: с бивуаками, лошадьми, организацией питания, болезнями и всей санитарией. Наконец попадает он в тыл противника, выходя на равнину сразу со всей армией. «В беспредельном гневе царь велел перебить всех, кто попадется ему в руки». Персидский правитель добровольно передал ему город Персеполь; Александр велел разграбить город и поджег дворец. Зачем? Читаем объяснение историка:

«Запланирован ли этот пожар заранее или возник спонтанно, во всяком случае он был грандиозен, почти символичен и завершил собой целую эпоху. Этим актом Александр мстил не только за греков, но и за египтян, вавилонян, за все подвластные персам народы и даже за самих иранцев. Этот эпизод как бы подвел итоговую черту под всем прошлым. Скоро, считал Александр, должно было наступить время, когда уже не будет ни побежденных, ни ненависти, ни мести. Теперь в последний раз эти чувства проявились во всей их торжествующей и безоглядной ярости...»

Сказку анализировать с рациональной точки зрения невозможно, так что перед нами не анализ, а болтовня.

Еще образчик текста Ф. Шахермайра:

«И только в кругу македонских военачальников продолжала нарастать тревога: какова конечная цель всего похода?»

Похоже, что тревога «нарастает» в кругу историков: действительно, а чего это он?.. Ведь это безумие, устраивать войны без цели, без средств, без пользы своей стране!.. Наконец, пишет Ф. Шахермайр, «наступает момент, когда... встает вопрос о смысле войны и ее целях». Но хоть вопрос о целях и «встает», все это время «Александра волновал также вопрос, оставшийся для него неясным, но обсуждать который ему не хотелось: каковы же причины его гениальности?»

Да, гениальность налицо. В армии Дария насчитывалось, по сведениям Шахермайра, примерно 45 000 всадников и 200 000 пеших воинов, но есть и другие данные: Арриан называет наряду с 40 000 всадников около миллиона прочих воинов. Противник численно превосходит войско Александра, «видимо, не менее, чем в пять раз». И что же наш гений?

«Промедлив два года, Александр сам дал врагу возможность собрать такое огромное войско. Теперь ему предстояло решить, как с ним справиться». Вопрос о цели войны, как вы помните, еще не решен. Речь только о гениальности.

А вот и апофеоз научно-исторической мысли о «стратегии», или, если угодно, «военной доктрине» Александра:

«Такие действия можно было бы признать странными и необъяснимыми, если бы не притязания Александра на завоевание всего мира. Для властелина, считавшего покорение мира своей ниспосланной свыше миссией, все это совершенно естественно».

Для историка «совершенно естественно», что человек, герой его истории, осуществляет свои мечты, как Господь Бог, одним хотением. Ничто не составляет ему трудностей: ни экономика, ни финансы, ни особенности географии и погоды, ни физические возможности людей. Ему не требуется обоснования целей, да и самих целей иметь не надо,

«Битва Александра Македонского с Дарием при Иссе». Мозаика из дома Фавна в Помпеях. Историки полагают, что эта мозаика выполнена в конце II — начале I века до н. э., однако изображать так лошадей научились лишь после Паоло Учелло, то есть в XV веке. Художник совершенно свободен в своем творчестве и технически, и идеологически, иначе нельзя объяснить появление на первом плане конской задницы при наличии среди изображаемых двух царей

достаточно желания. Захотел — сотворил небо и землю. Захотел — подчинил себе все страны.

В самом начале XIX века еще один военный гений, Наполеон, не иначе, начитавшись фантазий о подвигах Александра Великого, решил их повторить. Планы похода в Индию обсуждались вполне серьезно. В отличие от своего мифического предшественника, Наполеон владел стратегией и тактикой, он имел уже географические карты, он опирался на экономическую мощь почти всей Европы. И далеко ли он дошел? До Москвы, где и кончился его поход в Азию.

Его история доказывает мифичность походов Александра. А подлинные события, давшие основу мифу, надо искать в истории Византии. Переходя от мифов к реальности, именно в нескольких памятниках средневековой византийской литературы: «Стратегиконе Маврикия», «Тактике Льва», «Воинском законе», «Византийском Анониме VI в.», «De velitatione bellica», можно найти первое изложение военной теории и военного права.

Цель каждой отдельной экспедиции, согласно этим памятникам, заключается в захвате добычи (подчинении и принуждении к выплате дани). Достичь этой цели можно, порой лишь уничтожив живую силу противника, его войска. Но византийская армия следовала завету «античных времен»: разбитому неприятелю должна быть непременно оставлена для спасения бегством одна безопасная дорога; сознание возможности сохранить себе жизнь удержит врага от самых отчаянных способов сопротивления. Своих же воинов за трусость следовало предать суровому наказанию:

«Если во время генерального сражения или битвы произойдет обращение в бегство без какой-либо разумной и видимой причины, мы повелеваем стратиотов той тагмы, которая первой обратилась в бегство... рассчитать по десять и... (каждого десятого) предать смерти».

Конечно, традиционная история называет и «древние» военно-теоретические труды. Но как это ни удивительно, хоть и названы они древними, но применялись и были очень популярны в Средние века. Среди таких трактатов можно назвать «Стратегикон» Онасандра. Автор находился на римской службе, трактат посвящен Квинту Веранию, а задуман был, по сообщению самого автора, как руководство для «хороших военачальников». Воинский успех, пишет Онасандр, не следствие слепого рока, а результат деятельности командиров, ссылка на превратности судьбы так же мало извиняет поражение, как и объясняет победу...

Нам любопытно сопоставить рекомендации этого римлянина Онасандра (I век, линия № 6 «римской» волны) и грека Энея (IV век до н. э., линия № 6 «греческой» синусоиды). Эней пишет только об обороне крепостей, Онасандр — только об их осаде. И в том, и в другом трактате можно обнаружить рекомендации «встречного» характера. Например, в предвидении вражеской осады Эней предписывает выслать во все стороны от города специально обученных дозорных, конных и пеших, которые должны своевременно оповестить городские власти о приближении врага. Онасандр, со своей стороны, рекомендует стратигу, ведущему войско к городу, захватывать и задерживать всех, застигнутых вне его стен, чтобы они не успели ничего сообщить своему командованию.

Как видим, не только наша синусоида ставит Энея и Онасандра в одну и ту же эпоху! Но еще интереснее, что сами же историки сообщают: собственные наблюдения

представлялись византийским писателям менее важными, чем свидетельства «древних», и нормой их творчества были текстуальные заимствования и стилистические подражания антикам. Например, В. Кучма пишет:

«В самом деле, если удается обнаружить, что «Византийский аноним VI в.» преподносит в качестве новых идеи, известные еще Энею (Тактику), писавшему на 900 лет ранее, если «Тактика Льва» лишь парафразирует свидетельства «Стратегикона Маврикия», хотя их разделяет трехвековой промежуток времени, если в «Тактике Никифора Урана» соседствуют свидетельства, одни из которых старше других на тысячелетия, то какой еще вывод можно сделать из этих фактов?»

Пожалуйста, мы можем предложить еще один вывод: хронология древности (античности) неверна. Да и что такое «древность» в понимании средневекового автора? Вот Лев Дьякон в X веке пишет:

«...Древний император Никифор тоже был убит мисянами, только Константин Копроним победил мисян, а вслед за ним — его внук Константин, сын императрицы Ирины, и уже в наше время император Иоанн покорил их города. История не сохранила упоминаний о каком-либо ином из ромеев, победившем мисян на их земле».

А комментатор поясняет читателю, что Лев называет Никифора I древним в противоположность Никифору Фоке. Но к власти «древний» Никифор пришел в 802 году, свергнув тут же упомянутую императрицу Ирину. А сам Лев Дьякон родился около 950 года. Так что всей древности — около двухсот лет.

«История» этого жившего в X веке Льва Дьякона сохранилась только в двух рукописных списках: Парижском 1712 года и Эскориала, который дословно повторяет Парижский. В список включен ряд авторов, и Лев Диакон лишь один из них,— и он охватывает события, как считается, от конца X века, и почти до конца XV века. Датировка у авторов идет от сотворения мира.

Кто сводил этих авторов «во времени», как и по какому принципу выстраивал историю — загадка. На последних страницах, относящихся к 1422 году, есть запись: «От сотворения мира до сегодняшнего дня хотят считать 5353 года, но мы, как христиане, хотим считать, что имеется уже полных 7000 лет». В этом — основа для возможного хронологического сдвига на 1647 лет.

Лев VI Мудрый (886—912), автор «Тактики», в качестве древних авторов называет Элиана, Арриана и Онасандра

(писатели той же линии № 6), но не упоминает Псевдо-Маврикия, «нового», по словам В. Кучмы, автора, хотя его трактат якобы послужил основным источником: «...Лев, упоминая свои заведомо второстепенные источники, не называет ни разу главного («Стратегикона Маврикия».— *Авт.*)».

Таким образом, мнение, кто у кого списывал (Лев у Псевдо-Маврикия или Псевдо-Маврикий у Льва), зависит только от хронологии. По сути, авторы «Стратегикона» и «Тактики» в известном смысле современники, ибо имели дело почти с одними и теми же исходными данными, какими были материально-техническая база и характер людских ресурсов византийского войска. Но в традиционной истории эти тексты разделяют 300 лет! «Между «Стратегиконом» и «Тактикой» имеется длительный хронологический перерыв. Но между этими трактатами не ощущается сколько-нибудь значительного логического перерыва»,— уверяет нас В. Кучма. Если один написан в конце XIV, а другой в начале XV века,— как это следует из «византийской» волны синусоиды,— то в этом нет ничего удивительного. Удивительна тенденциозность историка. Ведь далее В. Кучма пишет:

«**Исключение устаревших понятий** Псевдо-Маврикия и его исторических сравнений — другой метод переработки Львом материала «Стратегикона»... Так, мы не находим у Льва упоминания Псевдо-Маврикия об аварах, «турках», персах и римлянах, скифах и т. д. Упоминание этих народов было бы явным анахронизмом для рубежа IX—X вв.»

Во-первых, как мы уже сказали, неясно, кто кому предшествовал, а потому нельзя судить, были ли там вообще «устаревшие» понятия. Во-вторых, какие же названия, по мнению В. Кучмы, устарели для X века? Персы? Римляне? Да византийцы только римлянами себя и называли! В-третьих, открываем книги других историков и с интересом узнаем, что сочинения ромейских писателей наполнены «архаизмами», «историческими реминисценциями» и т. п.

Наша синусоида работает почти безукоризненно по отношению к военно-историческим трактатам. Так, стратегемы Фронтина, автора I века н. э. (линия № 6), находят среди дополнений Павла Диакона, автора X века (линия № 6), к сочинению Евтрония, а также в главном этическом сочинении Policraticus английского богослова XII века Иоанна Солсберийского (та же линия № 6 «византийской» волны).

«Теория тактики» Элиана, жившего на рубеже I и II веков н. э. (лини № 7), «изучалась на протяжении тринадцати столетий и пережила свое второе рождение в период позднего средневековья» (XV век, линии № 7).

Нередко выводы, которые делает В. Кучма в своей книге о византийских войнах, противоречат всем известным утверждениям военных практиков. Так, он пишет, что «судьбу сражения могли решить удары даже немногочисленных кавалерийских частей, если им удалось войти в непосредственное соприкосновение с пехотными подразделениями»,— это при том, что, считается, до XIV века конники не воевали с пешими. Но удивительнее всего следующая сентенция:

«...Если попытаться проследить истоки всех военно-научных концепций, когда-либо появлявшихся на византийской почве, все они в конечном счете приведут к «Стратегикону» [Маврикия] — не только потому, что он предшествует остальным византийским военным трактатам по времени, но и потому, что он оказался выше их по уровню... Поэтому «Стратегикон Маврикия», открывший перспективу развития византийской военной науки, остался и высшим достижением в этом развитии».

Какую «перспективу», в каком развитии он открыл? На основании чего делает историк свой вывод?..

Почему-то у наших оппонентов всегда получается одна и та же картина: то, что всему предшествует, оказывается и выше остального по уровню, «открывает перспективу». Выдумки и словоблудие, вот чем занимаются историки, а не анализом эволюции различных категорий общественной жизни.

То пишут, что пехота в русской армии традиционно играла значительную роль. То сообщают, что «в XIV и XV столетиях (русские) войска состояли почти исключительно из кавалерии, так что пехота рядом с ней совершенно пропадала, и ее даже не вводили в расчет войсковых частей, а присчитывали только при случае» (Брикс).

В нашей версии развитие военной науки приобретает естественный вид. После периода варварских драк между племенами в составе самих племен выделились специальные люди, из числа элиты, образовавшие первичные воинские структуры. Применение коня в военных действиях, когда не было еще огнестрельного оружия, дисциплины, развитых приемов боя, быстро показало, что конные воины

сильнее, хотя бы потому, что масса удара у них выше, чем у пеших. Началась эволюция рыцарских войск, но свой путь проделало и мастерство пеших воинов. Со временем появление новых видов оружия и освоение пехотой новых приемов боя привело к исчезновению рыцарства как основного рода войск.

С рыцарства началась эволюция военных структур. А в традиционной истории рыцарство — лишь средневековое преломление античных воинских забав!

В своей книге «История рыцарства» Ж. Ж. Руа относит начало рыцарства к X—XI векам, в крайнем случае — к VIII веку. Это, в общем, довольно давно сформировавшееся мнение историков-медиевистов. Однако исторические писатели не стесняются применять слово «рыцарь» к древности. Герои Гомера — рыцари, персы — рыцари... В книге Ф. Шахермайра «Александр Македонский» разноплеменные «рыцари» рассыпаны по всем страницам, будто горстями. И не только в этой книге, а и во многих других.

Всем историкам известно, что в древности тяжеловооруженным воинам из, условно говоря, Европы и Малой Азии противостояли легковооруженные воины из Азии, которые «теперь» — в той же древности — обрели тяжелую кавалерию и, надо полагать, продолжали свою военную эволюцию. И развитие шло тысячу лет.

В V веке, когда германские варвары положили конец римскому господству над миром, скинув с трона последнего римского императора, в освободившемся от римской тирании мире — по всей Евразии, по данным самой традиционной истории,— здравствовали миллионы мужчин, обученных воинскому искусству. Оставим пока ситуацию в Азии и посмотрим на историю Европы. Предположим, что после завоевания Рима по какой-то причине (из-за эпидемии, например, или из-за глупости германцев) на территории Европы ВСЕ умелые воины умерли. Не осталось ни одного. Забытым оказалось и римское, и греческое военное мастерство. Лишь через несколько столетий, в VIII, а то и в X—XI веках германцы начали создавать военные структуры. Между новоявленными европейскими рыцарями немедленно начались войны, которые были еще не войны, а куртуазные «драки»!

Если бы историки расставили войны разных «эпох» в правильном хронологическом порядке, они увидели бы

Английский колониальный шлем XIX века на 20-статеровой золотой монете царя Эвкратида, традиционно датируемой 170 годом

много интересного. Но поскольку им невмоготу отказаться от традиционной схемы Скалигера, мы сделаем это за них, воспользовавшись книгой Дж. Денисона «История конницы», а особенно примечаниями к ней, написанными Г. Бриксом. Начнем с линий № 1—3, не забыв напомнить, что греки (византийцы) в науке, технике и военном деле все же опережали Западную Европу.

За несколько веков до н. э. прославилась тяжелая конница парфян. Римские писатели видели в парфянах единственных соперников Рима в главенстве над всем миром. Любой историк знает это, но вот вдруг читаем:

«Около времени Карла Великого (IX век) стало заметно значение тяжеловооруженных всадников на поле сражения».

Впечатление такое, что автор, приступая к истории Средних веков, начисто забывает все, что известно об античности.

«Оружие было в первые годы средних веков почти то же, что и прежде: копья, пращи, мечи, луки со стрелами, топоры, палицы и косы; носили панцири или стеганые камзолы, шлемы с проволочными

сетками и щиты... позже начали употреблять перчатки, сапоги со шпорами и принесенные крестоносцами из Азии кинжалы...»

У русских, пишет Г. Брикс, собственная национальная конница появилась только в конце X столетия, а потом была значительно усилена по образцу угорской, половецкой и печенежской.

«В X столетии, с введением ленных владений, рыцарство приняло определенную форму, по которой каждый свободный владелец земли, будучи, с одной стороны, ее неограниченным господином, с другой — вассалом более могущественного соседа, становился рыцарем (chevalier) с приобретением копья или палицы, лат и коня... В средние века во Франции вследствие... тяжелого вооружения, исключавшего всякую возможность пешего боя и даже движения, единственным родом оружия была конница...»

Вот эти-то шевалье и занимались по всей Европе взаимным грабежом и похищением соседей ради выкупа. Уже в конце X века церковь сделала попытку водворить мир. Сначала на юге Франции прошли провинциальные соборы, желая установить покровительство беззащитным людям — крестьянам, монахам, церковнослужителям. Предусматривалось, что те, кто нападал на них, подлежал отлучению от церкви. Это был так называемый *Божий мир*.

Собор в Тулузе (1041) пошел дальше: постановил, что все войны должны прекращаться на время праздников и воскресенья, на Филипповский и Великий пост и на вторую половину каждой недели. Это было *Божье перемирие*. Оно было утверждено и распространено на все христианские страны Клермонским собором (1095), на котором был объявлен первый крестовый поход. Соблюдение этого перемирия обеспечило бы 240 дней мира в году. Однако данных о том, что оно соблюдалось, нет. Скорее всего, и не соблюдалось.

Зато есть учебники истории, повествующие, что в VIII веке до н. э. (как раз на линии № 3) в Древней Греции зародились Олимпийские игры, на время которых все войны прекращались. В отличие от средневекового случая, уж об этом-то «Божьем перемирии» историки располагают огромным количеством данных — правда, почерпнутых не из первоисточников, а из их средневековых копий. Они с удовольствием расскажут вам и о видах спорта, и о победителях, вспомнят какие-то анекдоты о тайком проникшей на стадион матери спортсмена... Первые игры состоялись аж в

776 году до н. э., а последние в 394 году н. э., то есть вся эпопея продолжалась 1170 лет.

А для конца XI — начала XII века известно только, что во исполнение постановления соборов, в каждой епархии (по крайней мере, в одной части Франции) учредили общество мира под управлением епископа. Оно вроде бы имело свою казну, свой суд и даже свою «армию мира», состоявшую из прихожан, организованных в виде милиций и предводимых священниками. Однако, как пишут Э. Лависс и А. Рамбо, «несмотря на то что ученые много занимались изучением всех этих учреждений, мы в конце XII в. только с большим трудом можем отыскать некоторые их следы». На этот раз попытка установления перемирий не продержалась и ста лет. Нам это дает основание для вывода, что вся олимпийская греческая эпоха есть плод литературного творчества европейских гуманистов.

Но посмотрим же, как шла история дальше.

«Из всех греческих народов фессалийцы слыли за лучших кавалеристов, и они же были, несомненно, первыми всадниками... Спартанцы, как большинство пелопонесских народов, почти не имели конницы; только по окончании Мессенской войны (680 до н. э.) стали ее заводить, а впоследствии государство само нанимало искусных учителей езды для обучения юношей».

И в средневековой Европе рыцарей было все еще очень мало. Так, во всей Англии в 70-х годах XIII века было 2750 рыцарей. В это, предполагаем, время (линия № 5 или немногим раньше) у афинян вся кавалерия состояла из 96 человек, причем каждая из 48 навкрарий, на которые делился народ, выставляла по 2 человека. После победы над Ксерксом (480 до н. э.) число всадников увеличилось до 300, а позднее до 1200, и столько их было при начале Пелопонесской войны. Фукидид упоминает о наборе 400 всадников и лучников на восьмой год Пелопонесской войны как о чрезвычайной мере.

Кольчуги, известные в Европе с XI—XII веков, были крайне неудобны. Более «продвинутые» в технике, по словам Г. Брикса, византийцы с XIII века ввели в своих войсках «древнеримские» *лорика сегментата*, которые были много легче и удобнее. По образцу их уже и появились в XIV веке западноевропейские доспехи.

В Италии с начала XIII века (и до конца XV) военная сила оставалась в руках *кондотьери*. Их войска были почти

Иберийский средневооруженный всадник, якобы III век до н. э. С рисунка В. Тараторина

исключительно конными. «Кондотьери потому предпочитали конницу, что, не имея поместий, они не могли получить высокого положения содержанием небольшого количества пехоты, много же они иметь не могли по недостатку средств. Что же касается конницы, то обладание ею и в малом количестве доставляло добычу и почет».

Большая часть испанской конницы состояла в это время из тяжеловооруженных всадников; о конных арбалетчиках тоже упоминается в XIII столетии. «Давно также (на самом деле, видимо, в ходе как раз всего этого столетия.—

Авт.) существовала сформированная по маврскому (монгольскому, или македонскому.— *Авт.*) образцу легкая конница под именем альмогаваров... начальники которых назывались альмокадены (аль-мокадены = македоны? — *Авт.*)».

Как возник этот «маврский образец», который мы посмели назвать македонским?

Конные лучники — а именно легкой конницей отличались войска Византии от армий Западной Европы,— были организованы, согласно традиционной истории, в 329 до н. э., по образцу подобных же всадников персидских, особенно дахов, и надо думать, из них и сформированы. Они встречаются числом в 1000 человек в первый раз на границе собственно Персии. Вот что читаем об армии Македонского:

«У латников (катафракты) человек и конь были защищены предохранительным вооружением с головы до ног... У лошадей были прикрыты ребра и голова... Не покрытые панцирем (афракты) делились на копейщиков и стрелков... Димахи, или двоеборцы... предназначались для действий верхом и пешком и от этого получили свое имя».

Диамахи — будущая пехота. Ведь раньше пехоты как рода войск не было; пешие воины просто обслуживали своих конных хозяев. При преследовании Бесса, уводившего плененного им Дария, Александр посадил верхом вместо 500 всадников (рыцарей) столько же самых храбрых пехотинцев (то есть тех же вояк, но в легких латах) с их своеобразным вооружением и снаряжением. Впоследствии так выглядели драгуны, мобильная пехота, передвигавшаяся на лошадях.

Деление на роды войск, на тяжелую конницу и легкую кавалерию видим всюду на линиях веков № 6 и 7.

В войсках Карла Смелого Бургундского «английские наемники... состояли преимущественно из лучников... Итальянцы, напротив того, поставляли преимущественно тяжелую конницу, их пикенеры сидели большей частью на закованных в латы конях и отличались своей воинственностью, вооружением и снаряжением».

Также и английская конница состояла, вскоре после норманнского завоевания, частью из тяжело вооруженных рыцарей, частью из легких всадников. Первые были с ног до головы закованы в железо. Иногда сажали лучников на легких лошадей; они назывались в таком случае hobiler archers или просто конными лучниками, и встречаются под этим именем с 1347 года очень часто.

«Античный» шлем XVI века

«В XIV и XV столетиях возрождение (в нашей версии — зарождение.— *Авт.*) пехоты и введение огнестрельного оружия возымели и во Франции влияние на рыцарство и обнаружили резче недостатки его и связанной с ним ленной системы».

Эффективность новых войск — пехоты — была такова, что, по словам Брикса, вплоть до XIX века «очень редко производилась (кавалерийская) атака на пехоту, так как она легко ее отбивала, благодаря своему глубокому построению с торчащими пиками и огнем». Введение огнестрельного оружия повлекло за собою большие перемены. Тяжеловооруженная конница быстро теряет свое значение.

«В XVI столетии, под влиянием распространения и усовершенствования огнестрельного оружия, жандармерия (здесь: рыцарская конница.— *Авт.*) стала уменьшаться в числе. Первоначально делали неудачные попытки ослабить влияние огнестрельного оружия утяжелением предохранительного вооружения, но во время гугенотских войн оно стало постепенно выходить из употребления и заменяться кожаным колетом, который, впрочем, тоже скоро был оставлен».

И тут мы вынуждены опять перенестись в античный Рим. Там отказались от металлических доспехов как бы без всяких причин. Об этом мы уже писали: император Адриан отменил в римской армии металлические кирасу и шлем, заменив их кожаным казакином и паннонской шляпой. Дело было во II веке, что по «римской» волне синусоиды соответствует средневековому «огнестрельному» XV веку. Впрочем, совпадения по «линиям веков» нас уже не удивляют.

На протяжении всей истории снаряжение, экипировка и тактика конного воина были приноровлены к битве на коне. Все основывалось на мощной атаке, при которой сила тяжелого коня поддерживала силу удара копья. Рыцарское копье лишь постольку было страшным оружием, поскольку его удар поддерживался массой коня. Сила конницы — в производимом ею шоке, для которого нужны быстрота, мощь удара, выносливость. И вот, на излете Средневековья, в XVI веке конница потеряла свое преимущество!

Рыцари на коне

А теперь посмотрим, чем же и в чем воевали рыцари.

Литература, особенно художественная, широко распространяет мнение, что европейское рыцарское вооружение было ужасно тяжелым и неудобным. Как только не измываются над рыцарями романисты: бедные всадники в их повествованиях не то что сесть на коня, но даже ходить затрудняются, а упав, сами подняться не могут. Даже мы вслед за ними писали нечто подобное. А разобрались что к чему — ахнули... Но писателей винить не за что, их вводят в заблуждение солидные труды военных и невоенных историков.

Но вот что сообщает М. Горелик (чьей книгой «О Бальмунге, Дюрендале и их хозяевах» мы здесь широко пользуемся):

«На самом деле рыцари не были врагами самим себе, да и вообще военное дело не терпит неудобств в снаряжении. И рыцарское оружие в этом смысле ничем не отличалось от любого другого. Просто на нем лучше, чем, пожалуй, на любом другом оружии, видны все изменения, происходящие со средствами нападения и защиты, которые диктует развитие военного дела, производства и социальных отношений».

К сожалению, подлинных западноевропейских доспехов XI—XII веков дошло до нас очень мало, и судить о них приходится по изображениям на памятниках искусства. А изображения показывают, что подавляющее большинство рыцарей защищало тело кольчугой.

Принято считать, что на Западе стали широко применять и делать кольчуги только с конца XI века, позаимствовав секреты их изготовления на Востоке. А до этого времени рыцари носили кожаные доспехи с нашитыми железными пластинками или кольцами. Немногие же кольчужные брони ввозились с Востока или из Руси. Причем историки почему-то считают кожаные доспехи с нашитыми металлическими пластинами «неудобными».

На самом же деле кольчуга, при всех своих удобствах, не обеспечивает надежной защиты. Ее не только разрубает меч и топор или пропарывает копье — ее пробивает стрела. По этой-то причине воины достаточно долго предпочитали ей более надежные пластинчатые и чешуйчатые доспехи. И перешли к легкой кольчуге после того, как для всадников были придуманы большие миндалевидные щиты, закрывавшие их от носа до середины голени.

Сделанный из дерева, обтянутый слоями кожи и увенчанный железным навершием — *умбоном*, такой щит надежно укрывал от стрелы, а меч и копье застревали в нем или даже ломались, стоило принять удар на умбон. Тут-то кольчуга, прекрасно укрывавшая от случайных ударов, и вышла на первое место. Сначала она имела рукава до локтей, да и ноги оставались открытыми. А в рубке мечами или под градом стрел легко было лишиться руки и ноги. И щит не помогал — его, такой большой и тяжелый, трудно было подставлять под сыпавшиеся со всех сторон удары.

Тогда в конце XI века рыцари стали надевать на ноги кольчужные чулки, а кольчуга обрела длинные рукава с варежками и капюшон, так называемый *хауберк*. Завершал полное прикрытие рыцаря шлем. В XI веке он почти всегда был куполообразным и имел широкий наносник. В специальной литературе такие шлемы называют норманнскими, но они — общее достояние всей Евразии. Если сначала шлем клепали из четырех и более сегментов в виде купола и сверху само собой получалось остроконечное навершие, то позднее научились ковать шлемы из одного куска.

Альбрехт Дюрер. Створки алтаря. Конец XV — начало XVI века

В XII веке верхушка у этих шлемов загибается вперед, или же он как бы «распухает», приобретая яйцеобразную форму. Эти изменения вели к увеличению внутреннего объема, что давало больший защитный эффект, так как стенки шлема уже не прилегали непосредственно к голове. Тогда же шлемы обрели *наличники*, или *личины*, железные полумаски. Одновременно щит из миндалевидного стал треугольным и уже не защищал лицо, но умбон еще сохранял.

И вот этот описанный комплекс доспехов называют тяжелым. Якобы рыцарь в нем был неповоротлив — в отличие от воинов Руси и Востока. А ведь комплекс весил в среднем не больше, чем защитный набор оружия в Восточной Европе и Азии. Пусть западная кольчуга имела рукава и капюшон и дополнялась чулками, зато на Руси и Востоке она часто дополнялась или заменялась более тяжелым пластинчатым или чешуйчатым панцирем, на Западе применявшимся редко. И щиты у нас были такие же миндалевидные, и шлемы были, схожие по форме с норманнскими. В XII—XIII веках они тоже снабжались железными масками.

В XIII веке начинается процесс сильного изменения рыцарского доспеха. Прежде всего, поменялась форма шлема. У яйцеобразного шлема макушка делается плоской, опускается затылок, железный *наличник* увеличивается книзу и в стороны — шлем принимает вид железного ведра с прорезями для глаз и дырочками для дыхания. По своей форме он и назван *горшковидным*. С такого шлема удары не соскальзывают, но любой прямой удар по нему уже не достигает цели, так как это «ведро» надевалось на специальную, с толстым мягким валиком-венцом, шапку, надетую, в свою очередь, поверх кольчужного капюшона. Так что такой шлем нигде и близко не касался поверхности головы, да еще его *личина* от глаз до подбородка частенько снабжалась дополнительным слоем металла.

С середины XIII века, или несколько раньше, в Европе начинает распространяться доспех, называемый *бригандиной*,— это панцирь, где железные пластины скреплены изнутри мягкой, тканой или кожаной основой. Было ли появление и распространение *бригандины* на Западе результатом развития местных традиций или же ее заимствовали из Руси или с Востока — вопрос, до сих пор не решенный.

Венгерский шлем восточного образца. XVI век

С появлением такого усиленного доспеха отпала необходимость в тяжелом щите; отныне деревянный треугольник, уже без умбона, стал прикрывать тело сидящего на коне бойца от шеи до бедер. А раз уменьшился вес щита, то им стало возможно фехтовать, подставляя под удары. А чтобы рука, держащая его, меньше уставала, щит на специальном ремне вешали на шею: если он был не нужен или воин бился обеими руками, щит забрасывался за спину.

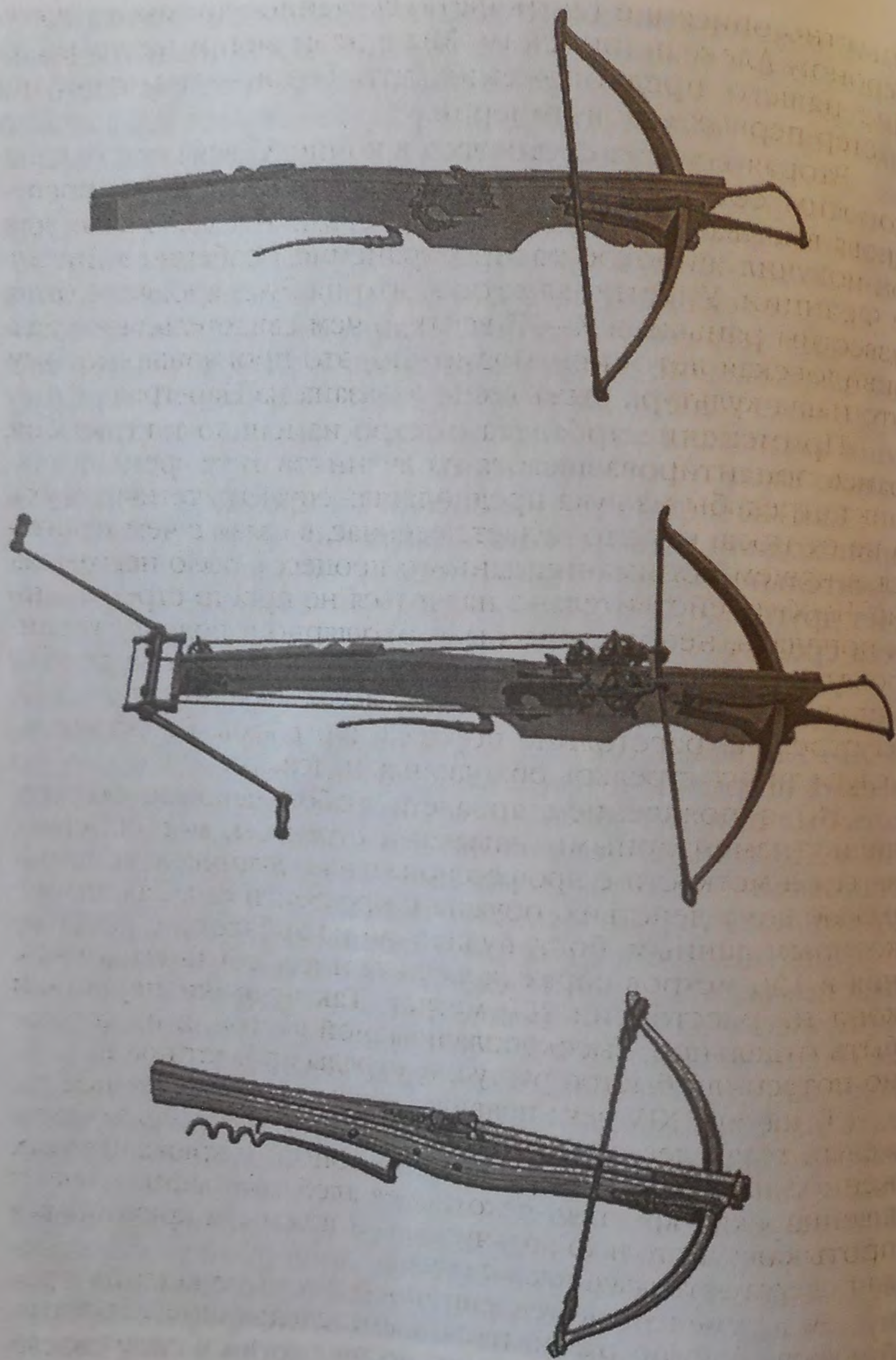
С XIII века не только сам рыцарь, но и его боевой конь получает усиленную защиту. Тканые или войлочные попоны, закрывавшие тело коня от дождя и зноя, появились еще в XII веке. Теперь же попона стала кольчужной. А голову коня закрывала железная маска, оставлявшая открытыми только глаза и рот животного.

Как мы видим, все изменения в доспехах XI—XIII веков происходили по внутренним закономерностям самого оборонительного вооружения,— одна его часть усиливалась за счет другой, хотя в XIII веке наблюдается общее увеличение веса средств защиты.

Усиление доспеха в XIII веке произошло потому, что именно в это время начинает изменяться форма меча. В XI—XII веках он был «античным»: не очень длинным, весьма широким и имел, как правило, округлый конец, то есть был приспособлен исключительно для рубящего удара. Но в XIII веке мечи вытягиваются и заостряются на конце, становятся более тяжелыми. Ими уже можно не только прорубить кольчугу, но и проткнуть ее.

Еще четыре вида оружия заставили усилить кольчугу пластинчатой броней. Прежде всего скажем про *булаву* (палицу, шестопер) — металлический шипастый многогранник. Ее очень возлюбили в XI—XIII веках воины-клирики. Церковь запрещала своим служителям проливать кровь, а воевать им приходилось. В такой ситуации булава оказалась как нельзя кстати: от ее удара по мягкой кольчуге получался такой ушиб, что пострадавший с кровоизлиянием или перебитыми костями часто отправлялся в лучший мир.

В это же время стал известен *арбалет* — станковый лук, машина огромной мощности, пробивавшая кольчужную ткань, как матерчатую. Европейцы познакомились с арбалетами в Византии, где их именовали *гастрофетом*, приблизительно в V—VI веках н. э., но не смогли в силу своего технического отставания воспроизвести их. В то же время


Арбалеты различных конструкций

известно описание гастрофета, сделанное древним греком Героном Александрийским. Мы в этом видим подтверждение нашего предположения, что Герон — византийский мастер первых веков империи.

Вторая встреча состоялась в конце XI века, когда крестоносцы совершали свой 1-й Крестовый поход. Арбалет снова вызывал у них удивление и страх. И только в XII веке он получил широкое распространение, особенно в Англии и Франции. Уместно заметить, что на Руси арбалеты были известны раньше, в X—XI веках, о чем свидетельствует Радзивиловская летопись. Возможно, это произошло потому, что наша культура была тесно завязана на Царьград.

Применение арбалета быстро изменило тактику боя, ранее ориентировавшегося на лучников. В те времена техника стрельбы из лука предполагала спускать тетиву от уха, а не от носа, как это делается сейчас, в связи с чем целиться, в нашем понимании данного процесса, было невозможно. Чтобы действительно научиться не просто стрелять, но и попадать, необходимо было регулярно и подолгу тренироваться, начиная с детства, вырабатывая в себе особое «чутье», а к совершеннолетию выпускать в минуту до десятка стрел на расстояние порядка 200 шагов. Естественно, услуги таких стрелков обходились недешево.

Но с появлением арбалета любой человек, обладая лишь элементарными навыками стрельбы, мог соревноваться в меткости с профессиональным лучником, а по поражающему действию оружия и превзойти его. Так, по некоторым данным, болт, пущенный из арбалета, с расстояния в 150 метров поражал латника и мог сбить всадника с коня на расстоянии 200 метров. Так лучники перестали быть отдельной, высокооплачиваемой кастой, и их серьезно потеснили быстро растущие отряды арбалетчиков.

В начале XIV века появился *фальшьон* — огромный тяжелый тесак, легко разрубавший кольчугу, и *алебарда*, насаженное на древко сочетание копья, топора и крюка. В руках швейцарских крестьян-пехотинцев алебарда раскалывала и протыкала не только кольчуги, но и шлемы, а крюк позволял сдергивать всадников с коня.

Все отмеченные тенденции в оружии нападения продолжали быстро развиваться и в последующие столетия, что повлекло соответствующее развитие доспеха из крупных железных пластин. В этот период распространилось

поднимающееся забрало, изобретенное столетием раньше. Появлялись и новинки для прикрытия корпуса воина.

Были изобретены панцирные жилеты, кожа которых подбивалась большими прямоугольными пластинами металла. Затем появился доспех, состоящий из сплошной кирасы с юбкой из горизонтальных стальных полос (в XIV веке кирасу почти всегда упорно обтягивали тканью или надевали поверх нее короткий кафтан, так что ее и не было видно), наручей и поножей, состоящих из деталей, повторяющих анатомическое членение человеческих конечностей, а также железных перчаток. Оставалось лишь соединить между собой все части этого доспеха. На это ушла вторая половина XIV века.

Тогда же горшковидный шлем был заменен *баскинетом* — небольшим, заостренным на макушке шлемом с низким затылком. Спереди он имел подвижное забрало с сильно выступающей центральной частью, за что его называли «собачьей мордой». К *баскинету* крепилось длинное кольчужное ожерелье, прикрывающее шею и плечи.

Наконец, в XV веке был создан полный доспех, конструкция которого, составленная из больших сплошных стальных пластин, повторяла строение человеческого тела. Именно над этим доспехом издевались позднейшие авторы исторических исследований и романов, перенося его и на столетия раньше. А зря издевались. Доспех этого типа отличался великолепными боевыми качествами, был не только очень прочен, но и удобен. А весил он около 25 килограммов,— ничуть не больше, чем комплекты доспехов из Восточной Европы и Азии, причем вес равномерно распределялся по всему телу, и к тому же доспех совершенно не сковывал движений.

М. Горелик сообщает, что в наши дни во время киносъемок спортсмены и артисты надевали подлинные доспехи, и оказалось, что тренированный человек спокойно работает в них 8 часов в сутки, ходит, ездит верхом, сам влезает в седло и поднимается с земли.

Доспехи XV века, названные *готическими* за заостренные формы своих деталей, сменились в начале XVI века *максимилиановскими*, в которых вся поверхность брони покрывалась желобками, облегчавшими вес боевой одежки. Позднее доспех опять становится гладким: формы его соответствуют изменениям моды в обычной одежде.

Арбалет «шаровой», стреляющий пулями. XVI век

В XVII веке, с резким усилением пробивной способности огнестрельного оружия, доспех достигает максимальной толщины и веса — около 33 килограммов. Это был предел, после чего «доспешные мастера» отказались соревноваться с мушкетами и пистолями.

Меч, эволюционируя, постепенно потерял рубящую функцию — ведь сплошной доспех им все равно не разрубить, зато острием можно проткнуть сквозь сочленения панциря. Рыцарский «готический» меч в XIV—XVI веках все более сужается, заостряется, вытягивается, пока, наконец, в XVI веке не превращается в шпагу. Но если в связи с усилением доспеха роль рыцарского меча несколько падает, то копье служит по-прежнему верно. К XVI веку оно превращается в толстый трехметровый шест с маленьким острием. Такую тяжелую пику, обладающую страшной пробивной силой, уже не удержать одной рукой. Поэтому ее подпирали стальной подставкой, привинченной к груди кирасы.

Откуда же взялась легенда о доспехах, в которых нельзя было ни встать, ни повернуться? Оказывается, такие тоже были! Это турнирные доспехи XVI века. До конца XV века

рыцари на турнирах бились в основном тупым оружием и в обычных боевых доспехах. Но в XVI веке правила ужесточились, стали драться острым оружием. Погибать в игре хотелось еще меньше, чем в бою, и доспехи для турнира «специализировались». Например, доспех для конного копейного поединка весил до 85 килограммов. Он закрывал только голову и торс всадника, но имел толщину около сантиметра и был почти неподвижен — ведь надо было только ударить копьем.

Но, скажем прямо, к истории боевой конницы такие изыски почти не имеют отношения.

Конь под рыцарем

Вопрос, который, безусловно, имеет отношение к военной истории, но практически никогда историками не рассматривавшийся — это вопрос о времени появления самого коня. Берем в руки учебник Р. Ю. Виппера (1859—1954) и читаем в главке про Новый каменный век (неолит):

«Караваны торговцев потянулись вдоль рек, по горным тропинкам и проходам; изделия несли на плечах, везли на тачках, навьючивали на верблюдов и лошадей, грузили в лодки».

Далее, в главке «Начало земледелия. Бронзовый и Железный век»:

«Не скоро укротили быка; но раз его одолел человек, на быке стали перевозить тяжести, впрягать животное в телегу. Для той же цели человек захватил и быструю лошадь».

То, что написано в учебнике истории, не более как мнение автора, считающего к тому же, что неолит — страшно далекая от нынешних дней пора. Но мы помним, что еще в XI веке применялись каменные топоры,— а в глухих уголках, надо думать, и позже. Тачка в Европе появилась лишь в XIII веке. А лошадь? Она весьма затратна в содержании. Прикиньте сами: рискнули бы вы завести себе лошадь сейчас, даже имея шикарный сельский особняк?.. В Средние века это было тоже не очень просто. Кормить ее, ухаживать, объезжать, приручать — для чего? Чтобы лошадь стала на селе животным обыденным, требовалось немало времени!

Ф. Кардини сообщает о раннем Средневековье:

«Высокая стоимость коня связана с процессом развития коневодства и повышением урожайности фуражных культур: более сильные животные и их более многочисленное поголовье требовали создания значительных кормовых запасов...»

На севере Европы пахали на быках. На юге — обходились ручным трудом, ибо урожайность была столь велика, что не нужно было иметь и обрабатывать большие участки. На Руси природные условия много хуже, чем в Западной и даже остальной части Восточной Европы. Может быть, здесь лошадь появилась в незапамятную древность?

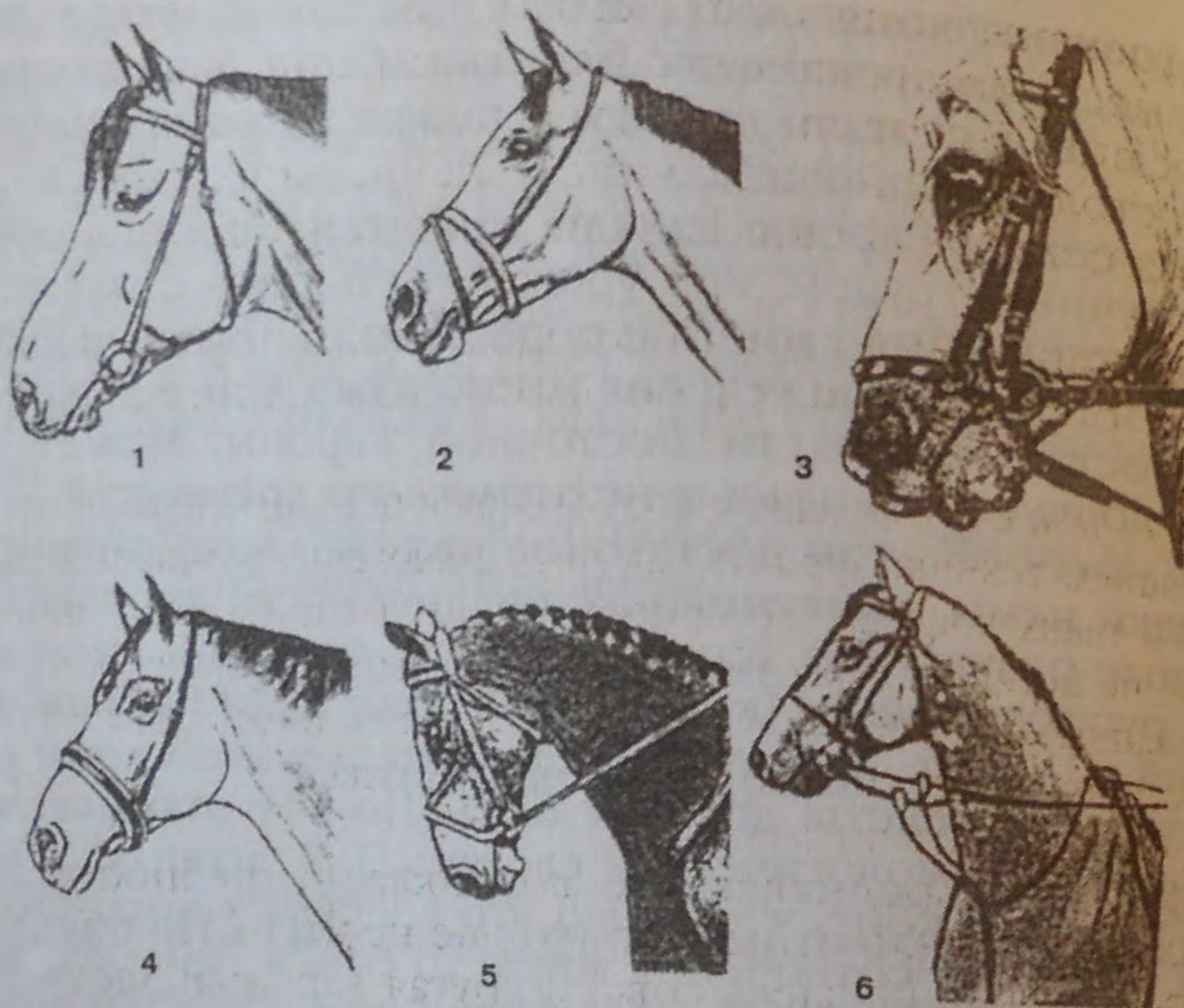
Судить об этом достаточно сложно. Археологические находки немы, памятники же письменности дают парадоксальные результаты. Как известно из традиционной истории, русскую азбуку (кириллицу) придумали Кирилл и Мефодий в IX веке. А глаголица применялась якобы еще раньше, так что тексты должны быть. Но вот открываем мы Историко-этимологический словарь П. Я. Черных и читаем в статье о коне, что слово это впервые упомянуто под 6477 годом от сотворения мира, то есть в 969 году, через сто лет после появления кириллической письменности. Тогда рек Святослав матери своей и боярам своим:

«Не любо ми есть в Киеве быти, хощю жити в Переяславци и на Дунаи, яко то есть средина земли моей, яко ту вся благая сходиться; от Греков паволоки, и злато, и вина, и овощи розноличныи; **из Чех, из Угръ сребро и кони;** из Руси же скора, воскъ, и мед, и челядь».

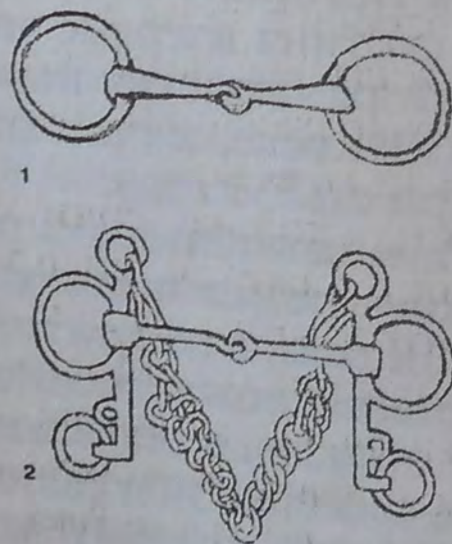
Смотрим тогда в Историко-этимологическом словаре слово «лошадь». Сия скотина впервые упомянута под годом 6619, то есть на полтора столетия позже коня, в XII веке. «Лошак» находим в XIII веке, а прилагательное «лошадиный» попало в словари с 1731 года.

Но для проверки можно выбрать разные слова! Идем по алфавиту. «Вожжи» упоминаются в русском письме с первой половины XVIII века, а из других славянских языков самое старое упоминание вожжей относится к 1551 году. «Дышло», одиночная оглобля, в польском языке — с XVI века, в русском позже, в словарях отмечено с 1704 года. «Узда» в древнерусском — с XI века. Но взнуздать коня мало, надо еще и о подковах озаботиться. Слово «ковать» появляется на письме тоже с XI века, равно как и «кузньць».

Сходная картина и в Западной Европе. Коня узнали здесь поздно, работать с ним не умели, и наука обхождения с этим животным, его дрессировки развивалась долго. Из-за



Средства управления лошадью:
1. Простая уздечка, не ограничивает раскрытие рта; 2—5. Капсюли, ограничивающие открытие рта (2 — капсюль ганноверский, 3 — чешский, 4 — русский, 5 — мексиканский); 6. Мартингал, не дает лошади задирать голову выше горизонтального положения



Профессиональное снаряжение лошади:
1. Трензель (трензельное железо, удила) — состоит из грызла и двух колец, за которые трензель крепится к щечным ремням оголовья. 2. Пелям — комбинация мундштука и трензеля, имеет грызло и щечки с кольцами, комплектуется цепочкой

дороговизны коня иметь его могли только люди состоятельные, применявшие его для войны, а не для пахоты,— да еще купцы запрягали их в свои повозки с товаром. Вот почему столь поздно появились специальные названия для вьючной сбруи на письме; они просто не были широко известны.

Ф. Кардини в своем исследовании истории рыцарства пишет о требованиях к боевым коням раннего Средневековья:

«В связи с утяжелением вооружения и одновременным усовершенствованием техники фронтального столкновения возникла необходимость в таких лошадях, которые умели бы двигаться строго по прямой линии, не были бы нервозны и впечатлительны, послушно реагировали на команды, подаваемые голосом, могли бы выдержать внушительный вес всадника со всеми его доспехами и оружием, и в то же время не были бы медлительны...»

Итак, в Средневековье возникла потребность вот в таких боевых животных, но их еще не было. Но обратимся к «древности». О, здесь совсем другая картина! Здесь таких коней — на выбор:

«Если вы хотите иметь хорошую **строевую** лошадь,— говорит Ксенофонт (ок. 430—335/54 до н. э.),— то должны испытать ее при различных обстоятельствах, какие она только может встретить, например: переплывать рвы, карабкаться на валы, подниматься и опускаться по крутым возвышенностям и носиться во весь карьер по неровной местности, по покатостям и дурным дорогам. Большая часть лошадей не соответствует ожиданиям не вследствие их недостатков, а потому что они не имеют должного навыка... Методическою дрессировкою следует приучать их ко всему».

Столько небылиц, сколько сочинено про античную конницу, не сочинили, кажется, ни про один другой род войск. Вот лишь некоторые из них, которые отметил сам Дж. Денисон, автор знаменитой книги «История конницы»:

«**Если верить** легендам, составляющим основание древнейшей истории римлян, то можно прийти к заключению, что кавалерийская служба была известна еще при основании Рима и получила **некоторое** развитие...» (VIII до н. э., линия № 2, соответствует традиционному X веку н. э.).

«Вообще греки не любили кавалерийской службы; они не придавали коннице большого значения и содержали ее очень мало. Богатые граждане, обязанные нести службу верхом, предпочитали заменять

себя другими людьми, которым и передавали своих лошадей, а сами поступали в пехоту...» (III до н. э., линия № 7).

Можно долго и непродуктивно спорить о времени приручения лошади человеком. Можно рассмотреть вопрос этот с биологической точки зрения, а можно довериться Геродоту, который откуда-то знал о некоей равнине в Мидии, «на которой водятся величественные кони». Описания Геродота очень подходят к ахалтекинцам: грациозные, с длинными, тонкими и гибкими шеями, большими глазами, сухими головами и длинными сильными ногами. И об упряжи много чего знал Геродот. И о колесницах в армии Ксеркса... Если б только знать достоверно, когда жил сам Геродот.

И. В. Давиденко пишет:

«Когда, где, кто и как превратил вольного тарпана или неукротимую лошадь Пржевальского в прекрасное домашнее животное, которое и под седло, и под вьюк, и в оглобли годится? Из зебры ничего подобного не вывели за время цивилизации. В книгах несложно прочитать, что среди 250 конских пород САМЫМИ ДРЕВНИМИ СЧИТАЮТСЯ АХАЛТЕКИНЦЫ. Сам Тиглатпаласар за тысячу лет до новой эры приказал написать:

«Я захватил стада лошадей, мулов и другого скота с их лугов. Я заставил их заплатить дань в 1200 лошадей».

Попозже, однако, клинописно подтверждено, что царь Таплатпаласар захватил в Аравии десятки тысяч (!) голов верблюдов и крупного рогатого скота, но в Аравии НЕ ОКАЗАЛОСЬ ЛОШАДЕЙ. Еще позже Страбон подведет итог:

«В Аравии много рогатого скота, но там нет лошадей, мулов, свиней, коз и кур».

Опять тот же вопрос: когда жил Страбон?..

На конюшне каждого средневекового феодала, надо думать, имелись специалисты по выездке. Но легко понять, что для войн и турниров годились только особые породы лошадей. Для военного дела не годились лошадки, выросшие в степях, которых можно было купить у «степняков», вроде скифов, за стеклянные бусы. Да и где были эти скифы, если киевский князь Святослав через полтысячи лет после их «исчезновения» получал коней из Чехии и Венгрии? Неужели вместе со скифами в степях пропали и кони?

До эпохи крестовых походов в Европе было мало чистопородных лошадей. Лишь с XI века начинается планомер-

ный ввоз сюда лошадей арабской породы, которых использовали для улучшения местных пород. Об этих местных породах читаем в книге П. Федотова «Коневодство»: «В экстерьере местных пород лошадей, пригодных к разностороннему использованию (под седлом и в упряжи, на галопе и на рыси, как мясо-молочные), преобладают небольшой рост, широкотелость, низконогость, сухость и грубость сложения, крепость костяка, большая оброслость, толстая кожа, покрытая густым и длинным волосом».

Кони местных пород были плохи, и было их мало. Но и в Аравии не наблюдалось избытка коней! Сохранились сведения, что даже в более поздние времена европейцы, отправлявшиеся на Восток за лошадьми, возвращались порой с большими суммами денег, так как не могли найти там жеребцов и кобыл, продажа которых в Западной Европе окупила бы расходы на их транспортировку. Поэтому чистопородные верховые лошади стоили в Средние века столько, сколько сейчас автомобиль «мерседес». Для примера, за цену одного коня можно было купить 45 коров.

Х. Вридт пишет в книге «Опыты биологического исследования пород лошадей и вопросов конеразведения»:

«Затруднения прежде всего состояли в том, что Аравия была далеко, и транспортировать лошадей было делом очень сложным. Кроме того, в Аравии во все времена было очень мало лошадей, которые могли бы удовлетворить хотя бы самым скромным европейским требованиям к племенному животноводству».

Породы верховых лошадей впервые были выведены, как считают историки, в Средней Азии чуть ли не в третьем тысячелетии до нашей эры. Но доверяться подобным датировкам совершенно нельзя. Ф. Кардини в «История средневекового рыцарства» так и пишет:

«Исторические сведения по поводу коневодства и селекции лошадей в средиземноморской и западноазиатской древности **и немногочисленны, и неясны.** Разумеется, специалисты по этому вопросу восполняют пробел, используя иконографические источники и археологические находки. Известно, что с ахеменидского периода не только Иранское, но и Анатолийское нагорье, географически очень похожие друг на друга, были районами коневодства. Сарматы использовали две породы — ферганскую, соответствовавшую, как мы видели, задачам тяжелой кавалерии, и малорослую, резвую, с трудом поддающуюся одомашниванию лошадь, судя по всему, предком которой является монгольский тарпан; скорее всего, именно эту лошадь использовали для вольтижировки лучников, охоты и путешествий».

Итак, за три тысячи лет до нашей эры так здорово одомашнили тарпана, что сразу получился целый спектр пород. К началу нашей эры уже были кони, годные для тяжелой кавалерии. А дальше развитие пород прекратилось. Тех же «античных» коней использовали в странах Западной Европы в X веке. Ахалтекинцев,— тех же самых, которых в V веке до н. э. видывал Геродот,— через две тысячи лет вывозили в Россию, Индию, Турцию, Сирию, Германию, Англию.

«Арабская лошадь отличается своеобразием экстерьера. Голова у нее легкая, широкая во лбу, глаза крупные, выразительные, шея красиво изогнутая, высоко поставленная, поясница ровная, круп мускулистый, грудная клетка широкая, лопатка длинная, косо поставленная, скакательный сустав глубокий, ноги сухие, копыта прочные, хвост высоко поставленный с изгибом. Лошади отличаются гармоничностью телосложения».

А вот — вьючная лошадь позднего Средневековья. Она характеризуется малым ростом, небольшой живой массой, крепкими конечностями. У жеребцов мощнее и крепче костяк, более грубая конституция, больше обхват пясти и крупнее копыта, чем у кобыл. Круп относительно уже, но длиннее. Когда же появились эти породы — и вьючные, и верховые, и тяжеловозы — если *тарпан*, вымершее ныне непарнокопытное животное, предок всех пород домашних лошадей, встречался в Восточной Европе еще в XIX веке?..

Но мы все же пишем книгу не о животноводстве, а об истории. И здесь возникает интересный вопрос: а какой породы конь под Марком Аврелием? Какой породы кони на древнегреческих барельефах? Конечно, художник (скульптор) — не фотограф, он мог приукрасить стать коней своего времени. Но как мог «придумать» художник уздечку, мундштук и прочие конские причиндалы, изображенные на этрусской скульптуре крылатых коней?

И все-таки натурализм конного памятника Марку Аврелию позволяет хотя бы о нем поставить такой вопрос. Совершенно очевидно, что под императором лошадь не местной (степной, лесной, горской) породы, а также не вьючная или тяжелоупряжная, а верховая. Но даже по традиционной хронологии арабская порода создана не раньше VII века н. э.

Приведем цитату из Ф. Кардини:

«Великолепный конь Марка Аврелия, по сей день украшающий **площадь, созданную Микеланджело** на Капитолийском холме в

Знаменитый античный памятник Марку Аврелию (якобы II век) на одной из площадей Рима

Риме, **считавшийся в Средневековье** одним из чудес Вечного города, вполне мог бы выдержать гораздо более тяжелые труды, чем просто нести своего всадника, императора-философа, к тому же безоружного и без доспехов. На Марке Аврелии всего лишь легкая парадная лорика».

Из этого описания следует, что Микеланджело создал площадь в Риме. Значит ли это, что он всего лишь обустроил пространство вокруг стоявшей здесь раньше или принесенной специально по этому случаю конной статуи древнему императору?

В первом томе «Истории итальянского искусства» (М.: Радуга, 1990) фотография конной статуи Марка Аврелия сопровождена датой: 161—180 годы. Но это как раз годы императорства Марка Аврелия. Не будем же мы предполагать, что ставили статую девятнадцать лет!

Но хорошо, согласимся. Точной даты нет, но памятник делали именно при Марке Аврелии, с натуры. Однако ко времени Микеланджело понадобилось бы уже капитально ремонтировать произведение, ибо прохудился бы памятник. Как статуя Минина и Пожарского в Москве: сплошные дырки. И. В. Давиденко пишет:

«Нам скажут, строил Микеланджело площадь на Капитолийском холме. А тут как раз выкопали по случаю конную статую. Смотрят — Марк Аврелий! Ну вылитый! И осталось Микеланджело Буанарроти на постамент коня со всадником взгромоздить. Но за 1200—1300 лет, пусть за 1000, бронза поизносилась. А поза у коня рисковая, на трех ногах стоит. По-хорошему, надо бы новую отливку делать! Чтобы до наших дней достояла».

Так когда и кем изготовлена и установлена конная статуя Марка Аврелия?.. Отметим, кстати, что это изображение императора на коне — единственный случай такого рода за всю историю античного искусства, если оставаться в рамках традиционной хронологии. Всадников можно найти на барельефах, но «круглая» скульптура — без предшественников и продолжателей, согласитесь, вещь удивительная.

Вполне можно согласиться с мнением И. В. Давиденко: статуя конного Марка Аврелия — новодел начала XVI века! В целом проблема этого бронзового всадника, вместе с конем, имеет два решения. Первое: надо пересмотреть дату изготовления памятника. Второе: надо пересмотреть датировки «римской империи».

И засим продолжим нашу экскурсию по мировым конюшням.

Х. Вридт замечает, что «в средние века Бельгия была страной, знаменитой своим коневодством. Фламандская лошадь была наиболее популярной в рыцарские времена, и во всех книгах, трактующих о рыцарстве, фламандская лошадь упоминалась как самая лучшая». И вот тебе на: во времена Юлия Цезаря,— не в Средневековье, а в I веке до н. э., особой славой из местных пород пользовалась как раз бельгийская!

«Эта лошадь воинственных всадников — белгов — высоко оценивалась римлянами времен Цезаря, кавалерия которых в значительной степени ремонтировалась бельгийскими лошадьми»,— пишет В. Липпинг в книге «Лучшие породы лошадей». С нашей-то точки зрения, времена Цезаря — это и есть Средние века. Историки с нами не согласны, они имеют свою точку зрения. Но они не утруждают себя объяснениями, как же так получилось, что СНАЧАЛА Европа снабжала лошадьми Рим, владевший коневодческой Азией, а ПОТОМ, через тысячу лет, чтобы создать собственные европейские породы лошадей, с огромными трудами завозила сюда азиатских элитных коней!

«Ютландия в Средние века славилась своими лошадьми, не уступавшими лучшим рыцарским лошадям Европы. В конце Средних веков требование к весу и массивности боевого коня возросло до такой степени, что пришлось прибегнуть к ввозу фризских жеребцов для увеличения веса и массы».

Фризы — народ в Голландии и Германии. В XVIII веке в Германии из местных пород были выведены мекленбургская, ганноверская и прочие. В XVII веке в Западной Европе разводили испанскую породу (видимо, местные европейские породы мало чем отличались друг от друга). В XVI столетии предпочитали норийскую.

Норикум — латинское название земель австрийских Альп. Австрийцы поставляли на рынок по преимуществу рыцарских боевых коней. Родоначальницей норийской лошади считается римская тяжелая лошадь, существовавшая якобы в Италии во II веке до н. э. Опять «замыкаются» времена: по «римской» волне II до н. э.— это XV век.

М. Придорогин пишет о норийской породе: «Значительный толчок к ее развитию дан был основанным в Пинцгау в 1576 году архиепископом Якобом конным заводом». И тут же добавляет: «В эпоху Карла Великого существование норийской лошади — истори-

ческий факт, и ее тип в наиболее чистом виде сохранился в Зальцбурге». Если эпоху Карла Великого «поместить» в конец XV века, в этом не заявлении не будет ничего удивительного. Но ведь традиционная история учит, что Карл Великий — это IX век!..

И в античности, и вплоть до позднего Средневековья мы видим в Европе одни и те же местные породы: британскую, бельгийскую, норийскую. Видимо, лошади этих пород и изображены на памятниках искусства всех времен. И все перечисленные средневековые породы были далеки от идеала. Дадим слово признанному авторитету в кавалерийских делах конца XIX века, принцу К. Гогенлоэ-Ингелфингену («Беседы о коннице», 1895):

«Я полагаю, что строение лошадей представляло тогда более затруднений для выездки, чем теперь. По крайней мере, при виде изображений лошадей того времени, с тяжелыми задами, большими головами, с огромными ганашами и относительно слабым передом, удивляешься теперь подчас, что их брали под седло».

Из приведенных слов ясно, что и в Средние века коневодство было еще в зачаточном состоянии. Конный памятник Марку Аврелию — произведение позднесредневекового искусства, а все, что касается коневодства ранее XII века,— вообще чистые фантазии историков.

По окончании же Средневековья и наступлении Нового времени началась действительная эволюция конных пород. Чистокровная верховая порода выведена в XVII—XVIII веках в Англии путем сложного скрещивания местных кобыл верхового типа с восточными жеребцами. Рысистые породы лошадей начали создавать в конце XVIII — начале XIX века, в связи с выросшей потребностью легкого городского транспорта. Первой такой породой стал норфольский рысак, выведенный в Англии. Лучшие породы рысаков выведены сначала в России (орловский), затем в США (американский) и Франции (французский англо-норман).

И для создания этих пород использовались арабские жеребцы!

Отметим, что коневодство обязательно должно учитывать климат местности, вообще природные условия. Там, где зимой холодно и снег, надо же заготовить корма! Так, когда государственные, станичные и частные конные заводы в донских степях решали проблему поставки (ремонта) лошадей для русской конницы, Задонская степь была поде-

лена на участки-зимовники площадью по 2400 десятин. Планово устанавливалась плотность лошадей на каждом зимовнике. Можно рассчитать, какое количество лошадей удастся прокормить в разных местах, и отбросить наконец выдумки о мифических шестисоттысячных армиях не менее мифических «монголов»!

В завершение сообщим мнение И. В. Давиденко, считающего лошадь искусственным биологическим видом, продуктом эволюции цивилизации: «Вписывание крупа в квадрат создает... большого жеребенка, с отходом организма от естественных параметров. Чистокровные скакуны слишком часто ломают ноги, у них лопаются кровеносные сосуды, они подвержены стрессам. И поведение у них детское. Заторможенное психическое развитие. Как у собак элитных пород».

В броне, но без стремян

Стремя — это принадлежность седла: металлическая дужка с донцем и пружиной, за которую она подвешивается на ремешке к седлу для упора ноги всадника. Ни толком сесть на лошадь, ни устойчиво держаться на ней во время движения без стремени нельзя. То есть ехать-то можно, однако все силы уйдут на то, чтобы просто держаться на спине животного. Называется такая посадка охлюпкой. Махать мечом или втыкать во что-либо копье на скаку, сидя охлюпкой, совершенно невозможно; неминуемо свалишься.

Долгие годы считалось, что стремя изобретено в VI веке в Китае. (В Китае вообще все изобрели, кроме Луны, которая, как известно со времен Гоголя, «обыкновенно делается в Гамбурге, и прескверно делается».) У персов оно появилось в VII—VIII веках, а в Европе в X—XI, тогда же здесь начинают использовать железные подковы. В России «стремя» впервые упомянуто в XII столетии, согласно Историко-этимологическому словарю П. Я. Черных. К сожалению, слово «седло» в этом словаре отсутствует.

Как же садились на коня до изобретения стремян?.. Г. Брикс в своих примечаниях к «Истории конницы» Денисона сообщает, что древние конники использовали ма-

леньките лестницы (scalae) или переносные железные ступеньки. Он отмечает, что упоминание о них у античных авторов часто приводило к недоразумениям: некоторые историки путали их со стременами, но стремян тогда не было, и scalae — это не название стремян.

«Наконец, пользовались камнями, которые даже были нарочно для этой цели (для посадки на лошадь.— *Авт.*) положены на краях больших дорог в Греции и Италии»,— пишет Г. Брикс. Но всадники с тяжелым оружием и в броне, на конях без стремян носились не только по дорогам Греции и Италии, как вы вскоре увидите.

Ф. Кардини пишет:

«Что касается истории материальной культуры, то должно быть ясно — **искусством верховой езды мы обязаны скифам.** Сосуд, найденный в Чертомлыкском кургане в районе нижнего течения Днепра и хранящийся ныне в ленинградском Эрмитаже, датируется первым десятилетием IV в. до н. э. На нем изображены скифы, ухаживающие за лошадьми. Работа мастера столь тщательно передает мелейшие подробности, что ее приписали греческим мастерам. Кое-кому даже показалось, что на нем видно не только седло, но и самое раннее изображение стремени, хотя и особого типа: стремя, предназначавшееся лишь для того, чтобы вскочить на коня. Подобное прочтение чертомлыкской находки давно уже отвергнуто специалистами. (Здесь главное — не слово «специалисты», а слово «давно». Раз давно отвергнуто, то и говорить не о чем.— *Авт.*) Теперь они пришли к выводу, что первое изображение стремян найдено в Индии и относится ко II в. н. э. Нам же хочется лишь подчеркнуть: мастерство скифов, скотоводов и конных воинов — это неопровержимый исторический факт».

О мастерстве спорить не будем, а скажем два слова об «исторических фактах» и толковании оных. Изучение предметов, обнаруженных в скифских погребениях, дало историкам основание для предположения, что к V веку до н. э. скифы вступили в полосу экономического упадка. Но тут же они отмечают, что подобные выводы следует принимать с изрядной долей осторожности. Вот какую осторожность проявил Ф. Кардини:

«Прежде всего следовало бы удостовериться, что имеющиеся в нашем распоряжении археологические находки достаточны для воссоздания общей картины того времени. **Но удостовериться в этом практически невозможно.** (А вывод об «упадке» уже сделан.— *Авт.*) Кроме того, не повредила бы и уверенность в том, что

гипотетическое уменьшение значимости и ценности обнаруживаемых в курганах предметов действительно было вызвано наступившим обнищанием. А может быть, это вызвано изменением обычаев, например культурными нововведениями? Как бы то ни было, **если согласиться** с гипотезой обнищания, основанной на списке археологических находок, **то можно предположить,** что причиной послужили войны, которые вел против скифов персидский царь Дарий I. (На основе домысла о «факте» домысливаются его «причины».— *Авт.*) В следующем столетии экономическое процветание, поддержанное экспортом зерна, возобновилось. (Еще один домысел.— *Авт.*) Однако на горизонте показался народ, брат и недруг скифов,— сарматы».

Далее историк рассказывает нам, кто такие эти сарматы: «тоже кочевники, иранского рода и племени, также говорившие на иранском наречии, родственники киммерийцев и скифов, отчасти смешавшиеся с меотийскими племенами». Оказывается, на запад их теснили «шедшие буквально по пятам азиатские племена».

Обратите внимание: все появившиеся в поле зрения западных жителей кочевники приходили сюда, теснимые более сильными восточными племенами. А почему же они их «теснили»? А потому, что их тоже теснили. Кто? Еще более сильные, которых, в свою очередь, теснили следующие. Стало быть, пришельцы, появившиеся на западе — самые слабые. Эти слабые сарматы, по сообщениям историков Рима, были чрезвычайно воинственны и жестоки, а к тому же имели чрезвычайно эффективную тяжелую кавалерию. Кто уж их там, жестоких, воинственных и эффективных кавалеристов, «теснил» с востока, даже подумать страшно. И вот, «наехали» они на скифов, которым мы — а также все воинственные и жестокие азиаты,— обязаны искусством верховой езды.

Традиционная история представляет прошлое человечества, как жизнь колонии насекомых. «Саранча летела, летела, села, все съела, и опять улетела» (А. С. Пушкин). Вот посмотрите сами, как описывают историки нашествие сарматов:

«Сарматский авангард, по всей вероятности, составляли языги, первоначально обитавшие в районе, имевшем выход к Азовскому морю... Изгнанные оттуда, языги в течение первой четверти II в. до н. э. заселили степи, расположенные между Доном и Днепром, и не-

сколько продвинулись на запад. Их первыми назвали весьма неопределенным именем: сарматы.

Причиной похода на запад, точнее его было бы назвать отступлением с востока, было, вероятно, появление на территории нынешней южной России новой волны ираноязычных кочевников, сарматов, где-то на исходе II в. до н. э.»

Если короче, то жестокие воинственные сарматы планомерно отступали с востока на запад под давлением жестоких воинственных сарматов. Чтобы объяснить явную нелепость происходящего, Ф. Кардини поминает Страбона, который, «вторя традиционным взглядам», отождествлял две ветви одного племени, западную и восточную. Но даже этого оказывается мало, и далее нам сообщают, что «из всех сарматов историки Рима выделяли аланов». Эти были самыми жестокими и воинственными. Их конные воины, катафрактии, называемые также контариями или клибанариями, в период поздней античности и раннего Средневековья, по словам историков, оказали сильнейшее влияние на военную историю Рима, Византии и Западной Азии. А их, как мы помним, вытеснили сюда более сильные восточные соседи!

Помнит ли читатель, что *«искусством верховой езды мы обязаны скифам»?* Скифы, если судить по известным ювелирным находкам — «скифскому золоту»,— знали удила, стригли коням гривы, носили хорошо сшитые куртки, брюки, комбинезоны... Обувь они пошивали на правую и левую ноги отдельно, не забывая приделать каблуки... Вот этих искусных в конном деле скифов, вместе с их экономическим процветанием и экспортом зерна, и грохнули первым делом жестокие сарматы.

Сарматские катафрактии были облачены в куртку-колет, обшитую железными или бронзовыми пластинами наподобие рыбьей чешуи. На голову катафрактий надевал высокий остроконечный шлем. Его оружие — длинный тяжелый меч и *контос*, копье в четыре — четыре с половиной метра, которое можно было пустить в ход только двумя руками сразу.

А стремян-то еще не придумали! «В Индии» они «появятся» только через четыреста лет, «в Китае» — через восемьсот, в Персии через тысячу, а в Европе — через тысячу двести лет.

«Скифское золото». Скиф, стреноживающий коня. Фрагмент вазы

«Удивительно, каким образом катафрактий сохранял при этом равновесие, не имея стремян и лишенный возможности пользоваться поводьями,— пишет Ф. Кардини.— Как мог он удержаться в седле? Эта эквилибристика поражала и римлян. (Автора этой книги сарматская «эквилибристика» должна бы поражать еще больше, нежели римлян. Но он историк тертый, выучил, что воевали без стремян, значит, воевали. Попробовал бы сам.— *Авт.*) Несомненно, она была результатом продолжительной и упорной тренировки воина и его коня. Требовалось такое тесное взаимодействие между конем и всадником, при котором конь подчинялся только голосу и коленям воина. (Как ни голоси, но без стремян и высокой задней луки седла, упершись копьем в препятствие, слетишь на землю.— *Авт.*) Но существует и предположение, что в иранской технике верховой езды и упряжи было нечто, что могло заменить стремя и обеспечивало равновесие всадника. (Замечательное признание! — *Авт.*) ...Вероятно, у иранских всадников был способ фиксировать копье на теле лошади при помощи привязей и особых ремней, или

же равновесие достигалось благодаря тому, что всадник сильно прижимал колени к бокам лошади, опираясь при этом на колчаны, привязанные сзади к седлу. (Опять начались выдумки, лишь бы объяснить необъяснимое.— *Авт.*) При столкновении с противником хитрость, быть может, состояла в том, чтобы развернуть торс правым плечом вперед и цепко обхватить ногами тело лошади. Копье было хотя и неудобным в употреблении, но зато грозным оружием...»

Археологи не находят древних стремян. Разве это доказывает, что описанные выше конники не пользовались стременами? Без стремян не было бы катафрактиев, вот в чем дело. Для нас это повод для размышлений о хронологии, для вывода, что всадники, известные как катафрактии, скакали по полям сражений ПОСЛЕ изобретения стремян, то есть уже во времена зрелого Средневековья. Для историков же, придерживающихся традиционной хронологии, присутствие во II веке до н. э. тяжелой конницы без стремян — повод к выдумкам, как же они держались и не падали.

Обращаясь к культуре Сасанидов[1], Буркхардт пишет:

«Образ этих персидских воинов, закованных в латы, с перьями на шлемах, вооруженных копьем и мечом, восседающих на великолепно украшенных конях, во всем напоминает образ их собратьев, наших средневековых рыцарей».

Тут и комментариев не надо! Действительно, как и сарматы II века до н. э., и эти воины напоминают средневековых рыцарей «во всем», кроме... кроме стремян.

Галлы тоже стремян не знали, и тоже с коней не падали.

«По словам Тацита,— пишет Г. Вейс,— у них был род конницы под названием crupellari... Это были солдаты или гладиаторы, закованные с головы до ног в железо и, следовательно, еще более тяжело вооруженные, чем катафракты... Шлем украшался оленьими рогами или металлическим гребнем с большим пучком перьев, что придавало воину более свирепый вид, тогда же был введен большой щит с девизом на нем».

И конный галл — типичный средневековый рыцарь! Но опять нет ответа: а как же вся эта груда железа в рогах и перьях держалась в седле? Причем со Средневековьем crupellari связывает не только военная одежда и оружие, но и воинская организация:

[1] Династия иранских шахов в 224—651 годах.

Иллюстрация книги X века. Варда Фока ищет убежища в храме св. Софии. Стремя — налицо

«Некоторые из галльских народов делили свою конницу на группы из трех человек: одного рыцаря или воина и двух оруженосцев или слуг. По словам Павсания, это деление было уже во времена Бренна... В этой организации мы видим первообраз позднейшей lance fournie средних веков».

Кончается «древность», начинается Средневековье. В книгах историков становится больше науки и меньше выдумок. Вот М. Горелик рассказывает о действительной эволюции конской сбруи:

«Надо сказать, что снаряжение коня и методы управления им менялись и совершенствовались так же, как и остальные средства ведения боя. **Таранный удар копьем и связанная с ним опасность быть выбитым из седла потребовали предельно крепкой посадки, что привело в XII веке к созданию седла-кресла с высокой, очень жесткой задней лукой, охватывающей стан всадника, на которую он откидывался, уперев ступни вытянутых**

ног в стремена. Высокая передняя лука защищала живот рыцаря. Строгость в управлении конем обусловила существование специального мундштука и острых конусовидных шпор. С конца XII — начала XIII века мундштук усложняется и становится все строже, и за счет этого уменьшается необходимость в большой строгости шпор, но возрастает требование более тонкого управления конем. Тогда по всей Европе начинают распространяться более «мягкие» шпоры со звездчатым колесиком».

А как же управлялся с конем и четырехметровым *контосом* катафрактий, не знавший ничего из перечисленного?! Но историк не задается таким вопросом, а делает предположение, что в период поздней Римской империи, особенно начиная с III века (через полтысячи лет после приключений катафрактиев), римско-германско-кельтский Запад был охвачен рядом нововведений, касавшихся верховой езды, коневодства и т. д. «Это прогрессивное развитие, длившееся вплоть до X в. благодаря таким этапным изобретениям, как стремя и подкова, осуществляется как бы волнообразно в соответствии с импульсами, поступавшими из евразийских степей, связанными с переселением народов».

Почему же автор останавливается здесь на X веке? Он будто сам забывает, о чем писал выше,— а именно о «прогрессивном развитии», протекавшем после X века! Нам кажется, что он интуитивно проставил дату, разделяющую фантазии «волнообразной» скалигеровской истории и начало действительной эволюции конницы.

Мы прочитали, что к XII веку появилось седло с высокой жесткой задней лукой, поддерживающей седока. Это весьма важно. Тот же М. Горелик предлагает «пересмотреть тезис, согласно которому римляне уже в I в. н. э. пользовались седлом с лукой, хотя и без боковых арчаков. Лука удерживала всадника от падения назад. Ведь только благодаря восточным конным воинам в римскую армию между III и IV вв. проникает тяжелое кожаное седло, которое и вытеснило полуседло или легкое седло».

И тут же делает совершенно убийственный для традиционной истории вывод: **«...Без седла не могло быть и речи о развитии тяжелой кавалерии».**

Представьте, как мучились во II веке до н. э. сарматские лошадки под тяжестью катафрактиев! Ведь даже через пятьсот лет седло — предмет роскоши: «В 321 г. Назарий в панегирике императору Константину говорит о «седалище» (sedlle) столь удобном и

прочном, что с него не упадет и раненый всадник, закованный в латы. Седло в те времена — предмет роскоши».

Фантастические колесницы

Все-таки история станет наукой только тогда, когда начнет проверять свои предположения экспериментально. Можно посоветовать историкам самим пострелять из древней катапульты, самим поскакать в доспехах на коне, с мечом в одной руке, копьем в другой и щитом в третьей,— обязательно без стремян! — и, наконец, самим прокатиться в боевой колеснице.

Да, личный опыт пользования конными экипажами современным историкам не помешал бы. Но они все больше на авто, а вот Н. А. Морозов опыт имел и рассказал о нем в 4-м томе своих сочинений:

«В описании боев древняя история заставляла скакать по полям царей и полководцев на парах лошадей и одноколках с дышлом, которые на первом крутом повороте (не говоря уже о какой-либо кочке или впадине в земле) непременно перевернулись бы вверх колесами, как это случилось раз со мной, когда я, будучи в гостях у моего хорошего знакомого Б.Ф. Мейендорфа, круто повернул рысью в экипаже такого типа, и притом даже по шоссейной дороге. Лежа на земле с ним рядом, с полувывихнутой ногой и с растяжением сухожилия в колене, я невольно прежде всего спросил:

— А как же древние полководцы скакали взад и вперед в таких же экипажах на неровных полях сражений без всякого шоссе, когда неприятель мог вдобавок нарочно подбрасывать им под колеса всякие предметы, не говоря уже об убитых и раненых, валявшихся тут и там?

Вопрос мой остался без ответа, потому что Мейендорф предпочел тащить меня на руках в свой дом, после чего я пролежал в постели две недели, прежде чем мне позволили ходить. И вот я теперь скажу всякому после своего опыта:

— Только тот полководец, которому надоела жизнь, поскакал бы в бой по полю не верхом в седле, а на двуколке-колеснице, вроде той, на какой помпейский живописец нарисовал Дария в бою с Александром Македонским, а по его примеру и по сообщениям достоверных «древних свидетелей» зарисовывали другие средневековые авторы, описывавшие «классические» бои. Ведь их двухколесные экипажи, когда на них посмотришь с некоторым разумением, еще более неустойчивы на пово-

ротах и валки при всякой неровности почвы, чем тот, на котором я ехал с Мейендорфом. Только на публичных состязаниях по прямой и выровненной дороге в них и можно мчаться сломя голову.

Мы видим, что даже и в этом частном случае у нас вступают в борьбу знание и вера. Вера в то, что написали древние-историки, и знание неустойчивости таких экипажей, приобретаемое лично. И вот я говорю всякому, который будет защищать от моих нападок достоверность «древних боевых колесниц»: попробуйте-ка сами сделать в такой упряжке несколько поворотов по полю, и, сломав себе кости, вы перестанете возражать мне!

Мы никогда не должны забывать, что все наши представления о жизни и культуре древнего мира не являются результатами личных наблюдений. Это представления, **внушенные** нам другими, которые, в свою очередь, получили их, как внушения, от других, и так далее, и неизвестно, сколько было звеньев на этом пути до нас. И при каждой передаче неизбежно происходила психологическая апперцепция, благодаря которой... представления воспринимающего никогда не сходились вполне с представлениями сообщающего, и аберрация при словесной или письменной передаче была тем сильнее, чем одностороннее были умственно развиты рассказчик и слушатель, или писатель и читатель, и чем хуже владели они употреблявшимся ими латинским или греческим языком».

Однако наличие описаний и старинных рисунков колесниц — это исторический факт, с которым нельзя не считаться. Даже скажем больше: это поразительный, интереснейший факт, который служит блестящим подтверждением нашей версии истории. Конечно, в текстах старинных и не очень старинных авторов немало и чепухи — мы покажем такие случаи,— но использование в боях коня, запряженного в повозку, позволяет нам утверждать: иного применения животного до изобретения стремян и не могло быть!

Известны египетские, ассирийские и греческие боевые колесницы. Их относят к седой древности. Рассмотрим, какие из них действительно могли быть, как применялись, и насколько они стары.

«Колесницы древних египтян имели колеса с четырьмя или шестью спицами... [Но] реальные повозочные колеса с четырьмя, пятью, шестью спицами НЕВОЗМОЖНЫ. Обод таких колес не будет круглым! Идеальный круглый обод получается при двенадцати спицах: каждая из шести равных частей обода насаживается на две спицы»,— пишет И. В. Давиденко. А где брали египтяне, если они древние, крепкие (железные) оси? Негде им было их брать, и даже по одной

этой причине мы можем смело поместить историю «Древнего Египта» в раннее Средневековье.

В. Тараторин, говоря об одной из египетских колесниц, справедливо заметил, что это образец, точнее, модель колесницы из дерева: ось из ольхи, колеса и остальное — из ясеня, а ободья колес обернуты березовым лыком. Дышло напрямую соединено с осью. С какого прообраза и когда делалась модель, непонятно, однако вывод М. Горелика по поводу этих изделий представляется верным:

«Без сомнения, эта колесница имела ритуальное назначение, поскольку чисто деревянная конструкция не выдержала бы нагрузок ни в быту, ни на войне».

Примерно то же можно сказать о двух колесницах и десяти колесах (о шести спицах) в гробнице Тутанхамона. Смотреть можно, ездить нельзя. Колесо — отнюдь не такая простая вещь, как кажется на первый взгляд!

«Молотком и струбциной пользуется колесный мастер. Сначала он собирает ступицу колеса, затем спицы, каждую из которых изготавливает вручную, вбивает в ступицу молотком. Обод колеса собирается из секций и укрепляется на спицах. На обод надевается нагретый стальной бандаж. Остывая, он слегка уменьшается, стягивает колесо и упрочняет его»,— говорится в популярной энциклопедии 1986 года «Радость познания».

Обод 12-спицного тележного колеса собирается из шести секций изогнутого дерева. Спица обязательно пронзает обод и прочно вбивается в ступицу; секции обода следует скреплять воедино «в шип».

Изобретение *ступицы* и переход к ажурным колесам со спицами был таким техническим прорывом, который не мог «забываться» и «вспоминаться». Такая конструкция прочна и технологична; она открыла невероятные возможности в колесном деле, но... для использования в прялке или для подъема воды. Для тележного же колеса нужна стальная *шина* (бандаж), которую следует железными хомутами прочно связать с ободом. Можно, конечно, обойтись и без стали, но такие колеса придется менять слишком часто. Далее остается еще проблема соединения всей конструкции с кузовом.

Теперь вернемся к десяти колесам, найденным в гробнице Тутанхамона. Шесть спиц этих колес не пронзают обод, а вилочкой утыкаются в него, обнимая наполовину. Таким образом, ступица исполняет декоративную, а не несущую функцию, вибраций и нагрузок такая ступица не вынесет. Обод не имеет бандажа, он смоделирован из прутьев или из тростника.

Между тем в уже упомянутой популярной энциклопедии «Радость познания» говорится:

«Впервые колесо нашло применение в Месопотамии около 5000 лет назад. Колесный транспорт с бычьей тягой постепенно совершенствовался и распространился в Средиземноморье, Европе и Китае. Римляне научились делать прочные повозки; по их превосходным дорогам было налажено быстрое сообщение конных упряжек. Это был немаловажный фактор в управлении обширной территорией.

После падения Римской империи вплоть до XV в. большинство путешественников: солдаты, паломники или бродячие торговцы — пользовались в основном верховыми лошадьми или вьючными животными...»

Итак, составители энциклопедии уверяют читателя, что человечество, наладив в римские времена колесный транспорт и даже понастроив для него дорог, затем на много столетий утратило навыки изготовления колес, и не использовало колесный транспорт!

По нашей синусоиде события, которые могли дать основание для легенды о падении мифической Римской империи, приходятся на регрессный трак линии № 3—4. Это в реальной истории могут быть XI или XII века. Но мы не желаем быть догматиками и слепо следовать схеме: понятно, что в Европе колесное мастерство могло развиваться позже, а в Византийской (Ромейской) империи — раньше. Начав с весьма ненадежных конструкций, к XV веку человек и в самом деле достиг совершенства в производстве, получив крепкое колесо, крепкую стальную ось, чеку, держащую колесо на оси, надежную связь дышла или оглобель с колесным ходом, упряжь... Ему всего-то и нужно было вооружиться стальными инструментами. Вот они: молоток, топор, долото, пила, клещи, тиски, сверло, перка и т. д.

Когда же могли появиться колеса в Египте? Б. Мерц определяет некоторые границы: «...ни кони, ни колесницы не были найдены в самом Египте до прихода гиксосов».

Гиксосы якобы захватили Египет около 1700 года до н. э. По нашей синусоиде — стык линий № 2 и № 3, то есть переход от X к XI веку. Это было как раз то время, когда о коне уже широко знали (см. предыдущую главу). А за 2500—2700 лет до этого — были ли лошади не только в Египте, но и вообще хоть где-нибудь?.. Если верить не зоологии и

здравому смыслу, а традиционной истории, не только были, но и, снабженные мастерски сделанной упряжью, катали поразительно красивые повозки. Вот как великий Гомер описал колесницу Геры:

Тотчас сама устремилась коней запрягать златосбруйных
Дочерь великого Крона, богиня старейшая Гера.
Геба ж с боков колесницы набросила гнутые круги
Медных колес восьмиспичных, ходящих по оси железной.
Ободы их — золотые, нетленные, сверху которых
плотные **медные шины** наложены, диво для взора!
Окаймлены серебром по обоим бокам их **ступицы.**
Кузов же сам **на ремнях золотых и серебряных** крепких
прочно лежит, и дугою два поручня тянутся сверху.
Дышло же из серебра. К окончанью его привязала
Геба **ярмо золотое**, к ярму же — **нагрудник** прекрасный,
весь золотой. Под **ярмо** подвела лошадей своих быстрых.

Ох, зря грешат на Гомера,— не слеп он, нет! Пишет, что видит. А видит он повозку позднего Средневековья.

А вот *«броневик V века до нашей эры»*, как назвал это чудо света И. В. Давиденко: персидская боевая колесница! На рисунке современного художника, воспитанного на мифах традиционной истории, она вся ощетинилась вилами, пиками и серпами. Художнику с его карандашиком и думать не надо: а как же эти серпы — по два на колесо — прикреплены к осям? Болтами, что ли? В отличие от Гомера, он такое ужасное изделие вживую не видел, зато видел он автомобили, и вот, вставил ось колесницы в цилиндрическую муфту, как в механизмах XX века.

Именно муфты и держат колесную ось,— но не знали люди V века до нашей эры ни ступицы, ни колеса, ни железной оси, ни серпов. Не было железа в таком количестве, чтобы отрабатывать подобные технологии. Эту эпоху называют временем «раннего железа», оно было дороже серебра и золота.

А взялся художник за карандаш, начитавшись исторических сочинителей типа Курция Руфа, на которого часто ссылаются историки. Но и он описывал то, чего никогда не видел. Это чистый миф:

«...Для устрашения врагов было добавлено 200 серпоносных колесниц... На конце дышла торчали копья с железными наконечниками, с обеих сторон ярма направлены были против врагов по три меча; со

«Стегозавр» на колесах. Персидская боевая повозка. Якобы V век до н. э. С рисунка В. Тараторина

спиц колес торчало помногу острых ножей; другие были прикреплены к ободьям колес или (под кузовом) направлены остриями вниз...»

В. Тараторин привлекает еще в свидетели Диодора, который описывает персидские колесницы:

«В каждой колеснице по обе стороны от пристяжных торчала, выдаваясь на три пяди, прибитая к ярму гвоздями скребница, обращенная остриями к противнику; на осях, перпендикулярно к чеке, были прикреплены две другие, с остриями, направленными так же, как и вышеупомянутые, прямо к противнику, пошире и длиннее первых. К их краям были прилажены серпы».

Из этого как минимум следует, что Диодор видел гвозди, скребницы, серпы и даже пристяжных коней,— но ведь постромковая пристяжная упряжь еще не изобретена была в V веке до нашей эры! Однако В. Тараторин, ничтоже сумняшеся, тут же и рисует это чудо техники в копьях и серпах.

В исторических сочинениях можно найти немало военных «изобретений», практическая ценность которых равна нулю: вогнутые зеркала, которыми Архимед якобы жег вражеские корабли, или ружье, стреляющее за угол, или

сапоги-скороходы. Такова и эта серпастая колесница. Повозка на двух колесах вообще мало пригодна для боевых действий на пересеченной местности, а уж с серпами, сколько их ни привинчивай, и подавно. И дело не только в том, что технически соорудить подобное сложно. Надо, так сделали бы,— хотя, конечно, не в V веке до н. э. Но эти смертоносные украшения изувечили бы первого же бойца, свалившегося с собственной колесницы на первом же ухабе еще при выезде из мастерской, и его товарищи непременно обломали бы о бока мастера всю оглоблю. И впредь заказали бы ему заниматься такими глупостями.

Да и бессмысленное дело, скакать на врага с таким оружием. Вот представьте: мчится этот «стегозавр», копья из дышла торчат, приваренные к ярму мечи сверкают, серпы и ножи — чик, чик, чик,— крутятся со скоростью вращения колеса. Перья на стальном шлеме возничего, само собой, развеваются. Картина! Пусть даже ось не сломалась, и колеса не отвалились, и враги, дураки такие, не разбежались; врезается боевая машина в их ряды, и сразу по нескольку тел свисает с копий и мечей, а колеса уже не могут вращаться из-за застрявших между серпов вражьих конечностей. Что же будет дальше, если мчаться во весь опор уже нельзя? Ясно что: враги повыдергают с возницы перья, а потом, свинтив с тележки дармовое оружие, накинутся на воинов того хитромудрого полководца, который и послал к ним эту мясорубку на колесах.

У Вегеция (IV—V н. э.) в книге «Греческие полиоркетики»:

«Цари Антиох и Митридат пользовались в своих военных походах колесницами с косами, запряженными четверками коней. Вначале они вызывали большой страх, но потом стали предметом насмешек. Трудно для такой колесницы с косами найти совершенно ровное поле, малейшим препятствием она задерживается, а если поражена или ранена хоть одна лошадь, колесница уже выходит из строя. Но эти колесницы потеряли всякое значение главным образом благодаря следующему приему римлян: когда начинался бой, римляне быстро разбрасывали по полю капканы (трибулы); когда на них попадали катящиеся колесницы, они гибли. Капкан — это защитное орудие, сколоченное из четырех заостренных кольев; как его ни бросить, оно крепко становится на трех кольях, а четвертым, поднятым кверху, наносит вред».

Мы знаем, как применялись тачанки в ходе Гражданской войны в России. Даже имея пулемет и запас патрон-

ных лент, тачанки, не вклиниваясь в расположение противника, подъезжали к нему, и расстреливали хоть с близкого, но расстояния, чтобы в опасный момент умчаться прочь. Ведь посреди вооруженной враждебной толпы не увернешься от смерти, и телегу отнимут, вместе с оружием.

Были до Гражданской войны и кони, и телеги, и пулеметы. Но вот их объединили в одно целое и поставили тактическую задачу. Легко понять, что применение в бою тачанки — это очередной этап эволюции вооружений. Точно так же и применение боевой колесницы нам следует рассматривать, как ЭТАП той же самой эволюции, но иного периода, происходивший в иных условиях.

Мы находим параллели между античностью и Средневековьем во всем, что касается военного дела: в доспехах и вооружении, в тактике, в «рисунке» боя на примерах... Но вот боевые колесницы в Средневековье не использовались. А для древности и античности есть соответствующие тексты и рисунки. Что же это значит? А то, что при малом количестве коней и полном отсутствии стремян и, соответственно, возможности иметь кавалерию военачальники использовали колесницы с лучниками для захвата тактического преимущества на поле боя.

Кони задолго до появления стремян применялись для таскания грузов. Но мальчишки ездили на них и верхом, когда отправлялись к речке, чтобы мыть животное. Можно предположить, что они пытались драться, сидя на конях. И обнаружили, что это дело совершенно бесполезное. Вспомните, даже сейчас есть такая «спортивная игра»: двое стоят или сидят на бревне, пытаясь сбить с него противника. Эта забава не занимает долгого времени.

Таким образом, конь мог быть средством доставки воина к месту боя — ведь скакать можно и без стремян, и без седла — *охлюпкой*, как это называется по-русски,— а вот чтобы принять сам бой, приходилось с коня слезать.

Мальчишки вырастали и становились воинами, уже зная, что бой верхом невозможен; он и был невозможен до появления седла со стременами и высокой задней лукой. А использовать коня в боевых действиях, разумеется, хотелось. Как? Например, по принципу тачанки. Колесница с большим запасом стрел и двумя бойцами,— стрелком и стрелком-возницей, выдвигается впереди основного боево-

го порядка пехоты и обстреливает врага, причем с возвышения, которым является сама колесница. Когда стрелы кончаются, эта античная БМП неспешно трусит обратно. Здесь нет даже потребности в больших скоростях, ломающих колеса!

«Перед нами декорация, а не реальный конный экипаж,— пишет И. В. Давиденко.— По сути, нет упряжи. Плечевое ярмо наложено на лошадей, но не закреплено снизу. Управлять такой упряжкой нельзя. Обратим внимание на колеса... Мощная ступица. Но отчего-то 11 спиц! Так не бывает. Чеки на осях не видно. Чем колесо держится на оси? Странные хомуты на колесах: они не охватывают обод и шину для крепости, а приколочены гвоздями к средней части обода».

Конечно, применять такое оружие можно было только в очень специфических условиях, там, где поверхность земли достаточно ровная. Пожалуй, в Месопотамии и Египте, а также и на части территории Европы есть подходящие ландшафты. И уж, разумеется, обходилось без серпов, прикрученных к осям. Возможно, боевых колесниц было не так уж и много в истории, но они все же были, что и отмечено в источниках.

В какой-то момент, после появления седла и стремян, на поле боя могли одновременно встречаться и всадники, и колесницы. В Книге Исайя (22:5—7) записано:

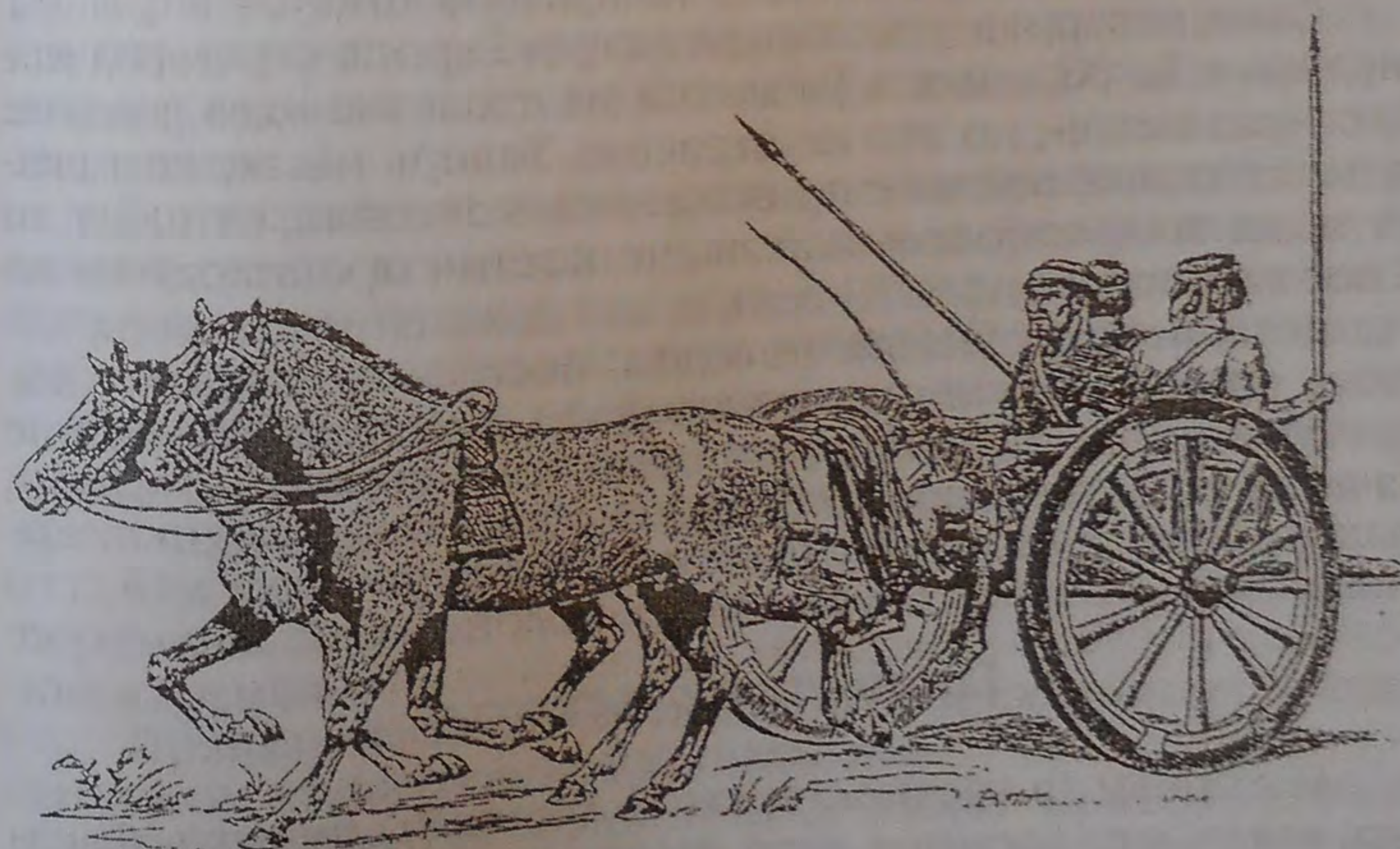
«Господь назначил день, когда все придет в смятение и беспорядок в долине Видений, люди будут топтать друг друга, городские стены будут разрушены, и люди долины будут кричать людям в городе и на горе. Всадники из Елама наденут колчаны и в битву поскачут, люди из Кира будут греметь щитами. Армии встретятся в одной из долин, которая заполнится колесницами, и всадники остановятся у городских ворот».

Это якобы 965—928 годы до н. э.

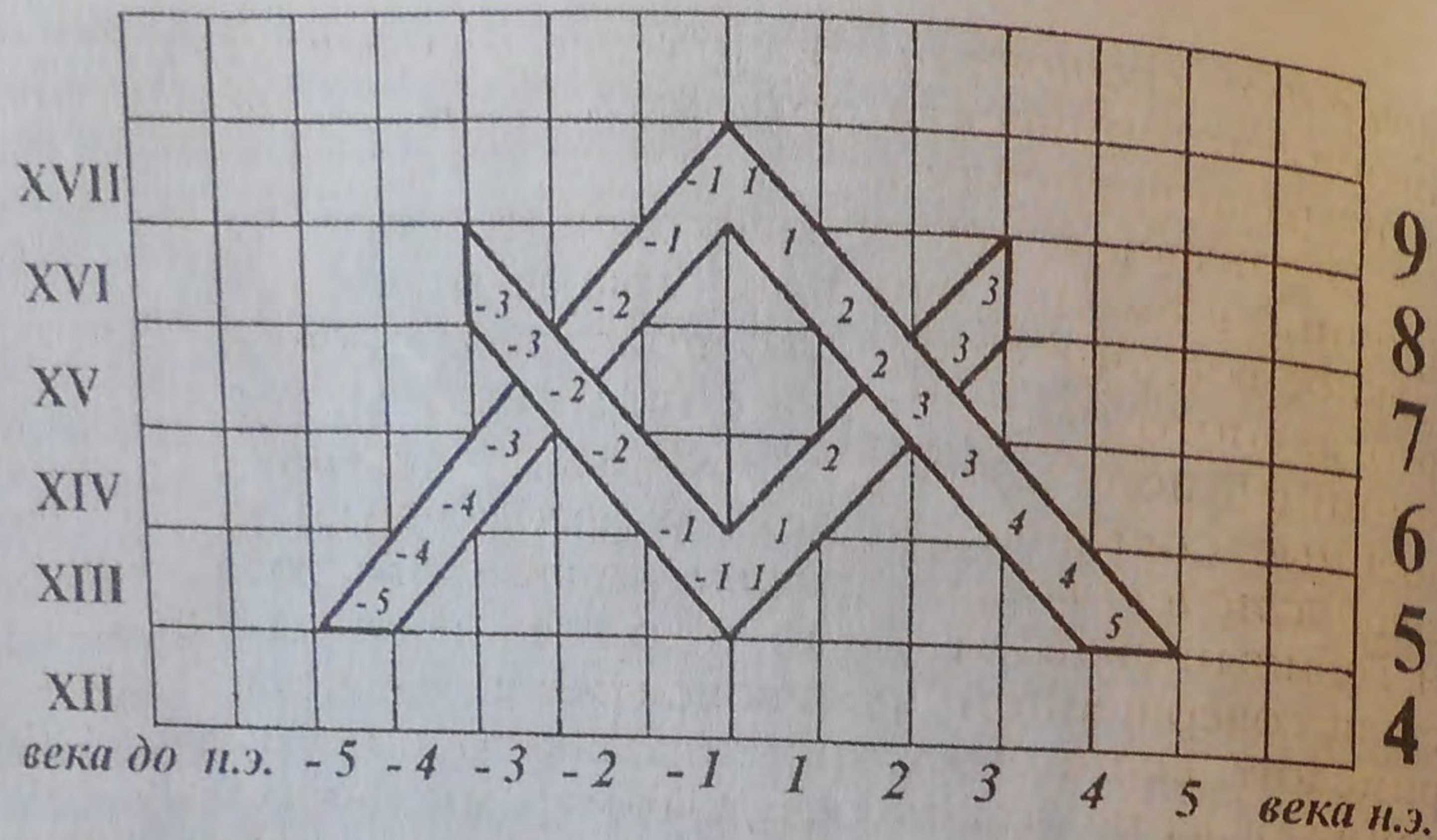
А теперь — о самом главном.

Мы не раз говорили, что синусоида, выведенная нами из анализа параллелей в стилистике древних и средневековых произведений искусства и литературы, служит всего лишь разоблачению неверной хронологии. Составить на ее основе хронологию верную нельзя. Если мы хотим восстановить ход эволюции человечества, то есть выстроить хотя бы последовательность его истории, следует находить точки совпадения между «древностью» и Средневековьем, и аккуратно разбираться, что было до этой точки, а что — после.

Хеттская боевая колесница якобы XIII века до н. э.



Эламитская повозка якобы VIII века до н. э.



Рубеж эр по "греческой" синусоиде на уровне 1600 года
Рубеж эр по "римской" волне на уровне 1300 года

Графическое изображение скалигеровской хронологии в виде масонских циркуля (греческая история) и угольника (римская история). Справа — номера линий веков

Изобретение стремян дает нам такую точку.

Сами историки установили дату: в Европе стремена появились в X—XI веках, в Византии на столетие—два раньше. Дата «размытая», но это не страшно. Теперь мы можем сказать: все пешие войны с применением колесниц, относят ли их ныне к «древности» или «античности», происходили по X век включительно. С XI века, после появления стремян, колесницы быстро вышли из моды, поскольку всаднику догнать такую «чуду» не составляло труда. В этот период пешие драчуны уступили место в истории войн конникам, чтобы, начиная с XIV века, снова постепенно потеснить их.

Появление пехоты

Историки (в частности, кн. Н. Голицын) пишут о Средних веках, что военное дело *«повсюду, за исключением Византийской империи, находилось в самом низком и несовершенном состоянии»*. Военное дело сильно ухудшилось, говорят исторические ортодоксы, если сравнивать его с античными временами.

Оставаясь в плену классовой теории, ученые ищут причину в смене формаций, утверждая, что именно феодальное военное устройство, приведшее Европу к развитию феодального рыцарства и с ним феодальной рыцарской конницы, подкосило с XI—XII веков прежние успешные военные силы, сделав пехоту (феодальную) *«не только второстепенным, но почти незначущим родом войск»*. Н. Голицын видит, что и то, и другое — конница и пехота — стали совершенной противоположностью древнего, греко-римского военного устройства, в котором главной силой армий была пехота, завоевавшая мир, а конница только содействовала ей. О том же — слова военного историка Франца Меринга: «Рыцари — главный род войска — имеют так же мало общего с античной или современной кавалерией, как их пешие слуги — их вспомогательные войска — с античной или современной пехотой». За всю историю раннего Средневековья только Карл Великий якобы в IX веке устраивал свою армию «по греческому образцу», но он не был феодалом.

И тут же историки рассказывают нам о рыцарях Гомера, о рыцаре Александре Македонском, рыцарях-персах и других, впрочем, оговариваясь, что они-то видят разницу, и что античность и древность всего лишь «похожи» на Средневековье...

Все подобные толкования ученые вынуждены придумывать из-за негодной хронологии, и феодализм тут ни при чем. В античные времена, помимо рабовладельцев и рабов, были и полусвободные, прикрепленные к земле (по сути, крепостные) и просто свободные земледельцы и скотоводы. И в Средневековье имелись не только феодалы и крепостные, но и свободные граждане и рабы.

Мы указали другую, помимо классовой, причину для перемены военной тактики: освоение лошади и изобретение стремян.

Правда, чтобы принять такую версию, придется отказаться от скалигеровской хронологии.

Советский специалист Е. А Разин приводит слова Маркса — Энгельса о том, что первоначальная пехота «являлась не чем иным, как плохо вооруженной толпой, организовать кото-

рую почти не делалось никаких попыток. Пехотинец даже не считался воином; слово miles (воин) сделалось синонимом конного воина».

Разин совершенно прав, когда пишет, что в Средневековье с развитием ремесла улучшалось вооружение, использовавшееся в этих стычках: появились копье ударного действия с металлическим наконечником, меч, щит с металлическими пластинами, служивший довольно надежной защитой от удара копьем и мечом и от поражения стрелой. Бой, как правило, начинался применением метательного оружия, а затем перерастал в рукопашную схватку.

С появлением племенной знати, с разделением людей на богатых и бедных стали выделяться хорошо вооруженные воины. Племенные вожди имели хороший щит, панцирь, шлем, поножи, лучшие луки и копья с металлическими наконечниками, а после приручения лошадей — боевые колесницы. Остальная масса воинов довольствовалась более дешевым оружием.

Надо понимать, что война всегда имеет какую-то государственную цель. Но до развития государства как такового, в период, когда соседствующие племена и народности только начинали переходить к государственности, цель была, так сказать, «государевой». Война была государевым делом правящей элиты, и велась она за власть: война была или оборонительной, за сохранение власти на своей территории, или захватнической, за приобретение власти над чужой территорией. А земля, своя ли, чужая, нужна с работниками — не самому же пахать. Поэтому государи (племенные вожди) воевали между собою, приводя вассалов (родовых вождей), а для уравнивания сил прихватывали толпу вооруженной молодежи из числа простолюдинов.

Э. Лависс и А. Рамбо пишут в книге «Эпоха крестовых походов»:

«Каждый дворянин — воин. Если он не связан специальным договором, то имеет право воевать с кем хочет. Поэтому в клятвах верности обе стороны обязуются уважать «жизнь и члены» друг друга. Война (которую мы неточно называем «частной войной») есть общее право. Редко когда считают долгом, прежде чем начать войну, формально объявить ее.

Войну объявляют, посылая своему врагу какой-нибудь символ, обычно перчатку: это знак того, что узы верности порваны... Иногда довольствуются угрозой или даже прямо начинают неприятельские действия. В войну вовлекаются, в силу закона, фамилии обоих противников, так как родственники обязаны помогать друг другу до седьмого колена. В XIII в. Бомануар задается вопросом, возможна ли война между двумя братьями; нет, отвечает он,— если они братья по отцу и по матери, потому что оба они принадлежат к одному и тому же роду; да — если они имеют лишь одного общего родителя, потому что тогда за каждого будет стоять его семья. Те, у кого есть вассалы, сзывают их на службу, и война начинается».

Е. А. Разин, рассказывая о европейском раннем Средневековье, пишет, что завязывала бой хорошо вооруженная племенная знать, которая сражалась на боевых колесницах. Остальное войско, расположившись по родам и племенам, лишь наблюдало за их борьбой. Затем в бой вступала вся масса, что в конечном итоге решало исход борьбы.

Войны этого времени породили начальные формы организации армии, прежде всего воинского строя. Большинство первоисточников говорит, что воины выстраивались по родам и племенам во главе со своими вождями. Так было у ирокезов, греков, славян, франков, германцев и других. Построение по родам и племенам явилось предпосылкой возникновения боевого порядка. Разница между греками и прочими только в том, что они, согласно нашей мифической традиционной истории, «прошли этот путь» на тысячу — полторы тысячи лет раньше остальных.

Тактическим приемом было фронтальное столкновение. Но со временем назрели вопросы об использовании оружия метательного и ударного действия, о взаимодействии конных и пеших воинов, о выборе места удара. В тот период уже появились наступательная и оборонительная формы борьбы, зарождалась служба охранения и разведки. Но все эти элементы военного искусства были примитивны и не имели постоянных, устойчивых форм.

Лишь с XIII века появляются упоминания пехоты городов в случаях защиты последних от вражеских нашествий. Б. Кипнис пишет:

«Потребовался опыт швейцарских, гуситских и Столетней войны, катастроф под Никополем и Варной, чтобы была вновь по достоинству оценена роль дисциплинированной и однообразно вооруженной пехоты в противовес рыцарской коннице».

«Вновь», якобы после тысячелетнего забвения!

Бальцер полагает, что до XI века рыцари еще не имели оруженосцев. Позднее, в XIII веке, оруженосцы и кнехты (слуги) были вооружены на крайний случай. «Своя» пехота — слуги рыцарей, которые не участвовали в битве, а ждали ее окончания, укрывшись за обозами. Так применялись пехотинцы, пока на полях сражений владычествовала конница, то есть в XI—XIII веках пехоты, способной противостоять ей, просто не было! Лишь эволюция военной организации, изобретение новых видов оружия вроде алебарды, а затем пищалей и мушкетов, применение новых тактических приемов позволили наконец пешим порядкам «грубых мужиков» дать достойный отпор рыцарской коннице. У М. Горелика читаем:

«...Когда в XIV веке бурно развилась боеспособная пехота, сражающаяся в плотных строях, не боящаяся конных атак и с длинными алебардами сама бросающаяся в бой,— рыцари кидались в бегство при одном виде швейцарских «баталий» и гуситских повозок, с ужасом и возмущением рассказывая о непривычных кровавых побоищах,— ведь у швейцарцев, например, под страхом смерти запрещалось брать пленных. И когда рыцари тоже стали все чаще применять глубокие плотные построения, так что отряд превращался в железного дикобраза, их снова смела — теперь уже навсегда — пехота, вооруженная огнестрельным оружием».

Боеспособная пехота в Западной Европе вышла из зажиточных фламандских городов и из швейцарских горных районов, сделавших из войны способ накопления денег. Изобретение огнестрельного оружия изменило структуру вооруженной организации. Тяжелая рыцарская конница приходила в упадок, возвышалась пехота, развивалась артиллерия и инженерное искусство. Открываем Франца Меринга:

«С распадающихся рыцарских войск начала уже зарождаться пехота, превратить которую в боевое оружие и было задачей вновь зародившегося капитализма. Он облегчил себе эту задачу тем, что в соответствии с духом своего денежного хозяйства покупал нужное ему войско. В швейцарской квадратной колонне с ее строгой дисциплиной, с ее тактической сплоченностью и неотразимым массовым ударом была найдена пехота, доказавшая, что она далеко превосходит рыцарские войска».

Об этом наш дальнейший рассказ.

Пехота как род войск

Средневековые европейские города были сильны не только своим ополчением; они имели надежную защиту в виде прочных городских стен, за которыми при нашествии врага укрывалось и население ближайших сел. Укрепления города развивались в форме концентрических кругов. Горожане: ремесленники и купцы — имели оружие и несли гарнизонную службу. Кроме того, нанимали вооруженную стражу. До изобретения пороха брать такие города можно было только длительной осадой или вследствие предательства.

Между тем дворяне отнюдь не приветствовали развитие «народных армий». Ганс Дельбрюк сообщает, ссылаясь на Фруассара: «Филипп IV в 1347 г. заявил, что он будет водить в бой только дворян. Горожане являются просто балластом, который тает и исчезает в рукопашном бою, как снег на солнце».

Понятно, что и горожане, и нанятые для обороны города профессиональные войска были в основном пешими.

О наемниках же периода зарождения капитализма Е. А. Разин сообщает вот что:

«Потребность в наемниках прежде всего возникла в городах Северной Италии, которые имели и средства для их содержания. Во главе отряда итальянских наемников стоял предводитель — кондотьер (от слова condotta — наемная палата)... В XIV—XV вв. отряды кондотьеров неоднократно доказывали свое превосходство над феодальным ополчением... **Кондотьеры, как профессионалы, оказали значительное влияние на развитие военного искусства: стали возрождать античные идеи в тактике и стратегии, обращалось внимание на правильное снабжение войска, появилась военная литература».**

Из последней фразы историка следует, что военные профессионалы Северной Италии, при бурном развитии капиталистических отношений, взялись возрождать античные идеи, а это в традиционном контексте означает: идеи, позволявшие превзойти феодальное ополчение, уже были развиты за тысячу — полторы лет до кондотьеров и феодализма без всяких капиталистических отношений. Откуда бы кондотьеры могли о них узнать, загадка.

Если же отказаться от традиционной хронологии, становится ясным, что в таком построении фразы сказалась

Андреа Кастаньо. Кондотьер Пиппо Спано. Фреска цикла «Знаменитые люди» из виллы Кардуччи в Леньяйя. 1450—1451, линия № 7

Центурион, командир подразделения в древнеримском легионе. I век, линия № 6

привычка историков совершенно не обращать внимания на Южную Италию, Грецию, Переднюю Азию, входившие как раз в это время в сферу влияния Византии. Здесь и проистекал «античный период» военного дела, пока Европа не начала его «возрождать».

А упомянутая Разиным военная литература, появившаяся, как мы видим, в XIV веке, изобилует привычными анахронизмами, апеллируя к древнеримским временам и рассказывая о «варварах».

Разгадка в том, что древние римляне — это ромеи-византийцы XI—XIII, и даже XIV веков, владевшие и южной Италией тоже. Ромейские императоры нанимали «варваров» в свои войска. И античные идеи в тактике и стратегии зародились здесь и в это время, чтобы быть повторенными в Северной Италии и других местностях Европы полвека—век спустя.

Средневековые швейцарцы в сомкнутом строю якобы повторяли действия македонской фаланги или римских баталий (манипул). Словно и не было полутора тысяч лет. В римской армии число пехотинцев значительно превышало число всадников, как и в швейцарской. Каждый легион был разделен на 10 манипул. Манипула была основной тактической единицей римской пехоты. Каре — основной тактической единицей швейцарцев.

В Швейцарии, в старых кантонах Швиц, Ури и Унтервальден образовались общины с военной конституцией, в полной мере обладавшие основными военными качествами: мужеством и годностью отдельных бойцов, дисциплиной, непоколебимой взаимной спайкой этих воинов. Первые качества воспитывались жизнью среди суровой природы негостеприимных гор, вторые — общинным бытом; род и соседство, военное товарищество и земледельческое хозяйство были теснейшим образом связаны.

«**Первобытные швейцарцы** были воинственным горным племенем, которое не слишком строго относилось к грабежам и разбою. «Освободительные битвы», которые они предпринимали якобы для свержения австрийского господства, с точки зрения цивилизации весьма двусмысленны, и военную славу, которую они при этом приобретали, они охотно обменивали на золото»,— пишет Франц Меринг.

Обратив ваше внимание на слово «первобытные», примененное к швейцарцам, скажем, что это именно они впервые в пешем построении сумели противостоять рыцар-

ской коннице. Они сумели так выстроить свои ряды, уперев в землю и выставив навстречу коннице длинные копья, что сломали строй самоуверенных рыцарей, скинули их с коней и перебили. Впервые. В начале XIV века (линия № 6).

Но якобы за 1700 лет до этих первобытных швейцарцев Ксенофонт (430—355/4 до н. э., линия № 6) писал в своей «Греческой истории» о том, как пехотинцам следует правильно противостоять коннице:

«Десять тысяч всадников — все-таки не более десяти тысяч человек, потому что никто в сражении не был никогда убит от укушения или удара лошади. Мы гораздо сильнее каждого всадника, который обязан держаться на хребте лошади в совершенном равновесии. Он не только боится наших ударов, но и опасается упасть с лошади. Мы же, упираясь твердою ногою, поражаем сильнее, если кто к нам приближается, и вернее попадаем в цель. У всадников против нас одна выгода: скорее спастись бегством».

Не удивительно ли, что Ксенофонт рассуждает, как европейский военный теоретик XIV—XV веков? Время Ксенофонта по нашей синусоиде соответствует XIV веку; с учетом же, что его можно отнести разве что к Византии,— XIII веку.

Да и Аристотель в «Политике» рассуждает о сравнительных качествах пехоты и конницы: «Тяжеловооруженной пехотой нельзя пользоваться при отсутствии тактического порядка. И так как в древности не имели об этом представления и не знали этого искусства, то сила войска основывалась на одной лишь коннице».

Что такое для Аристотеля древность? Времена Троянской войны? Кажется, у Гомера не описаны действия конницы. Зато они наверняка описаны в сказаниях литературного «Троянского цикла» XIII века.

Приступив в конце XIII — начале XIV века к копированию опыта византийцев («возрождая» античность), европейская пехота на протяжении следующих ста пятидесяти лет превратилась в серьезный род войск, наработав свой опыт ведения боев. Ганс Дельбрюк отмечает, что только в XVI веке появилась французская, немецкая, испанская пехота в действительном значении этого слова, то есть как постоянное войско.

Фрэнсис Бэкон (1561—1626) писал о своей современности:

«...Все наиболее компетентные знатоки военного дела согласны между собой в том... что главную силу армии составляет инфантерия, или пехота. Но чтобы создать хорошую инфантерию, необходимы

«Огнестрельная секира» — оружие пехотинца XVI века. Секира, снабженная пистолетом, лезвием-топориком и приспособлением для стаскивания всадника с лошади

люди, которые выросли не в рабском унижении или нищете, а на свободе и среди известного благосостояния. Поэтому, если в государстве главное значение имеют дворяне и высшее общество, а сельское население и пахари состоят лишь из рабочих или батраков, а также из коттеров, т. е. нищих, владеющих хижинами, то при таких условиях, быть может, и возможно иметь хорошую конницу, но отнюдь не хорошую стойкую пехоту».

Если так было в XVI—XVII веках, то могло ли быть иначе в «Древнем Риме» или «Древней Греции»?.. Приходится нам переносить время существования этих «древних» государственных образований поближе к нашим временам, совмещая с событиями, в которых участвовали византийские (ромейские, римские) греки, турки-османы, западные и восточные европейцы.

Турки во времена Орхана, наследника Османа, организовали пехоту на началах найма. В военное время завербованные получали ежедневную плату, в мирное — земельные участки. Вскоре из христианских детей была создана особая новая пехота, янычары, пользующаяся отличным содержанием и помещением. Янычары называли себя братьями; оскорбление одного из них считалось оскорблением всего корпуса. «Преданность султану составляла их гордость; он был их отцом, а они ему детьми»,— пишет А. Пузыревский.

Главной причиной падения янычаров считается зачисление в их корпус детей мусульман. «Попадая в строй по протекции, они гораздо менее были подготовлены к тягостям военной службы, менее строго воспитаны в военных доблестях, не отличались такой беззаветной преданностью султану, как прежние янычары».

А. Пузыревский считает необходимым упомянуть, что в России первый опыт устройства постоянной пехоты был сделан Иваном IV учреждением *стрельцов* около 1550 года. Стрельцы были не только пешие, но и конные; они в мирное время поселены были в Москве и других городах, где исполняли гарнизонную и полицейскую службу, а в военное время присоединялись к прочим войскам.

Нас интересуют военно-исторические параллели между Средневековьем и античностью, их возможность или неизбежность, вероятные закономерности. Но нам интересны и прочие «возрождения», вроде каролингского. Ведь Карл Великий задолго до швейцарцев создавал пехотные полки! Это столь удивительно, что сами историки сомневаются. Так, Франц Меринг пишет:

«При Карле Великом народное ополчение существовало еще по государственному праву и по форме, но не фактически; «крестьянские войска» Карла относятся к области басен; он никогда не выводил в поле крестьянских массовых войск, а выводил лишь небольшую квалифицированную армию. При его внуках народное ополчение окончательно отжило; военное дело стало целиком покоиться на вассалитете...»

Надо бы еще разобраться, кто такой Карл Великий и чьи это внуки, ведь прозвищем «Великий» кого только не называли.

Макиавелли первым в XVI веке стал требовать всеобщей воинской повинности,— а мы читаем, что существуют «басни» о чем-то подобном при Карле Великом. «Макиавелли был, конечно, очень проницательным политиком,— отмечает Франц Меринг,— но не потому, что он видел вещи в темноте будущего, а потому, что видел их в свете действительности. Он писал под впечатлением длинного пути побед, по которому в его время шли швейцарские войска. Эти войска были народным ополчением со всеобщей воинской повинностью, и они применялись только в сражении на уничтожение. **В мощных швейцарских колоннах он, подобно гуманистам, видел возрождение греческой и римской фаланги».**

Вот, оказывается, что видел Макиавелли «в свете действительности»: швейцарцы «возрождают» греческий и римский военный опыт. Есть утверждения, что в армиях Александра Македонского дисциплина была «железной». В то же время, историки пишут о «недавних» для Макиавелли временах:

«Первые крестоносцы состояли из совершенно недисциплинированного, отовсюду сбежавшегося сброда фанатиков из низших классов, которые причинили более вреда тем христианским землям, по которым они проходили, чем неверным, которых поклялись победить».

Итак, в эпоху эллинизма армии дисциплинированны, в эпоху крестовых войн они представляют из себя просто сброд, затем вновь начинают приобретать «нормальный» вид. Самое удивительное, что многочисленные европейские «возрождения» существуют только в книгах современных историков; ни Макиавелли, ни швейцарцы даже слов таких не знали. Басни про армии Карла или Александра создают сами историки, чтобы увязать в их исторической версии концы с концами. А ведь нет ни одного документа времен Александра, и нет ни одного документа IX века, в котором говорилось бы о возрождении чего-то древнего.

Культура, варварство и артиллерия

Маркс и Энгельс полагали, что культурные греки «являются создателями как регулярной пехоты, так и регулярной конницы. Они формировали массы бойцов в отдельные отряды, вооружали и снаряжали их соответственно цели, для которой они предназначались, обучали их действовать согласованно, двигаться в строю, сохранять определенное тактическое построение, чтобы таким путем бросать всю тяжесть их сосредоточенной и двигающейся массы на определенный пункт вражеского фронта. Организованные таким образом, они повсюду оказывались выше необученных, неповоротливых и беспорядочных толп, выставляемых против них азиатами».

Кто же такие эти азиаты и в чем заключается их «неповоротливость»? Берем в руки капитальный труд марксиста Е. А. Разина:

«Восточные деспотии располагали в целом или в качестве составной части **постоянным войском**, но в нем не было элементов **регулярной армии**, присущих греческой милиции, которую **вполне можно назвать регулярной, хотя и не постоянной армией** (выделено нами.— *Авт.*) Милиция — это армия, которая не содержится государством постоянно, а собирается лишь на время войны и по ее окончании распускается».

Что все это означает? Военным историкам надо бы объясниться со своими читателями, дав подробные определения: чем отличается «беспорядочная толпа» от «постоянной армии», а последняя — от «регулярной, хотя и не постоянной армии». Наверное, существует принципиальная разница между толпой вооруженных палками дикарей и какой угодно, но армией. Однако насколько принципиальна разница между *армиями* разных народов? Насколько уместно то и дело, без объяснения терминологии, поминать «орды варваров»?

Сами историки не перестают спорить об этом; однозначного понимания военной истории человечества не существует. Это, кстати, и позволяет нам вмешаться в спор. Вы только что прочли, что греки — создатели регулярной армии, а им противостояло «постоянное войско» из необученных беспорядочных толп азиатских дикарей. Дальше вы познакомитесь с еще более интересными мнениями.

Ганс Дельбрюк, исчисляя население Римской империи в середине III века н. э. самое меньшее в 90 000 000 человек, но находя, что «оно вполне может быть принято и за 150 000 000», спрашивает:

«Мыслимо ли, чтобы такая масса населения уступила напору орд варваров, из которых каждая достигала не более 5000—15 000 человек?.. Мировая история получает с этого момента освещение как относительно прошлого, так и будущего времени. Откуда же исходит этот свет? От неизмеримо большего превосходства регулярного войска над народным ополчением».

Франц Меринг, много и подробно цитирующий в своей книге Дельбрюка, ловит последнего на «передержке»:

«Здесь поклонник немецкого милитаризма совсем ослепил историка, и этот аргумент звучит особенно странно в сочинении, начавшемся с описания блестящих побед греческого гражданского ополчения над персидским профессиональным войском».

Многие утверждения историков выглядят странно. Они все до одного ослеплены скалигеровской хронологической теорией. Если бы в каждом удобном случае профессионал в каком-либо деле (писатель, художник, военный) мог объяснить историку, в чем тот не прав, когда рассуждает об истории литературы, искусства, войн, то мы имели бы ныне подлинную историческую науку. А не тот конгломерат мифов, который Ричард Олдингтон назвал «худшим видом худшего порока».

По ходу традиционной истории дикие варварские орды с постоянством, напоминающим сюжеты романов в жанре fantazy, захватывают и подчиняют себе культурные народы.

Конечно, нет никакого основания для предположения, что римская когорта в 600 человек непременно должна победить отряд «диких» галлов или готов такой же численности. Римляне могли терпеть поражения в отдельных боях. В чем же заключалось могущество римского вооружения? Ганс Дельбрюк, почти буквально повторяя мнение Маркса и Энгельса, отвечает на этот вопрос так:

«Оно покоилось на организации войска в целом, которая позволяла концентрировать в одном месте очень большие массы, двигать их в порядке, снабжать, поддерживать связь. Этого всего не умели делать галлы. Их подавляли, конечно, не храбрость римлян, которой не уступала их собственная храбрость, и не массы римских войск — совсем нет: их массы были не меньше,— но их массы были мертвы, не были способ-

ны к движению. Римская культура восторжествовала над варварством, так как сделать большую массу подвижной — это есть искусство, которое дается лишь высокой культуре. Варварство на это неспособно».

Но ведь эти «неподвижные», некультурные варвары положили конец культурному Риму! Спрашивается, многого ли после этого стоят рассуждения историков вроде приведенного выше? А ведь Ганс Дельбрюк — один из лучших!

Кто-то додумывается до полезных новинок сам, кто-то заимствует умение у друзей или врагов. Практика ведет к развитию умения. Надо и в самом деле научиться обеспечивать «подвижность» масс людей, организовывать снабжение войск всем необходимым, от продовольствия до оружия, от разведданных до медицинской помощи. Надо научиться правильно оценивать силу противника, осваивать тактические приемы, предусматривать последствия тех или иных действий.

В наше время для выполнения этих работ существует штаб. Но, начав применять их спорадически в XV веке, полководцы лишь в XVII осмыслили их необходимость, и только затем штабы были введены повсеместно. Однако в трудах историков мы читаем, что у Цезаря был штаб и инженерные войска!

С самого начала оперативное военное искусство развивалось как в биологии: выживает тот, кто был более умелым (в простейшем случае — у кого больше людей). На этом построена эволюция. Победитель, а также и тот, кто научился применять его опыт на практике, побеждает снова, пока не найдется полководец более сообразительный. Мастерство продолжает расти, появляется понятие тактики, возникает теория военного искусства. Теперь побеждает не просто тот, у кого тактика лучше, а кто понимает, почему и зачем надо сделать то-то и то-то (вскрыть оборону обстрелом, установить засаду, заманить противника, обмануть ложной информацией), знает, какие результаты дали разные тактические приемы в ходе конкретных войн прошлого.

Полководцы могли узнавать об этом из военно-исторических трактатов. Что они из себя представляли, покажем на примере античных «Стратегем» Фронтина:

«Божественный Юлий при Мунде, когда его войско стало отходить, велел унести с глаз его коня и пеший выбежал па первую линию; солдатам стыдно стало покинуть полководца, и они возобновили бой.

Филипп, опасаясь, что его воины не выдержат натиска скифов, поместил надежнейших всадников в тылу и предписал им не позволять никому из соратников бежать из строя, а кто будет упорно отходить, тех убивать. Огласив это распоряжение, он достиг того, что даже самые трусливые предпочли пасть от рук врага, чем от рук своих товарищей. Победа была одержана.

Г. Марий, победив в бою тевтонов, ввиду наступления ночи окружил их остатки; приказав немногим солдатам время от времени поднимать крик, он тревожил врага и не дал ему заснуть. Благодаря этому он на следующий день легче разгромил неотдохнувшего неприятеля».

Совершенно ясно, что ученый-книжник эпохи Возрождения, поставив себе целью собрать в рукописях, имеющихся у него под рукой, образцы «античной» военной хитрости, написал бы точно такое же сочинение. Гуманисты Возрождения (Джордано Бруно и другие) писали свои философские трактаты в стиле античных «Диалогов» Платона, подражали практически и всем другим антикам. Это совершенно естественно для одного и того же пласта культуры, когда имеется преемственность знаний, но выглядит довольно надуманным, когда авторов и «подражателей» разделяют лет пятьсот, а то и две тысячи!

В XX веке некоторые авторы использовали композиционную схему, придуманную во времена Боккаччо и Чосера, но стилистика современной литературы не повторяет ранее Возрождение. А когда читаешь трактат Фронтина, так и видишь человека в типично ренессансном интерьере, за раскрытым «древним» кодексом, которому от силы сто лет.

Другой военно-теоретический трактат, «Византийский Аноним VI века», разрабатывает проблемы скрытых тактических резервов: «Цель засад — нанесение внезапного удара, когда враг, расстроив свои ряды, бросается преследовать отступающего противника. Чтобы отступление было более правдоподобным, рекомендуется бросать на поле боя что-либо из вооружения и снаряжения». Идеи контрнаступления в этом документе высказываются, хоть в самом общем виде.

Однако теория контрнаступления как особого вида боевых действий, в дополнение к наступлению и отступлению, начала приобретать сколько-нибудь определенные очертания лишь с конца XIV или с начала XV века. А мы заметим, что VI век по «византийской» волне синусоиды относится к той же линии № 6, что и XIV век. Можно предположить, что в Византии документ появился немногим ра-

нее, но в Европе стал известен только с XIV века. Наличие описаний контрнаступления в более ранних источниках — повод усомниться или в подлинности этих источников, или в общепринятой хронологии и традиционной истории.

Б. Кипнис в статье «Влияние античного опыта на развитие военного искусства и военного дела в новое время» пишет, что егеря Фридриха II возродили античную практику рассыпного строя легких войск, начинающих битву и прокладывающих дорогу тяжелой пехоте. Далее оказывается, что Фридрих II (а это XVIII век!) применил знаменитую «косую атаку», которую использовал Эпаминонд в битвах при Левктрах и Мантинее во время Беотийских войн (378—362 до н. э.).

Довольно странная история. Ну хорошо, до начала эпохи Возрождения тупые немецкие, французские и английские феодалы не могли додуматься ни до чего подобного. Затем незнамо от кого о тактике Эпаминонда стало известно, но, даже зная о ней, полководцы не обращались к его удачному опыту даже в XV—XVII веках.

А непобедимые римляне? Что сказать о них? Почему-то даже они не использовали неравномерное распределение войск по фронту, в целях сосредоточения сил для главного удара на решающем участке. Может быть, «знаменитая», как ее называют, «косая атака» Эпаминонда уже в I веке до н. э. была забыта? В таком случае никто и никогда не смог бы ее вспомнить.

Скажем еще и об огнестрельном оружии.

Огнестрельное оружие первого поколения — бомбарды вроде тех, что изображены на рельефах Пергамского алтаря,— начинали применять в разных местах не из-за боевых качеств, а потому, что выстрелы пугали лошадей, рассеивая конницу. На первых порах они пугали и пехоту тоже. Бомбарды не могли нанести ей большого вреда, но оказывали психологическое воздействие.

Крупные бомбарды, кидающие каменные ядра на расстояние до километра, уже в конце XIV века использовались повсеместно, но успешно только при осаде и обороне крепостей. Скорострельность была очень низкой. Так, при осаде Дортмунда (1388) в один день было выпущено 33 ядра, а за 14 дней осады — 283 ядра. Орудия не могли менять раз занятую позицию, заряжались медленно, порох был плохого качества. Поэтому в открытом поле стрельба не оказыва-

ла влияния на ход боя, как это было, например, при Грюнвальде (1410), и редко попадала в летописи.

В неявном виде наличие или отсутствие огнестрельного оружия в описании боя служит делу подтверждения хронологии, а когда-то, возможно, служило и основой для ее выстраивания. Однако довольно долго не только крупное, но и ручное огнестрельное оружие, такое как аркебуза или мушкет, уступало английскому луку, и тоже не попадало в летописи.

Маркс и Энгельс писали в своих трудах:

«До конца средних веков ручное огнестрельное оружие не имело значения, так как лук английского стрелка при Креси (1346) стрелял так же далеко, как ружье пехотинца при Ватерлоо и, может быть, еще более метко, хотя и не с одинаковой силой действия».

Скорострельность лука была очень высокой (10—12 стрел в минуту). Рыцарские латы пробивались стрелой из лука на дистанции в 70 метров, из арбалета — до 150—200 метров. Поэтому мы не находим явных упоминаний в «античной» литературе об огнестрельном оружии, хотя изредка попадается кое-что о свинцовых пулях, или свинцовых ядрах, или о «греческом огне». Новому оружию просто не придавали большого значения, хотя порох был известен в Византии с первой половины XIII века (а, может быть, и раньше). Это и есть самые настоящие античные времена.

Даже на картинах Эль Греко (1541—1614) мы не увидим мушкетов, что уж говорить про XV век! Преимущества аркебуза XV века перед арбалетом заключались лишь в меньшем габарите, независимости от физической усталости стрелка и звуковом эффекте, пугавшем лошадей противника и заставлявшем рыцарей сражаться в пешем строю.

В это время пехота, решавшая исход боя, была вооружена в основном пикой или алебардой. Лишь потом произошло организационное деление пехоты на копейщиков и мушкетеров. При этом тяжелые кирасы копейщиков затрудняли маневрирование во время боя, и от кирас отказались. В этом разгадка поразительного деяния императора Адриана, который якобы во II веке отказался от тяжелого оборонительного вооружения в римской армии. II и XV века относятся к одной и той же линии № 7 «римской» волны.

МОНГОЛО-ПАРФЯНЕ

Итак, зеркало разбито. Всемирной истории больше нет, нет потому, что она и была-то только миражом Европы, кроившей ее на свой лад в зависимости от собственного состояния. Других народов она касалась лишь мельком, постольку, поскольку их пути пересекались с путями Европы.

М. Ферро

Версии для XIII века

Взаимоотношения между государствами и государями Евразии XIII века изучены мало. Можно сказать, история этого периода есть не история событий, а опись фантазий и толкований. Картина конфликтов, происходивших между участниками 4-го Крестового похода, и многообразных международных и межплеменных союзов «смазана» татаро-монгольским нашествием.

У любого события в истории есть причины; если оно инициировано людьми, то, значит, имеются его организаторы. Затем, есть участники событий, в большинстве случаев не понимающие замысла организаторов, а также, в силу племенных, религиозных или политических пристрастий, различающиеся между собой в оценках происходящего. Имеются свидетели, непосредственно в событиях не участвовавшие, но тоже склонные толковать происходившее на их глазах, и тоже по-разному. Летописцы будущих времен, до слуха которых донеслись самые разнообразные сообщения, начинают их сравнивать между собой и записывают, перетолковывая по-своему.

Вот на основании их записей историки XVIII—XIX веков составили историю человечества, истинные причины событий которой зачастую невозможно назвать. А ведь они были!

В качестве примера напомним историю набегов на Русь крымских татар в XV веке. Об этих набегах довольно много сведений. Но ни в одной русской летописи вы не прочтете, что набеги инициировались Турцией. Турецкие эмиссары снабжали татарского князя оружием и забирали награбленное. Об этом не знали ни простые татарские воины, ни страдавшие от их набегов русские селяне. И летописцы, соответственно, не сообщали об этом потомкам. К счастью, в это время, то есть в XV веке, были уже достаточно развиты письменность и дипломатия, и кое-что позволяет сделать правильные выводы.

XIII век в этом отношении более «темный». Тогда, аналогично крымским татарам, в Эгейском море действовали греческие пираты, за спиной которых, как можно предположить, стояла Византия. Возможно, так «добирался» налог, на который, как считали императоры, они имели право. Известно, что позже таких же «своих» пиратов применяла на морских дорогах Англия и некоторые другие страны.

Во многих случаях подвиги пиратов воспевались. Что помешало бы этим песнопениям превратиться в «народный эпос»? А уж «удревнить» эпос и сочинить целую Древнюю Грецию было для историков и хронологов делом техники.

В конце концов эти пираты так достали европейцев, настолько напортили в морской торговле, что стало ясно: надо давить не только их, но и тех, кто за ними стоит. Незнамо куда девшаяся «Критомикенская культура» — это, смеем предположить, разоренное в XII—XIII веках пиратское гнездо, хотя находящиеся здесь колоссальные постройки могли быть возведены и одним — двумя столетиями раньше (или позже). В решении направить удар 4-го крестового похода против византийцев соображения пресечения пиратской деятельности, возможно, тоже играли не последнюю роль.

Иная хронология, которую мы вам предлагаем, позволяет «найти» древнегреческих пиратов именно в XIII веке. А то, что античные герои — пираты, специалистам известно и без нас. Я. Маховский в «Истории морского пиратства», вышедшей в свет еще в 1972 году, прямо писал об этом, называя имена владельца острова Самос Поликрата, а также

Эрколе де Роберти. Аргонавты покидают Колхиду. XV век

Ахилла и Одиссея. А великий Гомер повествует о воровских подвигах Одиссея в обычном эпическом духе:

Ветер от стен Илиона привел нас ко граду киконов,
Исмару, град мы разрушили, жителей всех истребили,
Жен сохранивши и всяких сокровищ награбивши много,
Стали добычу делить мы, чтоб каждый мог взять свой участок.

Одиссей грабит всех подряд. Даже вырвавшись из грота Циклопа, не упускает случая прихватить «козлов тонконогих и жирных баранов». Ничуть не лучше и Менелай, который, по словам Нестора, упер из Египта столько богатств, «сколь могло в кораблях уместиться». М. К. Петров в книге «Пираты Эгейского моря и личность» отмечает, что даже «сам Нестор не без греха. Растроганный встречей с Телемахом, старец вспоминает о тех временах, «когда в кораблях, предводимых бодрым Пелидом, мы за добычей по темно-туманному морю гонялись».

Еще двести лет назад не было секретом и то, что именно морские грабежи «античных греков» привели к крестовым войнам и захвату византийских земель. Государства, участвовавшие в захвате, выгнав пиратов, поделили эти земли между собою, дабы надзирать за морскими путями. В «Фаусте» Гете, написанном в XIX веке, читаем:

Отбросьте Менелая живо
К морскому берегу назад.
Пусть грабит бухты и проливы
Испытанный морской пират.

Когда он в бегство обратится,
Отброшенный от этих стен,
Раздаст спартанская царица
Вам герцогства за это в лен.
. . . .

В Элиде станут франки станом,
Мессену саксам отдадим,
И Арголиды край — норманнам,
С надзором за путем морским.

Как трансформировался приход на их земли этих чужестранцев — франков, саксов, норманнов,— в рассказах простых, скажем так, греков? Что за сказки и песни породил ответный «ход» византийцев? И разве не видим мы появления таких же точно иностранных воинов в сказаниях о Батыевом нашествии?.. Отчего же не поискать другие причины нашествия, кроме «гениальности» Чингисхана. Почему не увязать «иго» с военно-политической ситуацией в мире, прежде всего в столь близкой России Византии и на Балканах?

Наши летописи сообщают о приходе свирепых чужаков и страданиях аборигенов и о том, что в неизвестном месте живет царь, приславший этих воинов. К царю ездили русские князья, чтобы получить не только разрешение на княжение, но и, наверное, какие-то указания политического и экономического свойства.

Кто организовал, кто оплачивал этот колоссальный военный поход, какие цели преследовали его инициаторы? Где они находились? Судить об этом можно лишь по косвенным данным. И вот историки составили версию, в которой основной движущей силой мирового нашествия названы скотоводы пустыни Гоби и лесостепей севернее этой пустыни. Традиционная версия показывает старейшин монгольских семей как политиков мирового уровня, первым из которых был Чингисхан. Сначала было две версии: монгольская и татарская, причем о местонахождении ни «монголов», ни «татаров» никто из тех, кто первым попытался составить связную историю, не знал, что не помешало историкам объединить две версии в одну, росчерком пера создав немыслимый новый «этнос»: монголо-татар.

Буквально лезущий в глаза вывод, что любых, весьма разноплеменных кочевников могли нанимать в своих целях кто угодно — византийские императоры, европейские светские и церковные князья,— историки даже в уме не держат. Если летописцы XV столетия в налетах татар Крыма не видели направлявшей их силы, то тем более летописцы XIII века не могли предположить ничего иного, кроме того, что раз приходили «тартары», то, значит, они и организовали поход.

Но у летописцев кругозорчик был узенький, они, быть может, и в самом деле полагали, что «тартары» — «адские люди» — пришли прямиком из ада и туда же ушли. А наши современные историки?.. Как у них-то с кругозором? Похоже, не лучше, чем у средневековых монахов. По этой причине они и вцепились в очень уязвимую версию, которая давно уже подвергается заслуженной критике.

«Несмотря на то что проблема создания и разрушения державы Чингисхана волновала многих историков, она до сих пор не решена,— пишет Л. Н. Гумилев в книге «Поиски вымышленного царства».— В многочисленных общих и специальных работах нет ответа на первый и самый важный вопрос: как произошло, что нищий сирота, лишенный поддержки даже своего племени, которое его ограбило и покинуло, оказался вождем могучей армии, ханом нескольких народов и победителем всех соседних государей, хотя последние были куда могущественнее, чем он?»

Вслед за этим вопросом встает и масса других: кто вооружал воинов? Кто и как определял стратегию? Какие цели были поставлены и достигнуты? Монголия, если ее ханы были во главе всей авантюры, совершенно точно не достигла никаких целей. Вот что получается, если даже чуть-чуть присмотреться к общему положению дел в мире.

Одна из самых больших загадок — еще более загадочная, нежели нашествие на Русь,— это история завоевания монголами Китая.

По сообщению БСЭ, в XI—XII веках монгольские племена делились на лесных и степных кочевников. Лесные еще не вышли из стадии первобытнообщинных отношений, степные же только-только приобрели родовые черты. Основной хозяйственной единицей в это время стала семья — аил. Вся этнография говорит нам, что военные *структуры* в таких условиях не возникают.

А в Китае уже имелись развитые государственные формы. За двенадцать столетий до нашей эры, говорят историки, здесь уже были составлены специальные руководства по ведению военных действий,— то есть к моменту, когда первобытные монголы начали «создавать родовой строй», первым китайским правилам ведения войн уже было более двух тысяч лет. И ведь развитие военной (и прочей) мысли в Китае не стояло на месте; здесь развивалась и военная техника.

За четыре века до н. э. зажигательные составы «были известны китайцам отчасти», но употреблять их с военными целями начали только через шестьсот — семьсот лет, в III веке н. э. Еще через семь — восемь столетий, в начале XI века, китайцы стали применять зажигательные составы «более постоянно». А в XIII веке, к моменту, когда монголы наконец вышли из лесов, у них уже появились особенные

орудия разного рода для метания этих составов на противника.

Тут-то монголы проснулись окончательно и завоевали китайцев. Победили так, с кондачка, не имея абсолютно никакой истории, никаких знаний, никакой техники, никакой идеологии. Как только приобрели родовые черты, так сразу и отняли у китайцев наработанные за многие столетия технологии. А китайцы все отдали. Ну а уж изучив экстерном китайские теоретические труды и вооружившись китайской техникой, монголы пошли показывать всем кузькину мать, и чуть не в месяц захватили полмира.

Казалось бы, мало их было, монголов. Кочевников вообще много не бывает. Но — ничего, историки легко объясняют и этот удивительный факт: к малочисленным монголам, говорят они, примкнули многие народы Средней Азии. Вот и стало их много.

А слышал ли кто-нибудь о том, чтобы полмира завоевывали китайцы, хотя бы в составе армий покоривших их монголов? Нет, китайцы этого не делали. Некоторые скотоводческие племена, якобы жившие на территории современного Китая, с монголами объединились. Но все же не они были изобретателями новой техники, а какие-то «усредненные» китайцы, хотя таковых вообще нет в природе.

Н. И. Конрад, «объехав на кривой» вопрос о появлении и применении военной техники китайцами, рассказывает нам о бытующих среди историков объяснениях, как монголы завоевали и Китай, и Среднюю Азию, и прочее. Рассказ его весьма примечателен:

«В исторической науке выдвигалось много объяснений военных успехов монголов. Говорят о том, что эти успехи были обусловлены прежде всего внутренней слабостью тех стран, на которые обрушились монголы. В самом деле, и Чжурчжэньское царство и Южносунская империя в Китае были ослаблены длительной борьбой друг с другом, распрями вождей и военачальников; в Средней и Передней Азии наиболее крупные тогда центры — Хорезм и Багдадский халифат — находились в смертельной вражде, подрывавшей их силы; в состоянии раздробленности и внутренних столкновений находилась и Русь. Монголы же противопоставили этому всему свое единство, сплоченность, строжайшую дисциплину».

Признать эти выдумки, не подкрепленные никакими цифрами и другими данными, за объяснение никак нельзя. Предположим, существует пять государств: Чжурчжэньское

царство, Южносунская империя, Хорезм, Багдадский халифат и Монголия. Первые четыре длительное время воюют, причем первые два имеют более высокую военную технику, нежели Монголия, а также обладают хорошей теоретической базой и подготовленными полководцами. По численности населения Монголия проигрывает всем четырем на несколько порядков: даже накануне XX века в этой стране проживало менее 600 тысяч человек, а земледельческие страны заведомо имеют более высокую плотность населения.

Чтобы противопоставить пусть даже разделенной четверке «свое единство, сплоченность, строжайшую дисциплину», монголам следовало бы иметь единую идеологию, а ее у них не было. На какой базе вообще можно «сплотить» скотоводов, по характеру своей деятельности живущих семьями, далеко разбросанными друг от друга? Откуда возьмется «сплоченность и дисциплина», если юноши воспитываются в семье и неспособны признавать ничьего авторитета, кроме авторитета собственного папаши? Но если даже свирепым насилием и угрозой убийства удастся заставить их идти в бой, то для победы над культурным противником потребуется подавить его численно, а достаточной численности-то и нет.

Так что перед нами не объяснение исторических событий, а словоблудие, призванное замаскировать слабость позиции историков. Они просто исходят из когда-то сделанной «догадки», что монголы завоевали Китай. Но как такое завоевание могло произойти? Никак. Наступает время домыслов. Н. И. Конрад продолжает:

«Говорят и о том, что успехи монголов объясняются их военным превосходством, проявившимся как в наличии более совершенных видов вооружения и более крепкой организации армии, так и в гораздо более искусной стратегии и тактике. В самом деле, **у монголов была китайская артиллерия** — в виде разнообразных метательных орудий; **они пользовались заимствованными у китайцев же зажигательными средствами и орудиями;** у них было много разных типов осадных орудий, **взятых от китайцев и от персов; они заимствовали, наконец, от китайцев и учение о войне,** выработанное древним китайским стратегом Сунь-цзы и обновленное в танское время императором Тайцзуном и его военачальником Ли Цзином».

Как видим, для историков нет проблем: чтобы победить китайцев, монголы «позаимствовали» артиллерию, зажига-

тельные средства, осадные орудия у... китайцев. Правда, остается непонятным, почему китайцы им все это дали и зачем монголам потребовалось китайское «учение о войне», если они и так имели «более искусную стратегию и тактику».

Но если обратиться к истории Византии, мы легко обнаружим те же самые достижения, которые ныне приписывают Китаю.

С. Лучицкая в книге о крестовых походах пишет, какой шок вызвал у европейских рыцарей «греческий огонь», применяемый сарацинами в XII веке. Оказывается, в пику «Древнему Китаю», использование зажигательных смесей, состоящих из смолы, селитры и других веществ, было обычным делом в византийском мире, к которому примыкали и так называемые сарацины.

То же самое можно сказать и о приспособлениях для осады крепостей и прочей техники. Оставим в стороне монголов: у них до XX века не то что крепостей, ни одного города не было. Какие уж там машины для осады несуществующих крепостей.

А вот на одной из иллюстраций к хронике Гийома Тирского, участника 1-го Крестового похода, изображена осадная машина. С. Лучицкая сразу же «устанавливает», что это античная модель оружия. Для нас в этом нет ничего удивительного, так как византийское средневековье XI—XIII веков и есть та самая «античность», о которой грезили гуманисты Возрождения. В устах же наших оппонентов это выглядит довольно странно. Как и то, что жители завоеванных крестоносцами земель Передней Азии (которых историки называют «мусульманами») поклонялись языческим богам Тервагену, Аполлену и Марго. Как и то, что они соблюдали обычаи древних язычников, содержали голубиную почту (известную в «древнем» Риме, но не в средневековой Европе), занимались зловредной магией, верили в переменчивость судьбы и возможность заглянуть в будущее. Параллели с «Китаем» весьма основательные!

Мало того. Хронист Бадри Дейльский обращает внимание на кочевой образ жизни иноверцев. По его наблюдениям, они не живут в городах, а передвигаются с места на место со всем своим скарбом, используя для этого вьючных животных, при этом берут с собой большие запасы еды, а

также скот: быков и овец. Это уж и не мусульмане, и не древние греки, а прямо «монголо-татары»!

Гийом Тирский тоже рассказывает, что здешние жители не занимаются земледелием и торговлей, а постоянно кочуют, ведя с собой домашний скот, рабов и служанок. По его словам, сарацин привлекают лишь обширные пастбища, на которых они пасут свой скот. Все они живут, как и подобает кочевому народу, в палатках, питаясь «звериной добычей». Чем же в таком случае король Хорасана отличается от своего близнеца — Чингисхана? Только тем, что Гийом Тирский описывает XI—XII века, а Чингисхан привел своих кочевников в Хорасан в XIII?

Перед историей, если она желает быть наукой, а не сборником сказок, встает проблема выработки версий, не противоречащих точно установленным фактам. Ерунда про «гениальных кочевников» не устраивает уже многих, прежде всего военных историков. Они, оставаясь на позициях традиционной истории, начинают задумываться: откуда, на самом деле, получили монголы знания о военном деле?.. Вот что пишет генерал-лейтенант М. Иванин:

> «Приняв за несомненное, что монголо-татарские войска имели правильное устройство и соблюдали строгую дисциплину, что начальникам определен был их круг обязанностей, что конница их умела сражаться в поле, осаждать и брать крепости... рождается вопрос: откуда полудикие монголо-татарские пастухи могли получить такие сведения о всех отраслях тогдашнего военного искусства?..
>
> А так как в то время в языческой, восточной части Средней Азии была полная веротерпимость, и имеются исторические сведения, что там христиан, особенно несториан, было немало, то, вероятно, они... сообщили некоторые сведения о военном искусстве римлян и греков, а эти сведения могли быть переданы и монголам».

Как вам нравится такое объяснение, с хронологической точки зрения? Христиане, придя в Среднюю Азию, передали язычникам науку воевать тысячелетней давности, при том, что там, откуда они пришли, эту науку хорошенько забыли!

Н. А. Морозов в первой половине XX века, отказавшись от традиционной версии полностью, выдвинул свою: версию «западного исхода» ига. В целом она менее противоречива, чем традиционная, но проблема в том, что имеется немало западноевропейских преданий о нашествии «тартаров» на саму Европу. К тому же его версия, как и традиционная, не обращает должного внимания на Византию: империя со столицей в Константинополе имела не только западную, европейскую часть, но и весьма протяженную часть восточную, в которую входили и Хорасан, и, вполне возможно, Самарканд и даже Китай. Мы сейчас вернемся к этому вопросу.

Еще одну версию предложили Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко. В соответствии с ней истоки «ига» нужно искать в России; это ее князья создали по всему миру орды, захватили Пекин и даже посадили на престол самого Папу Римского. Но у князя малоизвестного русского города Ростова Юрия Даниловича, тем более что и жил-то он во времена уже состоявшегося «ига», превратиться в повелителя половины мира было немногим больше шансов, чем у неграмотного кочевника из Монголии. И причины те же самые: отсутствие ресурсов, опыта государственности и идеологии.

А кто же из правивших тогда владык имел эти ресурсы, опыт и идеологию? Кто мог иметь «зуб» на крестоносцев-латинян, чтобы совершать набеги и на их земли? Кто мог привлечь на свою сторону Иран? Кто имел сильнейшее влияние на Россию?

Такой владыка был. Это лишенный латинянами константинопольского трона, бежавший в Никею византийский император. Для решения загадки нашествия надо обратить сугубое внимание на византийцев, оскорбленных крестоносцами, потерявших свою столицу, но не потерявших основных земель своей империи, включавшей в себя, вполне возможно, и Китай, и Индию. Византия организовала сопротивление, которое и названо теперь «татаро-монгольским» нашествием.

Была предложена новая версия: под именем Чингисхана скрывается действительный император Феодор I Ласкарис, а под именем хана Батыя — его зять Иоанн Дука Ватац[1].

Никейский император, как и «великий монгольский хан», мог привлечь ресурсы не только России и Украины, но также Турции, всей Центральной Азии и даже Китая. Граждане его империи так же, как и в империи «монголов», исповедовали разные религии, и среди них тоже были му-

[1] Эта версия впервые опубликована в книге А. М. Жабинского «Другая история искусства».

сульмане. Однако, в отличие от случая с незнамо как появившимся «великим властителем» из никому не ведомой Монголии, владыка из византийской династии, по представлениям того времени, ИМЕЛ ПРАВО на мировое господство.

Полагают, что никейская империя была слабым государственным образованием, зажатым между враждебными латинянами и турками. Даже иногда берут слово «империя» в кавычки. Но ответ императора этой «игрушечной империи» Иоанна Ватаца духовному владыке западного мира, папе Григорию IX, показывает, кто в доме хозяин:

«Хотя какая нам в том нужда знать, кто ты и каков твой престол? Если бы он был в облаках, то было бы нам нужно знакомство с метеорологией, с вихрями и громами. А так как он утвержден на земле и ни в чем не отличается от прочих архиерейских, то почему было бы недоступно всем его познание. Что от нашей нации исходит премудрость, правильно сказано. Но отчего умолчано, что вместе с царствующей премудростью и земное сие царство присоединено к нашей нации великим Константином? Кому же неизвестно, что его наследство перешло к нашему народу и мы его наследники».

Интересно, что в таком же стиле отвечает папе Иннокентию IV и хан Гуюк. Он мог это делать, только если представлял «власть от Бога», как это было в случае с византийскими императорами.

Надо понимать, что империя состояла из множества частей, фем, и название «Византия» закрепилось только за территорией вокруг столицы, так же, как название «Московия» применяется сейчас не ко всей России, и даже не к столице, а лишь к Московской области. Но власть императора, сиди он хоть в Царьграде, хоть в Никее или даже в Багдаде, простиралась на все эти фемы.

О временах Ласкариса и Ватаца в книге «История Византийской империи» содержится такое замечание:

«Турки-сельджуки... в сильной степени подверглись влиянию греческого мира... При Ласкаридах султаны Рума опирались на христианские полки».

Великая Ромея как мировая империя, можно предположить, присоединила Дальний Восток еще в XII веке. Причем известно, что китайцы того времени рассматривали династию Цзинь (Золотую) как иноземную и не прекращали борьбы против этих «римлян». Не исключено, что к 1230-м годам в империю Ласкариса входила и Монголия, а в вой-

ске Ватаца были монголы. По мнению Гумилева, их было 10% в войсках Чингисхана — и это как раз могло быть, если Монголия того времени была перенаселена. Правда, сам Чингисхан в этой версии перестает быть монголом, да и само название монголов следует отнести к разноплеменным жителям этих мест.

Тот же Гумилев сообщает:

«На Руси считалось, что существует лишь один царь — василевс в Константинополе. В Русской земле правили князья — самостоятельные властители, но вторые лица в иерархии государственности. После взятия крестоносцами Константинополя (1204) и крушения власти византийских императоров титулом «царь» на Руси стали величать ханов Золотой Орды».

Не проще ли предположить, что василевсы Константинопольские, уйдя от латинян на Восток, стали именоваться ханами? А на Руси их как звали царями, так и продолжали звать.

Об интересном факте можно прочесть у Г. В. Вернадского:

«В киевский период русскими еще не была тщательно выстроена теория монархии, поскольку русская политическая почва того времени сильно отличалась от византийской». А вот после монголо-татарского владычества «московские монархические теории... во многих отношениях отражали византийскую доктрину».

Это могло произойти, если византийскую доктрину принесло с собой византийское же владычество, только по названию — татаро-монгольское.

Империя «монгольских» ханов возникает, словно в ответ на захват крестоносцами Константинополя и появление Латинской империи, и распадается, когда после освобождения Константинополя от крестоносцев к власти в столице опять приходят византийцы.

Император Феодор I Ласкарис родился около 1175 года, до 1204 — деспот, с 1205 или 1206 — император никейский, умер в 1221 или 1222 году. Его зять Иоанн Дука Ватац родился около 1192 года, император никейский с 1221 или 1222, в 1224 или 1225 году разбил Алексея и Исаака Ласкарисов, в 1235 заключил союз с болгарским царем Иоанном II Асенем (Хасаном?). Для 1241 года мы имеем совпадение не только по имени (Ватац — Батый), но и по месту, ведь в один и тот же год по традиционной же версии и

Ватац и Батый находятся со своими армиями на Балканах, не мешая друг другу.

Батыеведы обычно не интересуются византийской историей. Эллинофилы не обращают внимания на монгольские походы. А в результате греко-иранские и монгольские войска, одновременно находясь в одном и том же месте «истории», не заметили друг друга!

В 1242 году (?) власть Ватаца признала Фессалоника, в 1252 — Эпир. Умер он в 1254 в Нимфее, когда судьба Латинской империи уже была предрешена. Почитается в Турции как святой.

Воспользовавшись случаем, укажем еще и параллель с эпохой Александра Македонского. Александр, как известно из сочинений историков, был большой философ, ученик Аристотеля. Царь Филипп («Любитель коней») постарался дать сыну всестороннее образование, нанимая для него лучших учителей. А вот что пишет о сыне Ватаца, Феодоре II Ласкарисе, Ф. Успенский:

> «Сыну своему Ватаци дал самое широкое философское образование под руководством Акрополита и лучших учителей... От природы Феодор получил блестящие способности, вкус к наукам привился легко, но развился он слишком рано, характер его с юности был надменный, насмешливый, увлекающийся и неуравновешенный...
>
> В личности Феодора преклонение перед наукой является органическим, служит краеугольным камнем миросозерцания... Учением Аристотеля проникнуты философские сочинения Феодора... Ссылаясь на учение Аристотеля о материи и форме (в трактате «Об общении природных сил»), Феодор развивает тезис, что образование для человека является тем же, чем форма — для материи. Образование — вторая, высшая природа человеческой личности...
>
> Ни в чем не выразилась его чувствительность так ярко, как в оставленных им церковных песнопениях. Таков его Канон Богородице: «Колесницегонителя Фараона погрузи...»

Вы только вдумайтесь! Православный византийский император XIII века пишет о фараонах, когда никаких фараонов с их колесницами в христианскую эпоху не было (если верить скалигеровской хронологии). Свою деятельность основывает на учении язычника Аристотеля. И кстати, Феодор II Ласкарис яро преследовал колдунов и прочих чародеев, столь наводнивших его земли; он заключал в темницу даже знатных людей, если появлялось подозрение, что они занимаются колдовством.

«Татаро-монголы» оттянули на себя слишком много внимания историков и читателей исторических сочинений. А Восточная Византия, наоборот, вниманием обделена. Случайно ли, что С. Дашков в своей книге «Императоры Византии» уделил Феодору II очень мало места?

Гипотеза о том, что Феодор I Ласкарис известен ныне как Чингисхан, а Ватац — как Батый, не хуже и не лучше других. В таком случае наша история приобретает следующий вид.

Отойдя в 1204 году в малоазиатскую часть Византийской империи — румский султанат, Феодор I Ласкарис с помощью немногочисленного, но хорошо вооруженного и обученного войска создал на землях Иконии военное государство: Никейскую («монгольскую») империю и обратился за помощью к союзнику Византии — Киевской Руси. Однако вслед за Египтом и Сирией юго-западная Русь проводила в то время политику независимости.

В 1223 году никейские войска перешли Кавказ, но были атакованы князьями Чернигова, Киева и Галича (возможно, их подговорили братья Ласкариса, перешедшие на сторону западных рыцарей). Греческие войска Ласкариса одержали победу, но потом были разбиты волжскими болгарами. Через десять лет преемник Ласкариса Иоанн III Дука Ватац (Батый) основал в низовьях Волги свою ставку. В 1235 году ему удалось взять г. Булгар.

Но что за «татарове» брали Рязань в 1237 году, а Владимир в 1238, осаждали Козельск, совершали прочие погромные деяния на русской земле? Возможно, это были войска того же Ватаца, но, возможно, прав Н. А. Морозов, предполагая, что это — деяния Ордена Святого креста, стоявшего в это же время в Татрах и получивших по месту своего нахождения название татарове, то есть татаровцы, жители страны Татар, Татр. Если так, то орденское (ордынское) войско, состоящее из разноплеменных кочевников и западных славян, с командирами из числа рыцарей-крестоносцев, подошло к границе Рязанского княжества, и при отказе князей Рязани и Владимира подчиниться последовал штурм и перемена власти.

В такой истории татарами оказываются западные крестоносцы, а монголами — или моголами, то есть *Великими* — византийцы. В первой половине XIII века «монгол» Ватац-Батый, имея своей главной целью борьбу с европейскими

крестоносцами, двинулся через Киев на Европу. Возможны и дополнительные толкования: поскольку в Европе шло противостояние Папы Римского и императора Священной Римской империи Фридриха II, то «татарами» могут оказаться войска кочевников, нанятых папой для разгрома сторонников императора.

В это время какой-либо из представителей династии Ласкарисов (известный нам как Угэдэй) утвердился в Хорасане, создав государство хулагуидов со столицей в Харахорине — Тегеране. Если отождествить эту столицу с «монгольским» Каракорумом, становятся достоверными легенды о поездках русских князей из Сарая-на-Волге в этот Кара-ко-РУМ: ведь Тегеран значительно ближе, чем неизвестно куда девшийся городок на реке Аргун в Забайкалье.

Г. В. Вернадский так и пишет: «Никейская империя традиционно находилась в дружеских отношениях с монголами в Иране». Нам представляется важным, что сохранившиеся документы «монголов», в частности письма ханов римским папам, написаны на персидском языке. Речь скорее всего следует вести не о дружеских отношениях Никеи с Ираном (и Турцией), а о государственном союзе и общей политике.

Естественно, правящие династии разных стран этого региона роднились между собой, а самой высокой из них была династия ромейских (византийских) императоров. К тому же, оказавшись в новом религиозно-политическом окружении, члены ромейской династии, оставшиеся на востоке империи после 1261 года, из политических причин без тени сомнения могли отойти от православия и стать правоверными мусульманами. Они, конечно, хорошо помнили, что именно заигрывание христиан восточных с христианами западного толка привело к крестовым войнам и неисчислимым бедствиям на их земле.

Понимая это, можно легко понять и ту уверенность турецких султанов, с которой они, после захвата в 1453 Константинопольского престола, объявляли себя наследниками Византии: правоверные члены правящей верхушки империи, скрывавшиеся «в тени» в качестве региональных руководителей, совершили государственный переворот.

М. М. Постников пишет:

«На самом деле это «завоевание» (Константинополя турками.— *Авт.*) было, судя по всему, довольно спокойным «верхушечным»

переворотом, мало затронувшим массы. Пришедшие османы просто сбросили правящую верхушку и сами сели на ее место.

...Надо полагать, что современные турки — это потомки средневековых ромеев, перешедших в мусульманство и воспринявших вместе с религией язык своих господ, подобно тому, как современные греки — это потомки тех же ромеев, но оставшихся верными христианству и родному языку».

Причины событий были сложными. Здесь смешались и экономика, и политика, и религия. Турки могли бы взять Константинополь полувеком раньше, но это помешало бы международной торговле, которую в основном держали венецианцы и генуэзцы. Ведь через территорию Малой и Передней Азии пролегали трассы Великого шелкового пути. И что же? В 1402 году пришел Тимур из Самарканда и навел порядок в «монгольском» мире. Ведь турецкие эмиры тоже имели монгольские, а на самом деле византийские ярлыки! Так Тимур не только спас Константинополь, но и защитил интересы европейских торговцев.

А к 1453 году уже вовсю развилась морская торговля, корабли европейцев бороздили океаны, и это было стократно выгоднее торговли сухопутной. Константинополь как ворота в Азию потерял свое значение, и за его спасение некому было платить. В итоге на его защиту, кроме местных латинян, по призыву папы отправились войска лишь Польши и Венгрии, причем за свой счет.

Причины войн и многих других исторических событий надо искать в экономике, в международной торговле.

Что происходило 200—300 лет назад, полностью зависит в нашем сознании от интерпретации историка. Документы одного и того же времени, как правило, противоречат друг другу. Достаточно было поверить лишь одной стороне и объявить о «турецком завоевании», как сразу на этом мнении выстроилась историческая традиция, опровергнуть которую практически невозможно. Если же речь идет о еще более давних событиях, то разобраться тем более трудно.

XIII век сейчас представляют как время бандитов (пришли то ли татары, то ли монголы грабить русских), а на самом деле — это рассказ о борьбе Византии и Западной Европы за политическую и духовную власть над миром. Традиционная версия, выводящая «татар» из «Монголии», возобладала, поскольку была востребована определенными

кругами и европейского, и российского общества, потому что была полезна им на тот момент.

Затем появилась версия Н. А. Морозова о западном происхождении татаро-монголов, версия, поддержанная С. И. Валянским и нами. Но она недооценивает политическое значение византийских императоров во весь этот период.

И это, конечно, должно быть исправлено.

Военная тактика «мусульман»

Из книги С. Лучицкой «Образ другого» следует, что в хрониках Крестовых походов мусульмане нигде НИ РАЗУ не названы мусульманами или магометанами. Средневековые писатели употребляют термины gentiles (язычники), pagani (опять же язычники, не христиане), infideles (неверные), perfidi (вероломные). Почти все эти термины могут быть применены и к античным язычникам, и к схизматикам, и просто к врагам. В русских летописях точно так же НИ РАЗУ не появляется слово «монгол», а пришельцев чаще всего зовут *поганые* (pagani), *тартары* (tartari, адские люди) или *татарове* (жители страны Татр).

В предыдущей главе мы писали, что европейцы обнаружили среди своих врагов и кочевников, и войска, применяющие «греческий огонь». Они увидели «диких язычников», но и воинов, использующих сконструированные искусными инженерами военные машины. Удивительно ли, что единый образ врага в интерпретации историка распался на многие составляющие. Это араб и турок, это античный грек, поклоняющийся украшенным золотом и драгоценными камньями идолам Юпитера и Аполлона, и монгол, кочующий со стадами быков и овец, живущий в юрте... То, что перед нами — одновременно и языческая «античность», и эпоха арабских завоеваний, и времена Крестовых походов и Монгольской империи,— в рамках жестко заданной схемы остается незамеченным.

Эпохи накладываются друг на друга. Мы неоднократно писали об этом, и анализ хроник Средневековья подтверждает наши выводы. Надо только понимать, что каждый хронист повествует лишь о части правды. Он пишет в меру

своего разумения и в тех терминах, к которым привык. Затем «первичные» историки вроде Фукидида обобщали разнообразные сведения о своей эпохе, «подгоняли» терминологию под свой шаблон, а история представала как бы в другом свете.

Историки скалигеровской школы понять этого просто не в состоянии. Они давно уже выработали «свою» терминологию и выстроили «свою» историю из собственных догадок и словечек. «Татаро-монголы» — хотя такого этноса нет и не существовало никогда. «Древняя Греция» — но не было такой страны ни на каких картах. И карт не было. «Мусульмане» — хотя ни о каких мусульманах очевидцы событий не пишут. Трудно поверить, но С. Лучицкая — ученый, специалист по хроникам той эпохи, причем специалист серьезный и обстоятельный, насколько можно судить по ее книге,— сообщив, какие слова употреблялись хронистами вместо слова «мусульмане», тут же утверждает, что «описание... вооружения **мусульманских** воинов занимает немалое место в хрониках...» Схема сама диктует историку, что писать!

Представьте себе, что вы — офицер, и вас назначают командовать полком, ведущим боевые действия. Но когда вы отбываете к месту дислокации полка, вам дают карты местности, где стоит совсем другой полк, список личного состава третьего полка, и донесения разведки вообще другой войны. Приехав на место, вы обнаруживаете не французских уланов, а немецких танкистов и прочие удивительные вещи. И вот, вы отсылаете реляцию в генштаб: дескать, все здесь говорят по-немецки, вместо костелов кирхи, и ружья кирпичом не чистят. Однако, оставаясь в рамках данной схемы, вынуждены сообщать далее, что французы ведут сильный пулеметный обстрел с редутов, а маршал Ней наслал на вас авиацию. Вот такая история.

Но вернемся к ближневосточным событиям XII века.

Итак, способам ведения войны и вооружению противника в хрониках европейских очевидцев уделено немало места. Хронистов поражает умение азиатов выпускать «дождь стрел» и избегать прямых столкновений. Гвиберт Ножанский сообщает:

«Нашим же (европейцам) по опыту неизвестна была такая живость в верховой езде и такая поразительная ловкость в умении избегать наших натисков и атак, особенно потому, что наши не имели обыкновения пускать стрелы или же сражаться во время бегства».

И Роберт Монах, и Фульхерий Шартрский, и Тудебод говорят о луке и стрелах как наиболее распространенном оружии азиатских воинов, а также об их резвых боевых лошадях.

А мы скажем, что точно так же и «древние» авторы — Геродот, Ксенофонт — противопоставляли «своих» тяжеловооруженных воинов «чужим» всадникам и стрелкам из лука, кочевникам, которых они рассматривали как варваров.

«Арабы или сарацины уже с давних пор принадлежали к варварам-всадникам, которых римляне брали к себе на службу и из которых формировали свою кавалерию»,— говорит историк Ганс Дельбрюк. А ведь самого слова «араб» не было как минимум до VII века н. э. То есть крестоносец XII—XIV веков мог написать слово «араб», а «традиционный» римлянин — нет. Хотя в «древнеримских» трудах оно иногда попадается, в качестве анахронизма.

Сарацины часто были вооружены пращами, а также имели щиты иной, нежели у христиан, формы. Примечательно, что европейцы изображают всадниками турок, а арабов и эфиопов — преимущественно пехотинцами, сражающимися копьями. Рауль Канский так описывает победу крестоносцев: «В тот момент уже ни араб копью, ни турок луку не могут доверять».

Раймунд Ажильский и другие хронисты заявляют, что сарацины вообще не имеют обыкновения сражаться мечом. Крестоносцы же почти не использовали лук, редко сражались копьем, а в основном махали мечами. У Роберта Монаха никейский султан Кылыч-Арслан говорит о христианах — тоже, кстати, не называя их христианами: «Все прочие народы опасаются наших луков и боятся наших стрел, но эти (франки), поскольку покрыты броней, боятся наших луков не больше, чем соломы, а наших стрел — не больше, чем палицы».

Француз Амбруаз, о турках: «Они называют нас «людьми железа», так как у нас есть оружие, защищающее наших людей, а турки взваливают на спины свои стрелы и атакуют нас своей массой».

Раймунд Ажильский: «Турки же или арабы, как увидели, что уже не стрелами в дальнем бою, а мечами в ближнем бою надо сражаться, обратились в бегство».

Как правило, историки не замечают всей степени преувеличения, свойственной хронистам как при указании численности сражавшихся и погибших, так и в описании различий в тактике у сарацин и франков. Смысл европей-

ских рассказов в том, что рыцари — честные воины и сражаются в открытом бою, а сарацины стараются избежать боя, проявляя трусость или хитрость. Из хроник можно сделать вывод, что франки (европейцы) все время преследуют сарацин (азиатов), но никогда не настигают их. Затем хитрые азиаты, меняя коней, возвращаются к уставшим франкам и уничтожают их. Они «окружают нас, уповая на свою многочисленность, таков способ сражаться у сарацин»,— говорит Бодри Дейльский. Петр Тудебод пишет, что сарацины приканчивают раненых, «жестоко рубя головы мечом». Так что мечи у них все-таки были.

И Фульхерий пишет, что сарацины постоянно прибегают к коварству и различного рода уловкам. То стремятся пустить стрелу в спину храброму воину, то убить коня под ним. Подлые и вероломные, пишет Гвиберт Ножанский, «они имеют обыкновение, отрубив головы противникам, забирать их в знак победы и выставлять напоказ».

Авторы хроник XII—XIII веков все же признают воинственность и смелость азиатских воинов. Бодри Дейльский именует их всех «мужами даровитыми, хитрыми и воинственными, но — о, горе! — далекими от Бога», а Альберт Аахенский называет турок «мужами-воинами, прославившимися в военном искусстве».

Основой противостоящих европейцам войск была тяжелая кавалерия, сражавшаяся в плотном строю, как говорят, на византийский манер. А она и была византийской, хотя чаще такую кавалерию называют турецкой. Легкую же кавалерию составляли отряды народов, подчиненных султану или находящихся с ним в союзе: арабов, бедуинов, сербов, валахов, татар, персов. Этим же отличались и монгольские войска: наличием легкой конницы при отрядах тяжело вооруженных всадников.

А различия в тактике ведения боя между разнообразными местными войсками и европейцами сводились к следующему: первые применяли сложные тактически приемы — ложное отступление и заманивание противника; а вторые — европейцы, действовали прямолинейно и неосмотрительно. То же самое мы видим и в случае с «монголами». Плано Карпини писал о принятом у них притворном отступлении и о том, что начальники их «стоят вдали против войска врагов». Эту же тактику историки находят, говоря о византийцах:

«Сила византийской конницы была в ее универсальности. Она могла использоваться для таранного удара или врассыпную. Все кавалеристы (кроме «контосеров») владели луком и, в случае неудачной атаки, тяжелая конница, рассыпавшись, могла применить это оружие... Собственно, иначе и быть не могло, потому что границы государства (Византии) окружали народы скотоводов, воины которых в первую очередь в бою применяли луки. Чтобы научить этому искусству своих конников, по приказу Юстиниана было даже выпущено специальное пособие: «Руководство для стрельбы из лука».

Для порядка отметим, что Юстиниана традиционная история относит к V веку н. э., который лежит на той же линии № 4 нашей синусоиды, что и «крестоносный» XII век и, кстати, IV век до н. э., время Александра Македонского.

Вот мнения разных специалистов.

Д. Зенин (в статье «Реабилитация Чингисханова воинства»):

«Вооруженные силы, имевшиеся в распоряжении Чингисхана, состояли из национальной знати — рыцарей — и феодально-зависимой легкой конницы — лучников».

Б. Лиддел-Гарт («Энциклопедия военного искусства») сообщает, что основой византийской армии во времена Юстиниана была тяжелая конница, вооруженная луками и пиками. Ее поддерживала легкая конница, состоящая из лучников.

Г. Брикс пишет:

«Когда Александр по возвращении из индийского похода задумал слияние народа и войска македонского и персидского, он из последнего зачислил в гетеры (тяжелая конница) некоторое количество юношей... и вследствие этого образовалась 5-я гиппархия. Она хотя и не состояла вся из варваров, но тем не менее таковые были в корпусе гетеров... С завоеванием Персии многие ей подвластные или платившие ей дань племена перешли под власть Македонии, и потому в войске Александра появились всадники (легкая кавалерия): арахозские или паропамизские, бактерийские, согдианские, скифские, дрангийские, арийские и парфянские, а по временам даже и индийские».

Говоря привычным нам языком, войска Александра, в параллель и войскам Чингисхана, и войскам Ласкарисов, были многонациональными. К тому же от племенной принадлежности воина зависело и деление конницы на тяжелую и легкую. И пехота была во всех случаях.

Обученные китайцами монголы в XIII веке, как это ни удивительно для историков-ортодоксов, воюют совершенно по-византийски:

«Конный бой начинался, только когда вражеские воины и их кони уже были сильно ослаблены стрелами. Тогда монгольские лавы следовали одна за другой, поражая противников копьями и саблями. Вначале атаку производили средневооруженные конники. Завершался бой атакой ударных подразделений тяжеловооруженной конницы, которая направлялась в наиболее слабые места во вражеских боевых порядках. Если все же с первого раза не удавалось рассеять противника, атаку возобновляли, и действовали так до тех пор, пока враг не дрогнет».

Это пишет В. Тараторин, и тут же пытается исправить впечатление от своих же слов: и вооружены-то монголы не так, как европейцы, и столкновение с рыцарями не выдерживают. Все это естественное желание традиционного историка показать *инаковость:* отличить монгола от турка, турка от араба, араба от византийца, а последнего — от европейского рыцаря.

А Франко Кардини приводит данные, которые позволяют увидеть прямую параллель между тактикой древних парфянцев и тактикой как монголов, так и византийцев. Хотя расцвет Парфянского царства, существовавшего якобы на юго-восток от Каспийского моря, пришелся на I век до нашей эры, его военные достижения известны римлянам III века н. э.— и то и другое находится на одной и той же линии веков (если смотреть по «римской» волне синусоиды):

«Конечно, ударные отряды иранской кавалерии не были вообще непобедимыми, вернее сказать — были непобедимыми при определенных условиях и на определенной местности. Так, в ходе кампании 271 г. знаменитые пальмирские клибанарии были разбиты римской легкой кавалерией, состоявшей из мавров и далматинцев, которые пустили в ход старую парфянскую военную хитрость: сначала притворное бегство, затем неожиданная атака на утомленного преследованием противника».

В нашей версии эти «римляне» — просто ромейские (византийские, то есть никейские или турецкие) войска Ласкаридов, подчиняющих себе Иран и прочие страны региона. И до XIII века византийским императорам приходилось усмирять подвластные земли, а уж тем более, когда они оказались в изгнании. Выбитые в 1204 году франками из Константинополя = Рима на Восток, они вынуждены

были организовывать сопротивление западным европейцам, а для этого — объединять силы.

Интересно, что Феодор I Ласкарис, дабы подчинить себе Турцию, пошел на поединок с турецким султаном, и убил его (султана подзуживал тесть Феодора, бывший император Алексей III Ангел, которого Феодор впоследствии отправил в монастырь). Причем третьей женой Феодора стала сестра латинского императора Генриха I, а свою дочь он сосватал за императора Роберта.

Представление о том, что западные страны, все как одна, вели борьбу с турками («мусульманами»), а Византия была форпостом этой борьбы в Азии — непростительное упрощение. Бывало, что европейцы дрались на этих землях между собой, а греки входили в союз с «мусульманами». В XIII веке Фридрих II Гогенштауфен проводил в Италии провизантийскую («промонгольскую») политику. А в XV веке, по словам Я. Буркхардта, не было ни одного итальянского государства, которое не заключало бы военный союз с Турцией против другого или других.

Но самое поразительное, что многие хронисты считают турок и франков одним народом, ведь и те и другие имеют троянское происхождение. И тут мы понимаем, что Крестовыми походами названы впоследствии гражданские войны династического свойства, с участием представителей всех племен некогда единой Византийской (Ромейской, Римской) империи. Религиозного начала в них было мало. Так, писатель XII века Ришар Пуатевинский рассказывает о том, что пророк Мухаммад был изгнан из христианской земли, и его «неверный народ удалился от нас и равным образом от Римской империи и христианской веры». А некоторые авторы вообще называют Мухаммада римским кардиналом, отлученным за ересь от римской церкви.

Религиозную подоплеку вносят в историю сами историки! Ни один хронист не называет местных жителей мусульманами, зато многие отмечают их идолопоклонство. Между тем в книге С. Лучицкой слово «мусульмане» встречается столь часто, что у читателя невольно складывается неверное представление о всей эпохе. А заодно историк выражает недоверие тем сообщениям очевидцев, которые противоречат ее «схеме», например, о статуях Мухаммаду, которые они видели в «мусульманских» странах. Вот как она пишет (выделено нами):

«Если хронисты начала XII в. рассказывают об идолопоклонстве **мусульман** и описывают статуи Мухаммада в храмах, то Гийом не рисует такие **фантастические** картины... **Поразительно**, что и намного позже, в конце XIII в., известный паломник Одорико де Форо рассказывал о том, что находившийся на священной горе Мория храм Куббат-ас-Сахра был предметом особого почитания у **мусульман** именно потому, что там **якобы** можно было увидеть нарисованное изображение Мухаммада... Если Гийом не рассматривает **мусульман** как идолопоклонников, то немецкий автор Оливер Кельнский (1170—1227) даже осознает, что **мусульмане** могут приписать идолопоклонство христианам... Еще дальше идет францисканский монах Фиденций Падуанский (1266—1291): он хорошо знает о том, что у **мусульман** запрещены изображения пророка и вообще людей; по его словам, **мусульмане**, упрекая христиан в идолопоклонстве, имеют в виду почитание ими Троицы (что есть многобожие.— *Авт.*)».

Историку приходится делать вывод, что Фиденций — самый «правильный» свидетель в вопросах веры. А Одорико не демонстрирует тонкостей знания ислама. В вопросах же военной тактики у историка нет шпаргалки, поэтому в книге о крестовых войнах то и дело мелькают противопоставления типа «эллины — варвары» и «римляне — варвары». Разумеется, С. Лучицкая далека от того, чтобы осознать: эллины, римляне и византийцы — одно и то же.

Параллели с «древностью»

Описания античных сражений, кочующие из учебника в учебник (в частности, приведенные Е. А. Разиным в «Истории военного искусства»), опираются на античные же источники, то есть сочинения античных писателей. А о них Ганс Дельбрюк высказал такое мнение:

«Эти писатели вовсе не стремятся рассказывать о том, что было на самом деле или что данные события развертывались именно так, как это они хотят изобразить, заставив читателя верить их рассказу, но они прежде всего стремятся к тому, чтобы своим ораторским искусством произвести на читателя определенное впечатление... Объективно недостоверно не только то, о чем эти источники говорят самым определенным образом, но еще более недостоверны те выводы, которые извлекаются из их описаний, так как сами авторы, создавшие эти описания и

эти ассоциации мыслей, не смотрели на них как на объективные картины реальной действительности».

Итак, историк говорит: очевидцы древних событий описывали не то, что было в действительности, а выводы исследователей этих текстов — наших современников, и вовсе недостоверны. Короче, все было совсем не так, как на самом деле. При этом Дельбрюк остается в уверенности, что античные писатели жили до нашей эры. Мы же в дополнение к его сомнениям в верности понимания текстов историками утверждаем, что жизнь писателей и описанных ими войн неправильно хронологизирована, а войны зачастую и неправильно локализованы.

Теперь обратимся к книге С. Лучицкой «Образ другого». Книга имеет подзаголовок «Мусульмане в хрониках Крестовых походов».

Читаем:

«...В какой мере созданный хронистами образ мусульман отвечает действительности, как отделить фантастические элементы от реальных деталей? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны были бы сопоставить то, что говорится в тексте, с тем, что известно — по другим источникам, сообщающим «достоверные» сведения о «реальных» мусульманах. Такой метод ... представляется вполне оправданным. Выявляя «зазоры» между исторической действительностью и фантазиями хронистов, мы могли бы выяснить, в какой мере хроники передают не только вымысел, но и реальность, а значит, разрешить вопрос о том, какую роль играет историческая реальность в повествовании хронистов, что субъективного привносят они в свое изложение».

В целом задача поставлена правильно, однако мы видим здесь, что, по мнению С. Лучицкой, историкам известна «реальность» прошлого. На самом-то деле известна лишь,— и об этом можно говорить уверенно,— только некая СХЕМА исторического развития, разработанная разрозненными мыслителями XVI—XX веков. И взявшись «разделять» реальность и вымысел в текстах европейских хронистов XII—XIII веков, С. Лучицкая просто проверяет их на соответствие схеме. А в схеме есть античность (до н. э.), населенная греками и варварами, и средневековый мир, населенный христианами и мусульманами.

Никем не доказано, что если хронист XII века пишет «варвар», то он имеет в виду непременно мусульманина. Однако читаем у С. Лучицкой:

«Мусульмане не случайно называются варварами. Этот термин существовал еще в античной традиции. Для греков варвары — народы, не занимающиеся земледелием и не имеющие городов. В хрониках термин чаще всего употребляется в оппозиции «варвар-латинянин». Гвиберт Ножанский придает этому термину еще более точный смысл: для него barbarae nationes — те, кто отличаются от латинян, франков по своему языку и своим обычаям».

Такой «точный смысл» совершенно точно ведет к признанию варварами даже христиан: например, греков и армян, которые отличаются от латинян по своему языку и своим обычаям.

Далее анализ средневековых хроник приводит историка к выводу, что из всех варваров своим числом и исключительной ролью выделяются турки, арабы и сарацины. Что это за нация такая, сарацины? По мнению европейских теологов, это искусственный термин для обозначения врагов христиан, произошедших от Агари, египетской наложницы Авраама. В таком случае, сарацины — не отдельный народ, к их числу относятся и турки, и арабы, а называться они должны агарянами (как предлагал Матвей Парижский). Но вот воины Христа в своих записках называют кого-то, помимо турок и арабов, сарацинами, от имени законной жены патриарха — Сары, от которой, по мнению тех же теологов, произошли... христиане. Может, в некоторых случаях под именем сарацинов скрываются греки,— тогда хотя бы понятно, почему они находятся в одной компании с турками и арабами, противостоящими «не варварам» — латинянам.

Итак, терминологический и теологический анализ не позволяют определиться с этнической картой ближневосточного региона времен крестовых войн. Однако мы видим, что хронисты не всегда ограничивались обзываниями своих врагов «неверными» или «вероломными», они записывали и названия народов! Что же это за названия, помимо турок, арабов и сарацинов? Вот они в той последовательности, как изложено в книге «Образ другого»: ливийцы, ассирийцы, индийцы, финикийцы и даже эламиты. В хрониках встречаются также персы, мидяне, халдеи.

Разумеется, упоминание «древних» народов наряду с «реально», по мнению С. Лучицкой, существовавшими есть факт если не прямой фантазии, то заблуждений хрониста. «Рисуемая хронистами этническая карта Ближнего Востока основана на

произвольных сведениях античных историков, например Помпея Трога»,— пишет она. Так и должно быть, если оставаться в рамках заранее заданной схемы.

Однако предположим, что кто-то из хронистов и в самом деле нашел древнюю рукопись Помпея Трога и прочел в ней о жившем когда-то народе,— например, «финикийцах», то есть жителях страны Финикии, которая уже в VI веке до н. э. была ликвидирована, будучи завоеванной персами. А позже ее добил Александр Македонский. Где эта страна находилась, и кто из «варваров», отличающихся от хрониста по своему языку и своим обычаям, наследник тех финикийцев, не может знать ни хронист, ни сами варвары. Ведь согласно традиционной истории, с тех пор прошло ПОЛТОРЫ ТЫСЯЧИ ЛЕТ![1] И вдруг этот хронист пишет в своей средневековой летописи, что вот бродят здесь финикийцы... эламиты... другие всякие народы. А ведь он хочет, чтобы читатель его понимал, иначе и читать-то никто не станет!

Он так жаждет понимания, что зачастую пытается пояснить, что имеет в виду. Вот что получилось у Гвиберта Ножанского:

«Парфяне, которых мы неверно называем турками».

Парфяне, как утверждают историки, до II века проживали в Иране, Персии «по-старому». Так случайно ли, что Папа Римский в своей речи на Клермонском соборе говорил: «Турки, народ персидский»?

С. Лучицкая вынуждена писать: «Под турками хронисты подразумевали сельджуков, завоевавших Малую Азию и Палестину».

И дальше: «Под термином «персы» подразумеваются те же турки-сельджуки».

И еще дальше: «Этническая карта Ближнего Востока, которую чертят хронисты, ничем не отличается от античной. Древние наименования (такие как «парфяне, «мидяне» и пр.) употребляются для обозначения мусульман. **Опisывая мусульман Ближнего Востока, хронисты на самом деле излагают античную историю**».

---

[1] В московском метро нам однажды посчастливилось увидеть рекламное объявление: «Иностранная компания, использующая многотысячелетний опыт в новейших высокоэффективных разработках, приглашает...» и так далее. Нам почему-то кажется, что текст листовки составлял историк.

А теперь вспомним: несколько страниц назад выяснилось, что средневековые хронисты, описывая систему верований тех же «мусульман», «на самом деле» излагали систему верований античных греков... Разве не так?

Рауль Канский и другие сообщают о колоссальной статуе Мухаммада; искусствовед К. Муратова отмечает совпадение этих описаний с античным «идолом» — изображением Юпитера Капитолийского. В героических песнях нередко говорится, что в городе Кадисе вплоть до середины XII века стояла огромная статуя Геркулеса. Песня «Фьерабрас» повествует, как французские рыцари Ролан, Ожье и Оливье обнаружили роскошные, покрытые золотом статуи богов Тервагана, Аполлена и Марго. И так далее, и так далее, и так далее.

На этой же линии веков № 3—4, но на 2-м траке, в «домусульманский» период, в Царьграде тоже были античные статуи:

«Христодор уже на грани V и VI вв. составил поэтическое описание... античных статуй, стоявших в одном из общественных зданий Константинополя».

Это — V—VI столетия, и наличие памятников не удивляет ни нас, ни историков-ортодоксов. Но ведь по сообщениям крестоносцев, они видели подобные статуи Юпитера, или императора Адриана в образе Юпитера в храмах Палестины и в других местах существенно позже, когда их вроде бы и не должно здесь быть! Фулькерий Шартрский, посетивший Константинополь в XII веке, восклицает: «Какие чудные статуи на площадях и улицах», и амьенский рыцарь Роберт де Клари вторит ему:

«Повсюду стояли конные статуи императоров, сделанные из бронзы. На spina ипподрома стояли статуи мужчин, женщин, лошадей, быков, верблюдов, медведей, львов и всяких других зверей — все из меди, сделанные так хорошо и естественно, что ни в языческих, ни в христианских странах не найдется мастера, который мог бы лучше воспроизводить образы... Вот Беллефон верхом на раскрывшем крылья Пегасе; вот Геркулес великого ваятеля Лизимаха в своей львиной шкуре... вот сфинксы с берегов Нила...»

Неужели это те же самые памятники, которые стояли здесь в V—VI веках? Или они сохранились от веков «до н. э.»? Но они же должны были разрушиться от старости или пострадать от войн или религиозных фанатиков! Почти полтора столетия (с небольшими перерывами) здесь

шла гражданская война 726—843 годов, названная эпохой иконоборческих войн. Неужели памятники, установленные еще за тысячу лет до этого, устояли?

Наконец, их давным-давно сбросили бы на землю землетрясения. Летописцы зафиксировали опустошительные землетрясения в 438, 450, 525, 528 (29 ноября), 536, 554 (16 августа), 557 (7 октября), 558 (14 декабря), 582, а в 599—600 годах в сопровождении эпидемии чумы. Это, конечно, даты традиционной истории. Были землетрясения и в VIII веке,— одно произошло незадолго до кончины императора Льва III Исаврийца, и в IX веке они были, а в 989 году почва колебалась столь сильно, что частично обрушился даже храм Св. Софии.

Сами же историки уверяют, что между 404 и 960 годами только Константинополь пережил 18 тяжелейших землетрясений. На периферии империи они также вели к гибели материальных ценностей. А потому, если в XI—XII столетиях европейские крестоносцы обнаруживают на этих землях античные статуи, то, очевидно, их должны были установить ПОСЛЕ землетрясений!

Историкам следует принять тяжелое решение. Если средневековые крестоносцы в своих записях описывают не крестовые войны, а античность, то придется делать выбор. **Или** 1) о *так называемых* крестовых войнах нет в действительности ровным счетом НИКАКИХ данных, и нужно выкинуть всю эту эпоху из истории, **или** 2) крестоносная эпоха — это и есть античность, а хронология требует серьезной реконструкции.

Повторим изумительную фразу С. Лучицкой:

«...Хронисты на самом деле излагают античную историю».

Новой хронологии пока еще нет. Ее только предстоит создавать. Но мы, в соответствии с любым из двух выше означенных пунктов, получаем возможность заявить, что войны турок с монголами конца XIII—XIV веков — это и есть знаменитые римско-парфянские войны I века до н. э. Трудно с ходу разобраться, кто скрывается в «древней истории» под именем римлян (так же, как кто в истории средневековой скрывается под именем варваров). Это могут быть воины императора, занимающего Константинопольский (Царьградский) престол, или никейского императора, или бойцы, прибывшие из Южной Италии, до середины XV века входившей в состав Византийской империи. Это могут быть

и войска турецкого султана, императора Румской (Римской) империи. Почему нет?

Судить о ходе событий,— о направлении, так сказать, процесса,— можно отнюдь не только на основе фраз типа «Парфяне, которых мы неверно называем турками» или «Турки — народ персидский». Это направление показывает нам анализ стилей искусства и литературы, то есть сравнение описаний, в том числе войн, а также и анализ применяемой в войнах тактики и стратегии.

В истории древних парфян знаменито сражение с римлянами в 53 году до н. э. при Каррах. Место боя историки установили недалеко от Эдессы (Урфы). Возможно, археологи нашли там наконечники стрел и решили, что это и есть Карры; ведь каждому из них хочется найти место, упомянутое в древней истории.

Если приложить к этому сражению нашу синусоиду («римской» волны), то дата ляжет на линию № 5, это XIII век. А на северо-востоке Турции есть город Карин, расположенный у истоков Евфрата. В XIII веке здесь, как и по другую сторону реки, проходили бои между турками и монголами (а где они не проходили?). Ф. И. Успенский, основываясь на средневековых текстах, описывает их так:

«Чормагун с 4 туманами вторгся в Армению и Грузию, взял богатый Гандзах (Елисаветполь)... Преемником ему был назначен его сотрудник Бачу, начавший с разорения Карина (Эрзерум). Теперь не могло быть и речи о греческом влиянии на Кавказе... Могущественного Ала ад-дина Кейкубада сменил слабый преемник Гиас ад-дин Кейхозрев (1236—1245 или 1238—1246), вместо войн и управления возлюбивший магию, редкостных зверей, вино и женщин. Его покинули лучшие полки, и, когда приблизились монголы Бачу, [то] подчиненные Конии (то есть Турции.— *Авт.*) государи — между ними и трапезундский — заняли выжидательное положение. В окрестностях Сиваса (Севастии) Кейхозрев разбит был наголову монголами (1244) и бежал к греческому никейскому царю Иоанну Ватаци».

Нет, мы не утверждаем, что эта битва и парфяно-римское сражение — одно и то же, несмотря на схожесть географических названий (Карры — Карин, Сивас — Сиваш или, например, Севастия — Севастополь). Нам важно показать вам, насколько трудно разобраться в средневековой картине,— каждый «государь» воюет за кого хочет, а точнее только за себя,— кто из них за греков? кто за турок? — в отличие от античной древности, в которой все ясно и понят-

но. Чтобы объяснить средневековые сложности, историки придумали термин «феодальная раздробленность», а до феодализма — что, разве раздробленности не было? Каждый знал своего хозяина и отличался высокой дисциплиной?

Вот теперь перейдем к сражению парфян с римлянами при Каррах (53 год до н. э.), по книге Е. А. Разина. В этом случае автор описания берет за образец «древнее» сообщение. Казалось бы, чем раньше происходило событие, тем беднее должен быть язык, тем меньше деталей. В конце-то концов, и писать особо размашисто было не на чем, за отсутствием даже бумаги. Но нет:

«Парфяне накапливали свои силы и в то же время, искусно маневрируя специально выделенными отрядами, изнуряли римлян и заманивали их в пустыню, где могли использовать своих конных лучников. Когда римские легионы подходили к реке Баллис, южнее Карры, парфяне перешли в контрнаступление. Сурен правильно оценил обстановку и хорошо использовал время для подготовки контрнаступления. Момент для перехода в контрнаступление он также выбрал удачно — начал его тогда, когда римская армия была изнурена длительным переходом по безводной пустыне и морально подавлена неясностью обстановки...

Парфяне завязали бой, применив незнакомую римлянам тактику.

Первый этап боя — уничтожение парфянами римского отряда разведчиков, построение Крассом боевого порядка и уклонение парфян от общего боя.

Первые сведения о переходе парфян в контрнаступление Красс получил от своих разведчиков, спасшихся бегством после того, как их отряд был окружен и почти полностью уничтожен противником. «Вслед за этим он построил свое войско двойным фронтом в глубокое каре, причем с каждого из боков его выставил по двенадцати когорт, а каждой когорте придал по отряду всадников, дабы ни одна из частей войска не осталась без прикрытия конницей» (Плутарх. Марк Красс, 23). Командовать одним из флангов Красс поручил Кассию, другим — своему сыну, а сам стал в центре. Подойдя к реке Баллис, Красс отдал приказ, чтобы воины утоляли жажду и голод, не покидая строя. Но затем он двинул свое войско вперед, даже не дав закончить обед, шел быстро и безостановочно до тех пор, пока не увидел неприятеля. Войска противника показались римлянам не многочисленными и не грозными, так как Сурен прикрыл свои главные силы передовыми отрядами.

Когда парфяне приблизились, римляне увидели перед собой большое количество всадников в шлемах и латах из железа; лошади у них также были в железных и медных латах. Парфяне попытались было с

копьями ворваться в ряды римлян, но получили отпор и отступили. Вскоре, однако, они окружили каре римлян, действуя в рассыпном строю своими тугими большими луками и поражая противника почти не целясь, так как неподвижное каре представляло собой огромную мишень. Красс приказал своим легко вооруженным пехотинцам разорвать кольцо окружения. Однако их атака была отражена парфянскими лучниками. Тогда Красс приказал легионам перейти в наступление, но парфяне не принимали удара и отступали, не переставая обстреливать римлян. Красс надеялся вначале, что парфяне израсходуют свои стрелы; но вскоре увидел, что лучники с пустыми колчанами отъезжают к верблюжьему обозу, наполняют там свои колчаны и снова возвращаются для ведения боя.

Второй этап боя — уничтожение парфянами отряда римлян (под командованием сына Красса), который был выделен для обхода главных сил парфянского войска.

По приказу Красса его сын взял 1300 всадников, 500 лучников и 8 когорт пехоты и повел их обходным движением в атаку. Парфяне начали поспешно отступать, отряд под командованием молодого Красса бросился их преследовать. Это подняло настроение римских солдат; легионеры в преследовании не отставали от своей конницы. Как только отряд римлян удалился от своих главных сил, парфяне крупными силами контратаковали его, заставили остановиться, затем окружили латниками и стали поражать римских воинов стрелами. Отряд римской конницы попытался прорвать кольцо окружения, но его атака была отражена парфянскими всадниками, вооруженными копьями и имевшими лучшее защитное вооружение.

После этого римский отряд отступил к песчаному холму и занял круговую оборону, поместив лошадей в середине круга и сомкнув щиты. Но римляне, расположившиеся на склонах холма, оказались еще лучшей мишенью для парфянских лучников, которые начали их истреблять. Атакой копейщиков было довершено уничтожение римлян; 500 человек парфяне захватили в плен. Молодой Красс приказал рабу заколоть себя, другие римские командиры покончили жизнь самоубийством.

Третий этап боя — окружение парфянами главных сил римской армии.

Пока парфяне уничтожали передовой отряд, главные силы римлян заняли оборону на возвышенности. Красс ожидал возвращения сына, но вместо него появились парфяне, которые везли голову молодого Красса, надетую на копье. Вскоре римляне были окружены. На них посыпались стрелы, затем после атаки копьеносцев они оказались

стиснутыми на небольшом пространстве. С наступлением ночи парфяне отошли. Римские легионы под командованием Красса бездействовали.

Четвертый этап боя — преследование парфянами римских легионов и уничтожение их.

Видя бездействие Красса, два римских легата собрали на совещание центурионов и командиров манипул; на совещании было решено ночью скрытно отступить. Брошенные в лагере раненые подняли крик, чем обнаружили отступление. Но парфяне, заметив бегство римлян, ночью не стали их преследовать.

Отступление проходило неорганизованно, много раз объявлялась тревога, так как всем казалось, что парфяне снова идут в атаку. Легионы сходили с дороги, выстраивали боевой порядок, но, выяснив, что тревога была ложной, опять перестраивались в походную колонну и продолжали движение. Один легат с четырьмя когортами, оторвавшийся от главных сил, сбился с дороги. Парфяне окружили этот отряд на холме и уничтожили его. Утром они захватили римский лагерь и перебили около 4 тысяч оставшихся там римлян.

После этого Сурен организовал преследование отступавшего противника. Крассу с остатками римских легионов (свыше 7 тысяч человек) удалось укрыться в крепости Карры, но ненадолго. По настоянию деморализованных легионеров он ночью выступил из крепости, и римляне продолжали отступление на север, в горы, чтобы укрыться от парфянской конницы. По выходе из крепости они сбились с дороги и на следующий день были окружены парфянами. 12 июня 53 года до н. э. у крепости Синнака Сурен предложил римскому полководцу начать переговоры о мире, но как только Красс спустился с холма, где он находился со своим отрядом, парфяне убили его. Остатки римлян частью рассеялись, частью сдались. Потери римлян составили до 20 тысяч убитыми и до 10 тысяч пленными. Так закончился этот поход римских легионов под командованием Красса. Бой при Каррах был первым столкновением Рима и Парфии».

В том, что столь подробное описание оставил очевидец, живший в первой половине I века до н. э., легко убедить школьников, но не взрослых. Так же, как и в том, что за прошедшие после Каррской битвы четырнадцать столетий люди сильно поглупели, забыв даже умение составлять тексты. Так же, как и в том, что десяток скотоводов, бросив своих овец с невычесанными шкурами, сходили к китайцам, дали тамошнему императору по шее, отняли у него оружие и доспехи и отправились вслед за Солнцем, чтобы убить всех на своем пути.

А мы, если считаем себя взрослыми и разумными людьми, скорее поверим в неуправляемость средневековых войск, как об этом написал Дельбрюк, чем в «гениальных кочевников» из Монголии, великих и ужасных, несравнимых ни с кем по степени своей дисциплинированности. Мы стоим на том, что турецкий султан, побитый отрядом «монголов», побежал с жалобами к Ватацу, чтобы тот навел порядок в распоясавшейся Парфии и вернул ему имущество. А на основе этой истории, возможно, искушенный в своем ремесле писатель «Возрождения» сочинил эпизод про римского полководца Красса.

Византийская культура «монголов»

X—XI века — расцвет Византийской империи, владевшей землями как минимум от берегов Адриатики до Евфрата. Затем начался период серьезной потери земель и династических войн. В 1071 году сельджуки в сражении под Маласгардом в Армении захватили в плен императора и заняли Малую Азию.

В это время уже вовсю применялась конница.

Казалось бы, что удивительного в применении конницы в XI веке? Ведь уже в древности, более чем за 1500 лет до сражения под Маласгардом, греки, персы и парфяне имели уже конницу, вооружение и обученных воинов, сравнимых по уровню с европейским XIII веком.

«Сила парфян была в их коннице,— пишет Е. А. Разин.— Парфянская конница делилась на легкую и тяжелую. Тяжело вооруженные кавалеристы были одеты в кольчужную рубашку из металлических колец, надежно прикрывавшую воина, но не стеснявшую его движений. Кольчугой были покрыты и лошади. Тяжело вооруженные кавалеристы имели копья и мечи, а легко вооруженные — отличные луки; стрелы парфян насквозь пронизывали щиты римских легионеров. Отряды легких кавалеристов сопровождал вьючный обоз на верблюдах, в котором находился большой запас стрел.

Тактика парфян сводилась к следующему. Конные лучники — отличные стрелки — засыпали противника тучей стрел, а затем отходили под защиту тяжелых кавалеристов. Здесь, во вьючном обозе, они снова наполняли свои колчаны. Тяжелые кавалеристы окружали изнуренного противника и атакой завершали его разгром».

Так, говорят, было еще накануне нашей эры.

Ирония, однако, заключается в том, что в средневековой истории появление конницы датируют VIII веком (сражение при Пуатье — 732 год). До этого конница не считалась войском. Оставаясь в пределах традиционной хронологии, ничего иного, кроме слова «возрождение», невозможно сказать по этому поводу. Пехота же (инфантерия) прямо и «официально» именно **возродилась;** например, последняя глава книги А. Свечина «История военного искусства» так и называется: «Возрождение пехоты».

Это, конечно, удивительно, и все же нам представляется еще более удивительным, что учебные пособия по правильному ведению конных военных действий «кавалерийские» теоретики начали писать много позже исчезновения античной конницы, но лет за сто — сто пятьдесят до появления средневековой, причем сразу в очень проработанном виде. Одного из авторов такой «методики», Псевдо-Маврикия, историки датируют VI—VII веками, очевидно, полагая, что так «увяжутся» античные и византийские времена. Получается не очень логично: теоретик будто обобщает опыт построения конницы, принятый в седой древности, но до которого практики «дорастут» лишь через несколько поколений. В трактате говорится:

«Начальник тагмы, или банды, или нумера — носит название комеса или трибуна. Хилиархом называется первый из гекатонтархов, следующий сейчас же за комесом или трибуном. Гекатонтарх — начальник сотни мужей. Декарх — начальник десятка. Пентарх над пятидесятью. Тетрарх — он же и надзиратель — называется урагос — последний в градации начальников... Чтобы у начальствующих над мерами, тагмами, у сотников, пятидесятников, тетрархов, буцеллариев и союзников были брони с плечевыми ремнями и наножники, доходящие до пят, кольца, колчаны, шлемы с небольшими султанами наверху, затем луки, у каждого по своим силам — не выше сил, но лучше ниже».

«**Изо всей же римской молодежи** отобрать самых нравственных и, начиная с 14-летнего возраста, обучать стрельбе из луков, приучать носить лук и колчан и два копья... Следует, чтобы морды и груди лошадей были покрыты латами, хотя бы из лоскутьев, как у аваров, которые предохраняли бы шею и груди лошадей... Седла должны быть с большими чепраками из шкур шерстью вверх. Также крепкие удила. **При седлах должно быть два железных стремени** (напоминаем: это якобы VI или VII век.— *Авт.*), кожаный мешок, аркан и мешок для провианта, в котором воины могли бы, в случае необходимости, везти с собой трех- или четырехдневный запас его...»

«Надо, чтобы пехотинец (пехота уже есть! — *Авт.*) умел быстро пускать стрелы из лука по римскому или по персидскому способу (важное сообщение, говорящее нам, что Ромея и Персия взаимодействовали, осваивая лучшие воинские приемы друг друга.— *Авт.*) ... Всадники чтобы стреляли на скаку: вперед, назад, вправо и влево. Кроме того, им надо уметь вскакивать на лошадь, на скаку быстро выпускать одну стрелу за другой, вкладывать лук в колчан, если он достаточно обширен... и браться за копье, носимое за спиною, чтобы таким образом могли действовать им, имея лук в колчане. Затем быстро закинуть копье за спину, выхватывать лук».

«Африканское упражнение состоит в том, что боевой порядок строится в одну линию, причем средняя мера состоит из дефензоров, остальные же из курсоров. При наступлении, как бы для атаки, средняя двигается стройно, в порядке, как дефензоры, остальные же по бокам ее, как курсоры. Потом, при повороте назад, одна мера останавливается, другая же быстро скачет, как бы к дефензорам; затем та, которая останавливается, двигается тоже к дефензорам, а первая повертывается ей навстречу и проходит мимо нее, причем обе они обращены одна против другой, но не касаясь друг друга».

Никакой это не VI век, и не VII. Можно предположить, что трактат составлен в X или XI веке. Именно подобные маневры византийцев, которых западноевропейские хронисты называли pagani и perfidi (схизматики, неверные), и вызывали удивление привыкших к простому единоборству рыцарей XII века. Этими же приемами владели персы и парфяне, а если попросту — «монголы».

Обученные на таких трактатах монголы в 1241 году, в сражении при Лигнице явили тактику, в которой мы без особого труда узнаем тактику античных парфян. Даем описание битвы по Нолану:

«Правое крыло поляков сначала атаковало и оттеснило левое крыло татар. Но татары, быстро соединившись, отбросили нападающих к их резервам, которые, в свою очередь, двинулись в атаку, смяли неприятеля и пустились его преследовать. Но вдруг, по сказанию польских историков, соотечественники их, вследствие будто бы какого-то чуда, обратились в бегство. Чудо это состояло единственно в той быстроте, с которою татары соединялись и кидались в атаку на утомленных неприятелей, не ожидавших подобной хитрости. Маневр этот, действительно, как чудо, должен был изумить неповоротливых кавалеристов Запада».

Если же говорить о пеших войсках — инфантерии, то лучшая из средневековых — фландрская и швейцарская пехота, появилась в XIV веке. Возможно в Византии, где «возрождение» античности началось пораньше (точнее, где в XI—XIII веках античность и проистекала), пехота появилась раньше.

Историки считают, что инфантерия, состоящая из свободных крестьян, была решающей силой в период, предшествующий феодализму, но при этом «в противоположность Западной Европе на Руси в период феодальной раздробленности пехота имела на поле боя огромное значение» (А. Строков). Потом она возродилась на закате феодализма. Если этому верить, то на многие века, в течение которых длился «феодализм», боевые возможности пехоты были забыты. Торжествовала кордонная стратегия — стремление избегать решительных сражений, удерживать крепости на границах и учиться искусству осады чужих крепостей. И такая стратегия измора, истощения царствовала до начала Возрождения, когда было внесено нечто новое — стратегия на уничтожение.

Впрочем, историки сами не в силах как следует разобраться в этом вопросе. То ли стратегия на уничтожение уже применялась в Римской империи, а, может, в Древней Греции,— то ли нет. Наверное, применялась; нам пока не удалось найти ничего, что не возродилось бы, будучи забытым в античности... С каждым годом новейшие историки «все лучше и лучше» понимают античность, и даже не замечают анекдотичности этой ситуации.

Вот еще несколько сообщений, касающихся Передней Азии.

В XIII веке «Орхан первый учредил постоянную, правильно устроенную пехоту (яиев и пиядов) на жалованье, которая была постоянно обучаема действиям как полевым, так и осадным». Из этой пехоты в 1347 году и получились янычары.

«По учреждении их яии и пияды были обращены в исправителей военных дорог (в турецкой армии, как и в римской, воины одновременно были дорожными рабочими.— *Авт.*) ... Другой род неправильной (иррегулярной) пехоты, под названием асабов или холостых, шел на войну без жалованья, из-за добычи. Его нередко ставили в голове штурмовых колонн при осаде городов и приступах к ним, дабы телами их наполнять рвы и образовать мосты для янычаров».

В арабском мире, в Византии и на Руси «боевой порядок... войска состоял из нескольких линий пехоты, а также конницы, чем

обеспечивались маневр, наращивание ударов из глубины и преследование».

В Европе «В XVI в. для снижения потерь от ядер и пуль баталии стали рассредоточиваться по фронту и в глубину, делясь на более мелкие колонны (терции) по 2—3 тыс. пикенеров в каждой. Прикрытые со всех сторон мушкетерами, терции располагались в шахматном порядке в три линии. Это был возврат к старому строю когорт».

В XVII веке чаще стали использоваться две линии: основная и резервная, причем сила линии заключалась в залповом огне. Сторона, не выдержавшая огня противника, обращалась в бегство и подвергалась короткому преследованию. Так написано в книге «Эволюция военного искусства: этапы, тенденции, принципы». И с этим перейдем к «монголо-татарам».

Войска Чингисхана, как теперь принято считать, были сплошь конными. Этот вывод неизбежен, если походы монголов «начинать» из Монголии: в пешем строю они вообще никуда бы не дошли. Однако такой специалист, как полковник де Пик, говорит:

«...Во все времена, начиная с древности... кавалерия дерется очень плохо или очень мало». Действие кавалерии — атака. Свойства кавалерии заключаются в отважной стремительности. Отвага кавалеристов возбуждает пехоту, и она идет вслед за ней в бой. Такой подвиг обходится слишком дорого, если непосредственно за кавалерией не следуют другие войска. И далее:

«С древних времен и всегда отдельный пехотинец одерживал верх над отдельным кавалеристом. В древних повествованиях относительно этого нет ни тени сомнения, кавалерист сражается только с кавалеристом, он угрожает, тревожит, беспокоит пехотинца с тылу, но не сражается с ним, он истребляет его, когда последний обращен в бегство пехотою, или по крайней мере опрокидывает его, а велит (легкая пехота в древности) уже прирезывает».

Можно соглашаться или нет, но все это наводит на мысль, что в XIII—XIV веках «монголы» побеждали потому, что были в основном пехотинцами. Македонская фаланга — она же «монгольский» строй. От изобретения стремян, произошедшего отнюдь не в древние, а в средневековые времена, и до XIV века в битвах главенствовала конница. В XIII веке пехота только начинала свой «взлет»; не превратившись еще в царицу полей, она училась побеждать конницу. И в этих боях отрабатывалась новая тактика.

Занявшись поисками параллелей, мы должны отметить, что если о наличии пехотинцев в войсках Чингисхана судить трудно, то для Александра сделать это можно. Македонец применил новую модель армии: сформировал легкую кавалерию (конных лучников) в дополнение к тяжелой, а кроме того облегчил доспехи последней так, что они могли сражаться и в пешем бою. Получились знакомые нам по книжкам и кинофильмам «древние» греки и римляне,— они же, как это ни удивительно, главные силы «монголов», они же — греко-персидские войска изгнанных византийских императоров.

Иначе говоря, реальный греко-иранский союз и вся история византийской экспансии на Восток, произошедшей вследствие давления западных крестоносцев, породили миф и об Александре и персидских катафрактиях, и о «парфянском царстве», и о Чингисхане. По разным эпохам их развели хронологи.

Вот что пишет Франко Кардини о персидской тактике против римлян, в нашей версии — в ходе подчинения Ирана византийцам или туркам:

«В столкновении с римской пехотой и легкой кавалерией ... иранская военная тактика, состоявшая в длительной подготовке поля боя конными лучниками, сначала рассекавшими пехоту противника плотной и непрерывной стрельбой, а затем пропускавшими тяжелую кавалерию, которая вклинивалась через широкие бреши в глубину расположения пехоты, оказалась чрезвычайно эффективной».

Не менее эффективной была и монгольская тактика. Генерал-лейтенант М. Иванин пишет: «видно, что полчища монголо-татар не были нестройной ордой, но что войскам дана была правильная организация, приноровленная к войскам кочевого народа (такого же, как у турок.— *Авт.*), и что войска эти имели такое же превосходство перед современными им ополчениями, как ныне регулярные войска перед азиатскими и африканскими толпами воинов...»

М. Иванин жил в XIX веке, до появления танков и самолетов, когда конница была еще весьма в ходу. Он, как человек военный, что-то соображал в этих вопросах. И сразу за приведенным выше панегириком монголам отмечает и «особенности» их армии, которые заключаются в том, «что конные войска монголов, в составе сотен тысяч, переходили такие степи, по которым мы с трудом проходим в составе 3000—4000 войск... Если история представляет пример появления необыкновенной силы монголо-татар и среднеазиатских народов, разобщенных на сотни верст

бескормными и безводными пустынями и имевших вообще немногочисленное население...»,— то такую историю, как нам кажется, надо, простите за каламбур, выбросить на «свалку истории».

Ученые-конформисты не хотят видеть совершеннейшую сказочность описываемых ими событий. Под управление Чингисхана азиатские кочевники организовали сильнейшее государство, завоевали полмира, чтобы через пару веков превратиться в рабов на завоеванных землях или спокойно вернуться в свои степи пасти скот и дальше!

«И как кочевой народ страстно любит свободу и предпочитает кочевую жизнь оседлой... то какую силу воли, какие военные, административные и политические способности должен был иметь человек, чтобы подчинить своему владычеству эти народы, кочевавшие в степях, занимавших несколько тысяч верст в длину, чтобы дать им устройство, необходимое для образования многочисленной армии, и чтобы подчинить их строгой дисциплине». Невероятные, скажем мы.

А теперь поставьте на место Чингисхана византийского императора, вынужденного покинуть Константинополь после осады его европейскими крестоносцами, переселившегося в Никею. И вот, он создает из турецких, арабских, персидских воинов с помощью своих обученных военачальников мощную армию. Она, возможно, победила в числе прочих и Китай, и вернулась, чтобы отвоевать обратно свою священную столицу.

Никейский император мог нанять для своих целей и генуэзцев, и монголов, и племена южной Индии. Он мог привлечь на свою сторону любое племя с территории Руси или захватить любое русское княжество и призвать под свои знамена его юношей. Для завоевания же этих княжеств мог послать на Русь тех, кого ему было удобнее, например, жителей Иранского нагорья — говоря по-античному, парфян.

Плутарх, историк I—II веков, писал, что «от преследующих парфян убежать невозможно, в бегстве же они неуловимы, будто их диковинные стрелы, невидимы в полете и раньше, чем заметит стрелок, пронзают насквозь все, что ни попадется на пути, а вооружение закованного в латы всадника такой работы, что все пробивает, а само выдерживает всякий удар».

А вот высказывание нашего современника, военного историка В. Сахарова о монголах:

«Любимая тактика монголов заключалась в устройстве засад, в постоянных нападениях, в заманивании противника и во внезапном пере-

ходе в наступление... Утомив неприятеля отступлением, они перескакивали на свежих лошадей, окружали врага с флангов и с тыла, засыпали его тучей стрел, а затем бросались в рукопашную».

Сравните сами с мнением Плутарха.

Но иногда сообщения В. Сахарова вгоняют в оторопь:

«Боевые порядки этих народов в высшей степени замечательны тем, что в основании их лежит идея резерва; это одно уже показывает, насколько тактическое искусство было выше у восточных народов сравнительно с состоянием его у европейских современников, среди которых крайнее развитие индивидуализма свело всю тактику к единоборству».

Напиши такое штатский,— рукой бы махнуть. Но когда такие заявления делает военный человек, становится не по себе. «В основе боевых порядков лежит идея». Очень хорошо. А где теоретические трактаты по тактике? У монгольских кочевников, что ли? Нет, они в Византии. Потому и «лежит идея», что перед нами не дикие кочевники, а регулярные войска самой «продвинутой» в то время в военном отношении Ромейской, Римской империи.

«Дисциплина войск и возможность управлять боем постепенным употреблением войск задних линий и резерва давали возможность полководцу восточных народов (правильнее сказать: восточных византийцев.— *Авт.*) проявить вполне свое искусство, свои таланты и направлять все силы к достижению общей цели, что было несравненно труднее для западноевропейских военачальников, которые, вообще говоря, подавали только своим войскам пример личного мужества и отваги».

В XIII веке монголы (читай: ромеи, византийцы) подчинили Центральную Азию, Китай, Русь. Русские летописцы были потрясены умением этих «кочевников» брать города. Вот что пишет М. Н. Покровский, глава исторической школы, уничтоженной в 30-х годах по личному указанию Сталина:

«Нашествия прежних азиатов останавливались перед стенами городов, все опустошения доставались опять-таки крестьянам, «смердам». Татары умели брать города; по-видимому, им был известен даже порох, еще тогда (середина XIII столетия) не знакомый в Западной Европе... Мы видим дальше, как объединение Руси около Москвы было на добрую половину татарским делом».

Один из историков-евразийцев, эмигрант П. Савицкий писал:

«Прежде всего укажем следующее: без «татарщины» не было бы России. Нет ничего более шаблонного и в то же время неправильного, чем превозношение культурного развития дотатарской «Киевской» Руси, якобы уничтоженного и оборванного татарским нашествием...

Россия — наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиса и Тимура, объединительница Азии...»

Н. Трубецкой: «Усвоение техники монгольской государственности и даже бытового влияния татар в Москве шло особенно усиленным темпом, и потому понятно, что именно здесь русские легче и скорее освоились с самим духом монгольской государственности, с идейным наследием Чингисхана. В той же Москве и Московской области особенно заинтересовались и византийскими государственными идеологиями».

Н. Трубецкой не решается поставить знак равенства между этими фактами, хотя сообщает, что «византийские государственные идеологи, раньше не имевшие в России никакой особой популярности, заняли центральное место в русском национальном сознании почему-то именно в эпоху татарщины...»

Чего же проще: Россия — наследница Византии благодаря византийскому же, только по названию монгольскому игу. Но этого евразийцы не могли заявить, одновременно не сломав привычных исторических представлений. Их доктрина «татарского наследия» считалась реакционным течением русской мысли, хотя с тезисом о России — наследнице Византии — никто не спорил.

Е. А. Разин замечает по этому поводу:

«Покровский и его «школа» в нашествии татар видели только борьбу двух культур, а не тяжелое для русского народа иго. Извращая в своих писаниях исторические факты, они изображали татаро-монгольское иго как прогрессивное историческое явление. Татары, по их словам, своими завоеваниями несли Европе более высокую культуру... Татары не могли иметь более высокой культуры, так как сами находились на более низкой ступени общественного развития».

Какая глупость! Если татары (монголы) не могли нести культуру, то «иго» они тоже не могли бы установить. Но вот, победили Россию, которая была отсталой... из-за татаро-монгольского ига... А если могли нести культуру и завоевывать, то не были они на «низкой» ступени развития. Ох, не там историки ищут монголов, где надо бы...

Нас и наших друзей, которых чаще с презрением, чем с уважением называют «новохронологами»,— хотя мы сами так себя не называем, как не называли себя «варварами», на-

пример, турки,— то и дело подвергают критике: и летопи-сей-то мы в руках не держали, и источники плохо изучали, и выводы наши ни на чем не основаны. То ли дело «нормальные» историки. А с ними — все в порядке? Они-то — что, хорошо изучили источники или, быть может, имели достойные основания для своих выводов? Оказывается, нет.

М. Капица пишет в статье «Еще раз о роли Чингисхана в истории»: во-первых, источниковая база и совокупность установленных фактов при всей их значительности все еще недостаточна; во-вторых, имеющиеся источники изучены не комплексно, а отрывочно и разрозненно; в-третьих, исследователи по-разному подходят к изучаемым явлениям, пользуются различной методологией, часто впадают в субъективизм, уводящий далеко в сторону от «подлинной научно обоснованной объективной истины», руководствуются различными политическими и идеологическими соображениями.

Хоть и сказано это об ученых, занимающихся «монгольской» темой в истории Руси, но применимо ко всем историкам.

НЕКОТОРЫЕ ЗАГАДКИ

На основе элементарного здравого смысла, подкрепленного анализом литературных текстов и произведений искусства, воссоздается внятная, непротиворечивая картина прошлого. Сходной работой занимались многие сразу после Скалигера, и в Западной Европе, и у нас. На Руси среди исследователей можно назвать имена Н. А. Морозова, М. Постникова и его учеников, а также С. Валянского, А. Гуца, Г. Каспарова, Яр. Кеслера и многих других.

Не все исследования проводились и проводятся корректно. Например, Н. А. Морозов, критикуя хронологию, высчитал, что на все литературное творчество в Древней Греции приходится около 600 лет; из них на трагедию всего 100 лет (в остальные 500 лет, ни до, ни после, не появилось ни одного автора трагедии), на комедию 150 лет, а сатира лишь промелькнула около 500 года до н. э., и что с точки зрения теории вероятности такие «потери» выглядят очень странно. Отвечая, Е. Голубцова и В. Смирин пишут:

«Этот грубый шарж на историю античной литературы едва ли заслуживает опровержений... История ее жанров объяснялась ее историками исторически, т. е. исходя из обусловленности литературных явлений закономерным развитием культуры, к которой они принадлежали. Вопрос же о том, почему утрачены те, а не другие произведения, в данной связи второстепенен, хотя и для него можно найти осмысленный ответ (основывающийся на таких факторах, как популярность в последующих эпохах, вхождение в определенный канон, распространенность в школах и т. п.)».

Что ж, правомерно существование и такого мнения. И хотя нам не нравятся фразы типа «грубый шарж» или «не заслуживает опровержения» в научной дискуссии, мы рады, что хоть такая дискуссия идет. Это лучше, чем полное замалчивание проблем. А проблем — очень много. Например, к IV веку до н. э. сложилась в Египте египетская литература. Потом Египет завоевали греки. Нам кажется, было бы закономерным появление египетских сказаний о том, как греки завоевали Египет, но вместо этого египетская литература исчезает намертво, а вместо нее возникает александрийская поэзия на греческом языке. Наверное, эти события традиционной истории требуют дополнительного изучения и осмысления.

Первичная литература аналогична словесному творчеству детей младшего школьного возраста. Она не носит профессионального характера; лишь в X—XI веках возникает профессиональная литература (труверы, трубадуры и т. п.). В XII веке уже существуют национальные традиции. «Илиада», по нашей, действительно научной хронологии, появилась в XII веке. Это, так сказать, двенадцатилетний возраст человечества.

Моцарт в 13 лет сочинял прекрасную музыку. Может ли ребенок в 12 лет сочинить «Илиаду»? Да, если этот ребенок — гений. Вывод: человечество гениально! Только скалигеровская хронология представляет его как безумца, страдающего озарениями.

Хочется остановиться на одном психологическом моменте. В современном обществе, дожившем уже до XXI века, существуют товары (видеофильмы, например), которые продаются только лицам, достигшим 21 года. То есть, считается, что двадцатиоднолетний молодой человек достигает интеллектуального уровня современной цивилизации. Но на эту ситуацию можно взглянуть и с другой стороны: товаров, которые разрешается продавать только лицам старше 25 или 30 лет, не существует.

Интеллектуальный уровень нашего времени находится на уровне человека 21 года от роду. А в XV веке он был на уровне, свойственном пятнадцатилетнему ребенку. В этом возрасте можно писать замечательные поэтические и прозаические произведения, но те, кто это делают, все-таки очень легкомысленны.

Конечно, и это наше заявление можно назвать «грубой карикатурой, не достойной обсуждения», но ведь это факт, что сама история, основанная на скалигеровской хронологии, порождает такие вот вопросы. И потом, все в мире достойно обсуждения. Мы, люди, только тем и отличаемся от прочих Божьих тварей, что обладаем речью и способны к обсуждению вопросов, ради поиска ответов. Если же наука отрицает возможность обсуждений результатов и выводов, то она, как уже сказано, превращается в разновидность религии.

Загадка XII века

Говоря о развитии искусства (в книге «Другая история искусства»), мы отметили архаичность произведений XI—XII веков. Это так называемая романская эпоха, переходящая ближе к началу XIII века, к готике. Основываясь на классическом искусствознании, мы видим в этой эпохе изделия, сюжеты которых не имеют ничего общего с тематикой, излюбленной в Древних Греции и Риме. Перед нами уродливые, неумелые, далекие от античных идеалов произведения изобразительного искусства. Это известно и художникам, и искусствоведам:

> «Повсюду повторяется одна и та же орнаментальная схема лица: глаза, обведенные кругами, будто они в очках, длинный прямой нос с изуродованными ноздрями, по большей части крошечные уши, пухлые щеки, схематичные, заплетенные в косички волосы» (Феге).

> «Манера, в которой исполнены все эти скульптуры, характеризуется тем, что свойственное прикладному искусству понимание форм, воспитанное на резных из слоновой кости и на золотых чеканных изделиях, перенесено в произведения монументального масштаба» (Дегио).

Как считают искусствоведы, романское искусство «естественно примыкает к позднеантичному христианскому искусству». Каким образом XII век «примыкает» к V веку, они не объясняют. А мы им поможем: посмотрите на стандартную «греческую» синусоиду, и вы увидите, что и в самом деле эти века лежат на одной линии № 4.

Но литература неожиданно дает нам другую картину: наряду с работами неумелыми мы находим весьма изо-

щенную поэзию и прозу, склонную к античной тематике, причем и латинскую, и греческую, чего нельзя объяснить даже опережающим развитием словесных искусств по сравнению с изобразительными. Можно для начала предположить, что работы неумелые действительно принадлежат XII веку, но будет ли правильным вывод, что сильные, изощренные произведения «привнесены» сюда по ошибке или умыслу?

Германн Расслабленный, «Секвенция о святейшей Троице»:

Троичной Единости,
единосущной Божественности
Хвала многовидная —
Владыке,
что в безначальном
самотождестве покоится,
как Вечность,
Иатриилу дивному;
и Слову,
собезначальной
Отчей Мудрости зиждительной,
от века
просиявшей Истине;
и Тебе, сих обоих
Благоволение,
Параклите сладостный,
о, Блаженство святое
и Святость всесветлая!
Истинная и благая
Вечность,
вечная же и благая
Истина.
Истинная и вечная
Благость!
Отче, Эл, Элион,
Элоэ, Элион,
Иа, Садаи,
Свет, Самаин,
Ты еси Эйэ, Бог
Саваоф, неизреченный
Адонаи;
от Тебя сотворенных
помилуй.

Петр Дамиани, «На вечерне»:

Царствия небес благородный консул,
Мы к тебе взываем с мольбой, да явишь
Курию Олимпа для нас отверстой,
Апполинарий!

Слуг твоих да примет Ключарь небесный,
Что утешен много питомца славой
И ликует, вняв, как тебя величит
Мерное пенье.

Ибо ты Равенне, в ночи косневшей,
Вверженной во мрак и обман кумиров,
Утренней Звездой возблистал с Востока
Пламеннозрачно.

Иренея отпрыск, незрячий прежде,
Зрит, дивясь, тебя, как светило мира;
Ты ж уму отца, как и взору сына,
Свет открываешь.

Не поможет Фекле врачей искусство,
Не помогут сонмы богов безбожных;
Но тобой она спасена и к небу
Очи подъемлет.

Радостно глаголют уста классийца,
Что разверсты мощью твоей молитвы,
И, слова слагать научившись, славят
Отчее Слово.

Деву, что двоякой подпала смерти,
Воздвигаешь ты от греха и тлена;
Се, дыханьем — плоть, благочестьем — сердце
Животворится.

Славу и хвалу мы Отцу приносим,
Что Своих святых возвеличил дивно,
С Ним же Сыну честь и Святому Духу
Буди вовеки.

Такие простенькие, наивные стихи как раз свойственны эпохе. Но тут же, в сборниках европейских и византийских произведений XII века, опубликованы масштабные литературные полотна, воспевающие античных героев, выполнен-

ные в классическом стиле, иногда содержащие прямые обращения к древним авторам. Даже одна лишь разностильность этих работ может вызвать у непредвзятого читателя недоумение, нас же, предлагающих свою хронологию и объясняющих механизм построения традиционной истории, особенно волнует несовпадение стиля с нашей синусоидой.

Кажется нам, что не только греческие, но и многие латинские произведения XII века нужно отнести к XIV—XV векам; так все приходит в норму: ведь в этих веках мы в изобилии встречаем и сходные литературные приемы, и склонность к антике! Видимо, что многих латинских авторов, в том числе и национальных авторов Европы (англичан, французов) следует датировать по «византийской» волне нашей синусоиды.

Вальтер Шатильонский, «Алесандреада»:

В детские годы, когда еще были пухом покрыты
Мальчика щеки, когда на лице не курчавился волос,
С Марсом поспорить он не был готов, но всем своим сердцем
Рвался к оружью: слыхал он не раз, что должны быть
подвластны
Земли Пеласгов отцу, но их, подчинив себе, Дарий
Держит под игом; и мальчик, разгневан, вскричал, негодуя:

«О, как медлительно время течет! Когда же удастся
Мне, в смертельном бою, взмахнув мечом засверкавшим,
Сбросить персов ярмо? Когда мне удастся, тирану
Медленный бег колесницы пресечь нападением быстрым,
Войско повергнуть в смятенье? Когда же львенок поднимет
Знамя свое? И когда же, увенчанный шлемом, он сможет
С мощным сразиться врагом? И разве в своей колыбели
Не был младенцем Алкид, когда двух змей кровожадных
Он, задушив, умертвил? А разве бы я не решился
Подвиг такой же свершить, когда б до сих пор не внушало
Мне ребяческий страх Аристотеля славное имя?
В возраст двенадцатилетний — пусть тело еще не окрепло —
Доблесть души велика; возмещают цветущая юность,
Пылкий задор недостаток годов! И доколь меня будут
Сыном считать Нектанеба? Нет, выродком я не останусь!»

Так он сам с собой говорил в негодующем сердце...

Можно ли здесь говорить о «варварском простодушии», столь свойственном XII веку,— если судить о нем по произведениям изобразительного искусства этого же времени?

Ни в коем случае. Мы привыкли прилагать слово «гуманизм» к XV—XVI векам, но оказывается, что в XI—XII веках жили и творили сплошь гуманисты. Они пишут на античные сюжеты и одновременно проявляют светское вольномыслие, свойственное ее возрождению, хотя в то время, которому их приписывают, следовало бы ожидать церковного догматизма. Смешивается все, и это смешение не дает увидеть цельной картины.

Далее приведем произведение того же автора, относимое к жанру «поэзия вагантов». Об этого сорта работах литературоведы говорят: «...удивленная Европа увидела, что мрачное средневековье умело не только молиться, но и веселиться, и не только на народных языках, но и на ученой латыни». Это произведение может быть отнесено не ранее как к XIV веку.

Вальтер Шатильонский, «Обличение Рима»:

Обличить намерен я лжи природу волчью:
Часто, медом потчуя, нас питают желчью,
Часто сердце медное златом прикрывают,
Род ослиный львиную шкуру надевает.

С голубиной внешностью дух в разладе волчий:
Губы в меде плавают, ум же полон желчи.
Не всегда-то сладостно то, что с медом схоже:
Часто подлость кроется под атласной кожей.

Замыслы порочные скрыты речью нежной,
Сердца грязь прикрашена мазью белоснежной.
Поражая голову, боль разит все тело;
Корень высох — высохнуть и ветвям приспело.

Возглавлять вселенную призван Рим, но скверны
Полон он, и скверною все полно безмерной —
Ибо заразительно веянье порока,
И от почвы гнилостной быть не может прока.

Рим и всех и каждого грабит безобразно;
Пресвятая курия — это рынок грязный!
Там права сенаторов продают открыто,
Там всего добьешься ты при мошне набитой.

Кто у них в судилище защищает дело,
Тот одну лишь истину пусть запомнит смело:
Хочешь дело выиграть — выложи монету:
Нету справедливости, коли денег нету.

Есть у римлян правило, всем оно известно:
Бедного просителя просьба неуместна.
Лишь истцу дающему в свой черед дается —
Как тобой посеяно, так же и пожнется.

Лишь подарком вскроется путь твоим прошеньям.
Если хочешь действовать — действуй подношеньем.
В этом — наступление, в этом — оборона:
Деньги ведь речистее даже Цицерона.

Деньги в этой курии всякому по нраву
Весом и чеканкою и сверканьем сплава.
В Риме перед золотом клонятся поклоны
И уж, разумеется, все молчат законы.

Ежели кто взяткою спорит против права —
Что Юстинизановы все ему уставы?
Здесь о судьях праведных нету и помина —
Деньги в их суме — зерно, а закон — мякина.

Алчность желчная царит в Риме, как и в мире:
Не о мире мыслит клир, а о жирном пире;
Не алтарь в чести, а ларь там, где ждут подарка
И серебряную чтят марку вместо Марка.

К папе ты направился? Ну, так знай заране:
Ты ни с чем воротишься, если пусты длани.
Кто пред ним с даянием появился малым,—
Взором удостоен он будет очень вялым.

Не случайно папу ведь именуют папой:
Папствуя, он хапствует цапствующей лапой.
Он со всяким хочет быть в пае, в пае, в пае —
Помни это каждый раз, к папе приступая.

Писарь и привратники в этом с папой схожи,
Свора кардинальская не честнее тоже.
Если, всех обславивши, одного забудешь,—
Всеми разом брошенный, горько гибнуть будешь.

Дашь тому, дашь этому, деньги в руку вложишь,
Дашь, как можешь, а потом дашь и как не можешь.
Нас от многоденежья славно в Риме лечат:
Здесь не кровь, а золото рудометы мечут.

К кошельку набитому всем припасть охота:
Раз возьмут и два возьмут, а потом без счета.

Что считать на мелочи? Не моргнувши глазом,
На кошель навалятся и придушат разом.

Словно печень Тития, деньги нарастают:
Расточатся, явятся и опять растают.
Этим-то и кормится курия бесстыдно:
Сколько ни берет с тебя, все конца не видно.

В Риме все навыворот к папской их потребе:
Здесь Юпитер под землей, а Плутон — на небе.
В Риме муж достойнейший выглядит не лучше,
Нежели жемчужина средь навозной кучи.

Здесь для богача богач всюду все устроит
По поруке круговой: рука руку моет.
Здесь для всех один закон, бережно хранимый:
«Ты мне дашь — тебе я дам»,— вот основа Рима!

А вот следующее произведение, возможно, надо отнести не к XIV, а к XV веку. Иначе совсем непонятно, о каком разрушении Рима идет речь? Ни в XII, ни в XIV веках (по общепринятой хронологии) Рим, будь то Рим итальянский или византийский (Константинополь) разрушен не был. А в XV веке пострадали оба.

Хильдеберт Лаварденский, «Первая элегия о Риме»:

Нет тебе равного, Рим; хотя ты почти и разрушен —
Но о величье былом ты и в разрухе гласишь.
Долгие годы твою низринули спесь, и твердыни
Цезаря, храмы богов ныне в болоте лежат.
Рухнула мощь, эта мощь, приводившая некогда в трепет
Грозный Аракс, что теперь горько о ней же скорбит.
Рим мечами царей, неусыпной заботой сената,
Волею вышних богов мира владыкою был;
Рим, над коим мечтал быть Цезарь единым владыкой,
Властолюбиво поправ дружбу и узы родства;
Рим, усилясь втройне, вражду, преступления, дружбу
Завоевал и пресек и, одаряя, обрел;
Рим, создаваясь, храним был твердо заботами знати,
Силой соседей своих, морем и местом своим.
Дерево, и мастера, и деньги с севера, с юга
Шли, и служило стеной самое место ему.
Щедрыми были к нему и вожди, и счастливые судьбы,
Каждый художник, весь мир Риму дары свои нес.
Град сокрушился, но в честь ему и великую славу
Только одно я хочу вымолвить: это был Рим!
Но ни годов череда, ни меч, ни пламя пожара

Не были в силах дотла славу его сокрушить.
Рим стараньем людей воздвигнут был столь величаво,
Что и старанье богов не сокрушило его.
Мрамор опять собери, и богатства милостью вышней
Нового пусть мастера будут стараться достичь.
Но не удастся создать никогда им подобной твердыни,
Даже развалин ее не восстановят они.
Столько осталось еще и рухнуло столько такого,
Что не сравнимо ни с чем и не воскреснет опять.
Здесь даже боги богов изваяниям сами дивятся
И походить на свои изображенья хотят.
Не в состоянье была дать богам такой облик природа,
В коем их дал человек на удивление всем.
Лики живые у них и, взирая на них, почитают
Дело художника здесь больше, чем их божество.
Город счастливый, когда б у него были власти другие
И не стыдились познать истину веры они!

В книге «Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков» сказано: «Хильдеберт Лаварденский был тем из писателей XI и XII вв., в котором дух начинающегося средневекового гуманизма нашел наиболее чистое и ясное выражение... Из трех поэтов «овидианского предвозрождения» на Луаре Бальдерик Бургейльский, пожалуй, самый овидианский. У него нет глубины и ясности Хильдеберта, у него нет учености и достоинства Марбода, он легкомыслен, словообилен и хлопотлив, но в нем привлекательно само непосредственное простодушие, с которым он упивается новым миром, раскрывшимся перед его поколением».

Спрашивается: какой же новый мир раскрылся перед этим поколением, если художники ничего нового не видят, скульпторы и архитекторы работают в прежней романской манере, поэты обращаются к Овидию, жившему за сотни лет до них, и до «обновления» («возрождения») еще двести-триста лет?

Бальдерик Бургейльский, «Флор — Овидию»:

Шлю, Назон, я тебе привет мой, слезами омытый;
Коль он к тебе не дойдет — и твоего я лишусь.
Ты, изгнанник, живешь, привета лишенный, близ Понта;
Так же, привета лишен, в Риме скорблю я, один.
Кто, от отчизны вдали, постоянно к отчизне не рвется?
Кто в родную страну жадно возврата не ждет?
Разве что жалкий бедняк, не имея ни дома, ни крова,
Может в себе не хранить память о крае родном.
Ты ж, гражданин и потомок семей благороднейших Рима,

Роду Цезарей был равен по крови своей.
Изгнан ты в дальний парфянский предел и к тем, кто в изгнанье
Кару несет за вину, ты без вины сопричтен.
Цезарь во гневе тебя, не по праву, подверг наказанью;
Слезы же лить о тебе — мне это право дано.
Ныне из Рима ты изгнан, отправлен на Истр ледовитый —
Ровно полгода царит там ледяная зима.
Рим наш — вселенной глава, к нему весь мир притекает,
Образ его для тебя — дом твой прелестный, родной.
Наши театры знакомы тебе, каждый портик известен,
И в переулке любом знаешь ты выход и вход.
Где толпится народ, где девушки в страсти клянутся,—
Знал ты все эти места, был там известен и ты.

Принято считать, что возрождение началось в Италии. Мы же здесь видим, что все гуманисты живут в Англии, Франции и Германии: Ансельм Кентерберийский, Бернард Клервоский, Иоанн Сольсберийский, Оттон Фрейзингенский, Марботт Реннский...

Марбот Реннский, из «Книги о камнях»:

«Царь арабский Эвакс, преданье гласит, при Нероне,
Том, что по Августе был вторым правителем в Риме,
Книгу составил о том, какие камни бывают,
Где обретаются, в чем их сила, их цвет и названье.
Книга понравилась мне, и вот решил изложить я
То, что в ней прочитал, как можно доступней и кратче.
Я изложенье мое писал для себя и для близких —
Ибо величие тайн умаляется дальней оглаской;
Став уделом толпы, становится важное пошлым.
Самое большее — трем друзьям я дарю эту книгу:
Три — святое число, а я ведь пишу о священном
И обращаюсь лишь к тем, кто к таинствам божьим допущен,
Строгие нравы хранит и праведной жизнью известен.
Ежели разум людской познает свойства каменьев,
Силу их, коей причина сокрыта, а следствие явно,—
Это кажется нам сугубо достойно и важно.
Ведомо всем, что искусству врачей пособляют каменья
Из человеческих тел изгонять зловредные хвори;
Ведомо также и то, что каменья бывают причиной
Всяческих благ, дающихся тем, кто должно их носит.
Пусть никого не дивит — сомнение здесь неуместно,—
Что в драгоценных камнях волшебная кроется сила:
В травах сила ведь есть, а в камнях она только мощнее».

«Следует также упомянуть Матвея из Вандома, поэта и теоретика литературы, любителя мифологии, черпавшего свои сюжеты из Вергилия, Овидия и Стация (все — линии № 5—6). Его «Гермафродита» Полициано перевел на греческий в 1494 году, а филологи нового времени долго принимали это стихотворение за подлинное произведение античности»,— все это пишет С. Аверинцев в Истории всемирной литературы. А мы вспомним еще и Алана из Лилля (умер в 1202 году). Его аллегоризм, сложные построения тоже «зантересовали итальянских поэтов», но только с наступлением эпохи Возрождения, в XV веке.

Нам приходится датировать творчество этих авторов, как и византийских, по «византийской» волне синусоиды, поскольку подтверждается серьезная параллель между хронологией Европы и Византии. Впрочем, если понимать, что Западная Европа была частью империи, это нас не удивит.

Что же это такое было, Византия XII века? Следующим исследователям придется «собирать» ее по кусочкам, ведь в традиционной истории догматическое христианство этого государства «передано» в V—VI века, а светская литература для него «позаимствована» у XIV века, причем события, описываемые этой литературой, стараниями историков подарены «древним грекам» XIII века до н. э.

Иоанн Цец (1110 — после 1180), «События гомеровского времени»:

К мрачному Кроносу Ночь удалиться еще не успела,—
Раннего утра Заря, дочь Зевса, блеснула на кровлях.
Гелиос славный в сияньи лучей из-за моря поднялся;
Силою гордый своей, всем блаженным бессмертным светил он,
Пир окончив в чертогах морских Посейдона-владыки.
Радость, веселье объяло богов, увидевших Солнце.
Тотчас проснулся Приам, из смертных самый несчастный;
С пыльной земли поднялся, где сморил его сон ненадолго,
Слезы когда проливал он о Гекторе, гордости Трои.
Молвил Приам, что отправится к мужу, убившему сына:
Старца седого душа преисполнилась смелой отвагой
Голову Гектора либо отнять у мужеубийцы,
Либо погибель найти себе от руки Эакида.
Трои сыны удерживать в городе стали Приама;
Только увидев в небе орла, летящего справа,
Двинуться в путь разрешили; впрягли они мулов в повозку
И положили в нее за голову Гектора выкуп:
Много нарядных уборов и золота десять талантов.
Вот и засовы с троянских ворот городских они сняли.

С воплем вперед устремился народ, обгоняя Приама.
После того, как толпа ко рву приблизилась с криком,
Тотчас же силой Приам оттеснил ее к башням троянским;
Только Идея оставил себе, погонщика мулов.
С думой тяжелой Приам, обессиленный телом и духом,
Прахом посыпав главу в знак страданья и скорби глубокой,
Пешим шел по тропе, убиваясь тоской безысходной.
Царская дочь Поликсена, прекрасная, славная видом,
Путь совершала с отцом, держась за правую руку.
Следом за девушкой шла Андромаха, льющая слезы;
Двое малюток ее за рукав ухватили, рыдая:
Астианакт, Лаодам, рождены от Гектора оба.
Так, наконец, добрались до шатров и палаток ахейцев.
Стали аргивян они умолять, припадая к стопам их,
Пусть Эакид согласится принять за Гектора выкуп.
Старцы-цари порешили созвать самых знатных ахейцев;
Всех, кто прибыл из Трои, ввели в палатку Пелида.
Только он их увидал, распростертых у ног и рыдавших,
Жалостью сжалось в груди железное сердце Ахилла.
Не поднимаясь с земли, обратился Приам к нему первым:
«О могучий Пелид! Укроти гневный дух свой великий!
Или побойся небесных богов: всех и все они видят!
Старость мою пощади, над моими сединами сжалься!
О, пожалей старика, из смертных я самый несчастный!
Лучше возьми и убей пятьдесят сыновей моих храбрых,
Мне они меньше милы, чем славный, божественный Гектор!
Слезно молю — прими за мертвого Гектора выкуп!
Сына нежные члены не брось на съеденье собакам.
В руки мне тело отдай, привезу его в Трою оплакать».
Так говорил Эакиду Приам, потомок Дардана.
После него жена конеборца, стяжавшего славу,
Громкий стон испустив, рыдая, безудержно плача,
Голову низко склонив и лицо красивое спрятав,
К мужеубийце с мольбой обратилась и так говорила
Злому, жестокому мужу, рыданьями речь прерывая:
«Великодушный Ахилл, по облику схожий с богами!
Деток-сироток моих пожалей и меня, о, владыка!
Славой троянцев был их отец, тобою сраженный.
Сжалься, молю, надо мной, горемычной из женщин, которой
Воля небесных богов судила печаль и страданья!
Громкие стоны мои и рыданья потомки услышат.
Но, так страдая, зачем говорю тебе это, владыка?
Сжалься, молю, надо мной, хоть я тебе враг ненавистный!
Гектора тело отдай, его опущу я в гробницу!
Братьев моих семерых ты убил и отца дорогого,
Но с них доспехов не снял, а земле их предал с оружьем,
Выкупа даже не взяв, проявил геройскую доблесть.

Вот и сейчас покажи ее нам, предводитель ахейцев!
Гектора тело отдай его детям, дары приносящим,
Чтобы в земле погребли и курган огромный воздвигли,—
Памятник доблестной славы твоей потомкам оставив».
Так говорила с мольбой благородная дочь Этиона.
Гектора дети прекрасные, славные плакали горько,
Видя, как слезы мольбы у милой их матери льются:
Вспомнили дети отца, услыхав его славное имя.
Слезы ручьями текли из очей детей малолетних;
Жесткое сердце и ум Эакида они покорили.
Глядя на них, пожалел он несчастных и гнев укротил свой:
Слезы детей родовитых смягчили жестокого мужа.
Щеки его то краснели, то белыми вдруг становились.
Слезы же он затаил: глаза оставались сухими.
Так ведь бывает порой, что на солнце, светящее в небе,
Тучи нежданно найдут из нижнего слоя эфира,
Мраком покроют густым и погасят сиянье светила:
Бледный виднеется лик сквозь гремящие темные тучи;
Льются потоки дождя на железно-твердую землю.
Ветра же сильный порыв усмиряет вдруг ливень бурлящий.
Видимо, было таким бледно-желтым и сердце Ахилла.
С лилией схожие очи его смотрели сурово.
Душу терзала печаль — печаль о судьбе Гекторидов.
Все-таки слезы, готовые хлынуть из глаз Эакида,
Сдержаны были усилием воли и разумом мужа:
Их незаметно таил в глубине очей своих ясных.
А Поликсена, в хитон одетая мягкий, сказала,
Стройные ноги свои скрывая в складках одежды:
«Сжалься над нами, Ахилл, и нрав усмири свой жестокий!
Старца помилуй, отца моего, убитого горем!
Царь он, а жалостно так к стопам твоим припадает.
О, пожалей его дрожащие старые члены!
Гектора, славного сына Приама, отдай нам за выкуп.
Выкуп возьми за него и меня в придачу рабыней:
Буду в шатрах у тебя с другими служанками вместе».
Кротко промолвила так Поликсена с печалью на сердце.
Жалко их стало Ахиллу, и за руку взял он Приама;
Старца усаживать стал, тихонько плача при этом.
Долго его утешал, уговаривал яства отведать;
И согласился Приам против воли принять угощенье.
Вот вкруг широких столов понесли всевозможные яства.
В это время Ахилл из шатра стремительно вышел,
Злато с повозки он снял, серебро — за Гектора выкуп;
Все остальное отдал Поликсене,— пусть в Трою увозит,
Память храня о помолвке своей с великим Ахиллом:
Не было даже мысли в уме, что до свадьбы погибнет
Сам он, а деву меч поразит на его же могиле.

Все завершив и Гектора тело взвалив на повозку,
«Сколько же дней нам в бой не вступать?» —
вопросил он Приама:
Гектора чтобы оплакать смогли безопасно троянцы.
Старца услышав ответ и дав ему обещанья,
Быстро в палатку к себе возвратился Ахилл несравненный.
Путники, громко стеная, направились к городу Трое.

Ренессанс XII века мы наблюдаем во всей Европе и на востоке, и на западе. А с учетом каролингского, оттоновского и македонского возрождений, произошедших еще до XII века, а также палеологовского возрождения обнаруживаем, что вся история Средневековья не есть история в смысле эволюционного развития общества и государства, культуры и религии, искусства и литературы, а — непрерывная череда «возрождений», плавно перетекающих одно в другое. Причем этой череде «возрождений» предшествовала череда «падений», произошедших после блистательного периода «древнего» развития тех же самых категорий: государства, культуры, литературы, правил общежития, мифов:

Иоанн Сольсберийский (XII век, Англия). «Поликратик»:

«Об охоте, ее происхождении, ее видах и практике, допустимой и недопустимой.

Фиванцы первые, если верить истории, решили, что о ней нужно сообщить всем. В частности, это они составили правила этого промысла или, вернее, этого зла, отчего все стали смотреть на них с подозрением как на народ, опозоренный отцеубийствами, оскверненный кровосмешением, отмеченный печатью лжи и вероломства. Свои правила они передали затем народу изнеженному и слабосильному, ветреному и нескромному — я говорю о фригийцах. Фиванцы не были в чести у афинян и спартанцев, народов достойных, у которых тайны природы и таинства обычаев облачены были в нарядный покров исторических и басносновных деяний; эти сказки к тому же служили полезной цели, предостерегая от пороков и доставляя наслаждение своей поэтической прелестью.

Так, они рассказывают об охотнике-дарданце, который был похищен орлом на небо, где сначала служил Юпитеру как виночерпий, а потом для недозволенных и неестественных любовных ласк. И это совершенно естественно, поскольку крылатым созданиям присуща ветреность, а наслаждение, не знающее умеренности, не краснеет, предаваясь похоти с кем попало».

Вот еще мнения литературоведов, которые расскажут о параллелях между древностью и Средневековьем лучше нас:

«Иоанн Цец являет собой в XII в. несколько устаревший к этому времени тип эрудита, каким его знала еще эпоха Фотия, Арефы, Константина Багрянородного (905—959 годы, линия № 6)».

«Евстафий Солунский еще в XII в. дошел в своей филологической работе до введения конъектур, т. е. до научной текстологии; а дальнейшее расширение текстологической и комментаторской деятельности было осуществлено Димитрием Триклинием (1 пол. XIV в.) и другими учеными палеологовской эпохи».

«Эпоха Палеологов создала свой гуманизм, в определенных отношениях аналогичный гуманизму Ренессанса (можно отметить культ классической древности — в одном, правда исключительном, случае Плифона...)».

«Эта страсть к платоновским словечкам, тонко подмеченная Николаем Кавасилой, представляет параллель не менее безудержному культу лексики Цицерона у западных гуманистов» (Цицерон относится к линии № 4—5).

«Линию Феодора Продрома продолжает в XIV в. поэт из Эфеса Мануил Фил».

Можно еще отметить опубликованное сочинение XII века под поразительным названием: «Драматическое сочинение, по Еврипиду излагающее, нас ради совершившееся воплощение и спасительное страдание господа нашего Иисуса Христа» (исторический Еврипид и евангельский Иисус принадлежат одной линии № 5). В общем, литературоведам все давно известно, но они продолжают дурачить доверчивого читателя. Не пора ли им отказаться от негодной хронологии, дабы создать подлинную историю литературы? Пусть историки ориентируются на выводы литературоведов, а не наоборот.

В книге «Памятники византийской литературы IX—XIV веков» сказано:

«То, что греки XIV в. воспринимали воспетую Гомером троянскую легенду через западные подражания Диктису и Даресу, в высшей степени неожиданно, но по сути дела вполне понятно: время требовало такого прочтения легенды, которое соответствовало бы феодальному стилю жизневосприятия — а в этом «франки» опередили византийцев». Но ведь так можно объяснить вообще все, что угодно! Ну вот, требовало время «такого прочтения», и все тут!

Дарес Фригиец и Диктис из Крита — средневековые авторы, видимо, современники Бенуа де Сент-Мора, написав-

шего «Роман о Трое» в 1160 году. А проблема в том, что в XIV веке византийцы описывали Троянскую войну уже не так, как Иоанн Цец в XII, и это сбивает литературоведов с толку. Например, они отмечают, что Константин Гермониак «уснастил свою Илиаду самыми колоритными анахронизмами (например, Ахилл предводительствует, кроме мирмидонян, еще болгарами и венграми!)». Вот почему они считают, что византийцы в своих описаниях идут вслед за французами. Мы же обнаружили, что XII и XIV века по «византийской» волне — одно и то же время и что проблемы здесь нет; просто у одних авторов литературоведы находят меньше «анахронизмов», а у других больше, и делают из этого свои странные выводы. Причем они сами следуют за традиционной историей, вместе с ее хронологией, а потому, читая их «откровения», часто невозможно понять, кто кому и почему «следует».

О работах XIV века, неправомерно попавших в XII век, поговорили достаточно, и для сравнения стиля приведем здесь произведения неизвестных авторов реального XIV века. Именно к этому времени относят, например, «Ахиллеиду», хоть она и выполнена, говорят, как стилизация «под античность», то есть под XII век.

Ахиллеида (XIV век), «Письмо Ахилла Поликсене»:

...И вот он деве написал любовную записку,
Призвал к себе кормилицу и с ней послал записку,
И речи этой грамоты гласили слово в слово:
«Пишу письмо любовное, пишу, а сам тоскую.
Возьми письмо, прочти письмо, не отвергай признанья.
Услышь, о дева милая, услышь, цветок желанный:
Меня и стрелы не берут, и меч меня не ранит,
Но очи ранили твои, в полон меня забрали.—
Да, твой зрачок в конец смутил несчастный мой рассудок,
И сделал он меня рабом, рабом порабощенным.
О сжалься же, красавица, любезная девица,
Ведь сам Эрот — заступник мой, любви моей предстатель.
Не убивай меня, краса, своей гордыней лютой,
Пойми печаль, прими любовь, смягчи мои терзанья,
На сердце мне росу пролей — оно пылать устало!
Но если ты не сжалишься, не тронешься любовью,
Схвачу я меч и сам себя без жалости зарежу,
Клянусь тебе, владычица,— и ты виною будешь».
Вот он незамедлительно послал письмо девице,
Она же, в руки получив Ахиллово писанье,
Не сжалилась, не тронулась, любви не сострадала,

Но села и, не мешкая, ответ свой написала,
И речи этой грамоты гласили слово в слово:
«Мой господин, письмо твое мне передали в руки,
Но отчего ты так скорбишь, я, право же, не знаю.
Коль скоро мучают тебя, в полон поймав, Эроты,
Ты их и должен попросить, любезный, о пощаде.
А мне и вовсе дела нет до всяких там Эротов;
Любви меня не одолеть, Эротам не осилить,
Не знаю стрел Эротовых, не знаю мук любовных.
А ты, уж если боль твоя взаправду нестерпима,
Один изволь убить себя, один прощайся с жизнью!»

Безымянный (XIV век), из «Романа о Каллимахе и Хосрое»:

«Посередине потолка — но и сказать мне жутко —
На волосах висела там девица одиноко —
Трепещет сердце у меня, душа трепещет в страхе —
На волосах — увы, судьбы неслыханная воля —
На волосах висела там девица — я смолкаю,
Да, я смолкаю, но пишу, а сердце замирает —
На волосах висела там красавица-девица.
И только на нее взглянул тут младший из трех братьев,
Как младший этот, Каллимах, красот всех воплощенье
И смелости, и мужества, и доблести, и силы,
Остолбенел и тотчас же он замер, словно камень.
Смотрел лишь на нее одну, стоял и все смотрел он.
Как будто и она была на потолке картиной.
Всю душу красотой своей могла она похитить:
Умолкнувший немел язык, и замирало сердце.
Налюбоваться он не мог чудесной этой девой,
На красоту ее смотря и женственную прелесть.
Стоял, смотрел, не говоря, души в груди не чуя,
Стоял, смотрел, и сердце в нем двояко поражалось —
Очарованьем красоты и чувством состраданья;
Молчал, а из груди его лишь стоны вырывались».

«Ответ печальный юноше, девицей этой данный»:

«Она же с горестной мольбой, отчаяньем томима,
Вздохнув уныло, языком, запекшимся от муки,
Ему сказала: «Кто ты, друг? Откуда ты явился?
Когда не призрак только ты в обличье человека,
Ты мужествен, разумен иль ты глуп и безнадежен?
Кто ты и почему молчишь, стоишь и только смотришь?
Коль ты моею злой судьбой мне на мученье послан,
Так не щади меня и мучь, коль ты ее приспешник:
На муки отдано мое, как сам ты видишь, тело.

А коль мучениям моим ты сострадаешь, видно,
И коль завистница судьба пресытилась моими
Страданьями, которыми меня она давно терзает,
И нынче в утешенье мне тебя сюда послала,
Чтоб ты освободил меня от всех моих терзаний,
То я благодарю судьбу: убей меня, прикончи!
Но если ты пришел сюда, хоть это невозможно
Да и бессмысленно совсем, чтобы меня утешить,
Скажи хоть слово! Что молчишь? Пускай передохну я.
Драконово жилище здесь, обитель людоеда.
Не слышишь разве грома ты, не видишь разве молний?
Идет сюда он! Что стоишь? Идет, беги скорее,
Укройся! Ведь силен дракон, отродье людоеда.
Коль утаишься, то в живых останешься, быть может.
Серебряную видишь ты, там, в стороне, лоханку?
Прикройся ею, под нее подлезь ты и упрячься
И, может статься, ускользнешь от жадного дракона.
Беги же, спрячься там, молчи: вот он уже подходит!»
Последовал совету он и внял словам разумным
Девицы той, которая на волосах висела,
Не медля, под лохань подлез, и ею он укрылся».

Следует пояснить, что авторы XIV—XV веков обращаются не только к античной (греческой) классике, но и к местной национальной. Пишут разнообразные произведения в средневековом стиле — рыцарские романы «под XII—XIII век», например. Все это получилось из-за того, что после чумы 1308—1349 годов возникла потребность в восстановлении культуры. Многие «античные» произведения XIII века действительно относятся к этому веку — какие-то находили, какие-то восстанавливали по памяти. Отсюда и началась путаница с историей и хронологией. Причем интересно, что сама по себе тенденция обращения к своей средневековой классике носит не региональный европейский, а мировой характер, ведь то же самое мы видим в литературе Индии и Китая, только с некоторым «запозданием».

В этих странах XV—XVI века ознаменованы творчеством многих выдающихся поэтов, которые, как полагают специалисты по литературе, выступали носителями гуманистического идеала, имеющего определенные аналогии с идеалами гуманистов европейского Возрождения. Но «идейный материал», на который опиралось творчество поэтов Индии (сообщают литературоведы), «был почерпнут как в индийской античности, так и в народной культуре Средневековья».

Е. Паевская пишет: «Одним из наиболее ярких выразителей в индийской поэзии гуманистических идеалов, в известной мере напоминающих **предвозрожденческие** устремления на Западе, был Кабир (1440?—1518?)»... Или: «Творчество Мукундорама Чакроборта своим гуманизмом, свободой обращения с традиционными, в том числе религиозными, догматами имеет много общего с другими произведениями индийской литературы XV—XVI вв., и это свидетельствует, что в историколитературном развитии Индии появились тенденции, которые при всей своей специфике перекликались с некоторыми особенностями литературного процесса в Европе того же времени».

И Конрад тоже пишет о таких процессах в китайской литературе:

«Определенный застой в изящной прозе приводил к очередной (послетанской эпохе) волне движения за возврат к древности (линия № 7) в Китае в XV—XVI вв. Сторонники этого движения (семь мудрецов) выступали за стилевые нормы III в. до н. э. — III в. н. э. в прозе и танской поэзии в стихотворном творчестве.

Им вторили и представители «второй семерки», которые считали, что в произведении не должно быть ни одного слова, появившегося после III в. н. э. (линия № 6). Однако постепенно даже сторонники «возврата к древности» отходят от своих жестких позиций. Се Цинь (1495—1575), например, провозглашает, что «литература изменяется вслед за эпохой» и стоит не за слепое подражание образцам, а за то, чтобы, используя древних, создавать собственный стиль».

Во всем этом нетрудно увидеть параллели и с борьбой за «чистоту латыни» в средневековой Европе, и обращение к национальной классике конца XIII — начала XIV века в «каролингской» Академии.

«В XV—XVI вв. (линии № 7—8) определенный, хотя и гораздо меньший интерес к китайской литературной новелле проявляется и в Японии, где в это время создается интересная обработка новеллы Бо Син-цзяна (IX в., линия № 7) «Жизнеописание красавицы Ли».

Вообще же литература Японии, Кореи, Вьетнама в это время больше ориентировалась на поэзию и прозу эпохи Тан (VII—X вв.), чем на современную писателям литературу Китая».

Итак, литераторы окружающих Китай стран в XV—XVI веках брали за образец не творчество современных им китайских писателей, а творчество китайцев 600—900-летней давности!!! Опять, в который уже раз хочется спросить историков и прочих специалистов, которые слепо верят «историческим» благоглупостям: вы, господа, представляете себе, что такое ДЕВЯТЬСОТ лет?

В XVI веке версия Скалигера была передовой: начиная от «Сотворения Мира» и до своего времени он протянул «событийную цепочку». В XIX веке передовой была теория Чарльза Дарвина, который протянул «цепочку» к современности аж от доисторической обезьяны. Но «цепочка» эта была слишком проста: освоение огня, речи, палки. В умах же наших современников эти две теории слились воедино, что дало катастрофический результат: всеобщую убежденность, что на *освоение* простейшего приема (или трудовой операции) нужны были миллионы лет. На самом же деле, если прием появился (был изобретен), то на *освоение* его всеми народами может не понадобиться даже двух десятков лет.

Традиционные представления о человеческих способностях — как они были проявлены в рамках традиционной истории — заставляют предположить, что для развития компьютерной техники и повсеместного освоения компьютерной грамотности потребуются десятки тысяч лет. Но подобного не произошло. Подумайте об этом.

Культурный переворот XIII века

Понятие «религиозная колонизация» неприменимо к эпохе Крестовых походов. Но и понятие «империя» к государствам — участникам походов можно применять лишь с большими оговорками. Настоящего единства и государственной целостности ни в Византии, ни тем более в Священной Римской империи германской нации не было, каждый правитель обладал значительной самостоятельностью; именно такую ситуацию мы видим и в «античной» истории.

У латинян только в XIII веке, и, возможно, не без влияния византийской модели, с которой европейцы смогли ознакомиться во время Крестовых походов, появляется сама идея безоговорочного подчинения цезарю или императору, а повсеместно она утверждается значительно позже. В Византии же эту идею «отработали» раньше, а к XIII веку большинство региональных руководителей (в Багдаде, в Египте) вели самостоятельную политику. Поэтому называть участников событий «франки», «греки» или «арабы» в принципе неправильно; следовало бы говорить «Боэмунд VI» или «Нур ад-Дин» сделал то-то и то-то. А делали они то, чего

требовали обстоятельства. Например, Э. Лависс и А. Рамбо пишут о Фридрихе II:

«...Где бы мы ни наблюдали его — в Германии или Италии,— не только его политика, но и принципы его правления до такой степени изменчивы, что в одном месте он оставляет феодальный строй в полной силе, тогда как в другом организует королевскую власть в наиболее абсолютной форме, какую когда-либо видела Европа».

Политическая картина этого времени, определяющая для каждого отдельного владыки его «обстоятельства», вполне ясна. Если же рассматривать эпоху укрупненно, без деталей, то обнаружим, что против франков (всех западноевропейцев) выступали и греки, и турки, и армяне, и сирийцы. В то же время составился франко-византийский союз, направленный против Египта.

В «Истории Крестовых походов» Дж. Филлипс пишет:

«Греки привыкли жить в обществе, в котором все свободные люди подчинялись единому закону независимо от социального или экономического положения. Латиняне же практиковали «классовый подход» — для знатных людей, для горожан и для крестьян законы были разными».

На первый взгляд, греки жили при демократии. Но подчинение единому закону в Византийской империи — это не демократия. Она в какой-то степени пришла сюда как раз с приходом франков. Что мы и видим, читая книгу Филлипса:

«Довольно скоро, впрочем, различия между завоевателями и завоеванными стали стираться... С 1262 года имеются свидетельства о посвящении греков в рыцари, что говорит о включении архонтов во франкскую иерархию. У местных жителей и у завоевателей возникали общие интересы, что помогало компенсировать численную слабость франков при нападении враждебного государства с севера и греков Малой Азии и Эпира. Включение в франкскую феодальную систему улучшало положение греков (может быть, именно этим объясняется тот факт, что жители оккупированной Византии очень редко восставали против завоевателей)».

Захват Византии латинянами в XIII веке с неизбежностью принес политико-экономические перемены, хотя бы на некоторых ее землях,— ведь империя была разбита на куски. Но чтобы оценивать эти перемены и вообще выстраивать исторические концепции, надо учитывать всю противоречивость сведений, имеющихся об этом времени. Когда это сделали Э. Лависс и А. Рамбо, Византия предстала вот в каком виде:

«Кроме крестьян, более или менее прикрепленных к земле, существовали настоящие рабы, состоящие из пленных латинян и восточных славян, подобно тому, как в мусульманских странах работорговля пополнялась латино-греческими пленными, а в латинских странах (например, в Венеции) — восточными или греческими пленниками. Работорговля пополнялась также из-за добровольного перехода в рабство (люди продавали себя за три обола, говорит Киннам) и продажи детей их родителями».

Также, говоря об императорском дворе, они сообщают, что очевидцы явно не замечали особой разницы между византийцами, монголами и турками: «Иногда кажется, что видишь перед собой двор какого-нибудь Тамерлана или Селима Жестокого, а не двор христианского императора».

Но как бы там ни было, XIII век принес на византийские земли определенные перемены. Для нас тут прежде всего важно, что эти перемены (начиная еще с XII века) стимулировали развитие искусства:

«Период спокойствия позволил знатным сеньорам развлекаться турнирами и охотой. Стены их дворцов украшали прекрасные фрески, которые, к сожалению, в большинстве своем не дожили до сегодняшнего дня».

Напомним читателю, что Иерусалимское королевство существовало 100 лет, Константинополем латиняне владели 57 лет (с 1204 до 1261), на Балканах и островах греческого архипелага продержались четверть тысячелетия — ровно столько, сколько «татаро-монголы» в России. Так что на занятия искусством время было:

«Примечательно, что крестоносцы, прибывшие в Святую Землю, стали заказывать предметы искусства, не походившие на те, к которым они привыкли на родине. Перемены вкуса были, видимо, вызваны новым окружением, в которое они попали, и той особой ролью, которую это искусство должно было играть. В результате возникла богатая и многонациональная социально-религиозная художественная среда, созданная художниками и меценатами из разных стран» (Я. Фолда).

Такая же культурная ситуация сложилась на всех захваченных землях. Крестоносцев больше не устраивали европейские жонглеры, они хотели — и получили — большего, то есть всего того, что дает связь искусства и литературы с государственной идеологией.

Поскольку это времена, более близкие к нам, чем «Греция Перикла», постольку следовало бы ожидать, что образцы этого искусства сохранились. Но!

«Нам известно, что в Латинской империи, состоявшей из Константинополя и франкской Греции, строилось много замков, но мало что сохранилось от церковной живописи и скульптуры. Открытым остается вопрос, развивались ли в империи книжная миниатюра и иконопись».

Применение удивительной скалигеровской хронологии привело к тому, что от минус V века памятников культуры осталось больше, чем от эпохи Крестовых походов. Причем все же сохранившиеся фрески XIII века мало чем отличаются от римских росписей IV века, и нам остается только отметить, что все упомянутые здесь века находятся на одной линии № 5.

Историки, отмечая, что искусство БЫЛО здесь в XII—XIII веках, не могут найти его образцов! Откуда же они о нем знают? Понятно откуда: из записей очевидцев. Искусствовед Я. Фолда пишет:

«...То многонациональное, многокультурное искусство крестоносцев, процветавшее в поселениях на сирийском и палестинском побережье и особенно в Иерусалимском королевстве, уже нигде не воскресало с прежней силой. Латинский Восток продолжал существовать после 1291 года, хотя и в совершенно других условиях, но искусство крестоносцев умерло».

Да просто оно в последующих веках «трансформировалось» в античное! Между тем Я. Фолда продолжает:

«В итоге оказалось, что крестоносцы не смогли достичь целей, которые поставил перед ними в 1095 году Урбан II. Но они создали великолепное искусство, которое осталось жить в веках».

Так умерло искусство крестоносцев, или осталось жить в веках? Показать нам, что же «осталось жить», кроме некоторых мозаик, у историков никак не получается. Вот пример того, что они сами не могут разобраться в своей хронологии.

Мы приводили уже примеры, ЧТО ИМЕННО увидели здесь крестоносцы. Чудные статуи на площадях и улицах, «все из меди, сделанные так хорошо и естественно»... «Вот Беллефон верхом на раскрывшем крылья Пегасе; вот Геркулес великого ваятеля Лизимаха в своей львиной шкуре; вот сфинксы с берегов Нила...»

С. Лучицкая пишет в статье «Мусульманские идолы»:

«Читателя, перелистывающего страницы хроник Первого крестового похода, не может не поразить странное описание мусульманских мечетей, в которых, по словам хронистов, можно было видеть огромного размера статуи Мухаммада, инкрустированные золотом и серебром.

Стены мечетей были покрыты серебром, а на троне возвышалась серебряная инкрустированная золотом статуя, закутанная в пурпурные ткани и осыпанная драгоценными камнями...»

Иоанн Дамаскин в своем сочинении «О ересях» первой половины VII века называл мусульман идолопоклонниками. Писатель Никита Византийский (IX век) отмечает, что мусульмане в Мекке поклонялись идолу, сделанному по образцу статуи Венеры.

Однако, по мнению С. Лучицкой, всего этого не может быть, потому что этого не может быть. Мы уже высказывали наше мнение, что документы для историков, если только они не подтверждают их концепций, ничего не значат, и их надо если не скрыть, то хотя бы дискредитировать или объявить фальсификатами.

По нашей же версии XI — первая половина XIII века и есть эпоха античности, смешения верований и культур, зарождения мировых религий, и ничего нет удивительного в том, что крестоносцы видят статую Аполлона, и что статуе поклоняются будущие (будущие!) мусульмане. В то же время в описаниях имеется вполне христианская Троица, Бог-отец, его Сын и Богородица, причем, насколько можно судить, их изображения выполнены весьма художественно.

Приходится нам все время напоминать: человечество едино, история человеческой цивилизации цельна, последовательна и непрерывна. После произошедшего переворота в каком-либо сообществе людей (национальном, религиозном, профессиональном) новые идеи развиваются новыми поколениями при отсутствии старых (ведь люди смертны), но в момент-то самого переворота одно поколение живет и до, и после него. Посмотрим на нашу нынешнюю действительность: коммунисты обернулись антикоммунистами; бывшие замполиты, таскавшие пробравшихся в воинскую часть попов за бороды, целуют крест; спекулянты оказались столпами общества и обсуждают с президентом «перспективы развития»; пролетарии, производители материальных благ, вымирают от нищеты. И всюду натыканы памятники дворянину Ленину, возглавившему в 1917 году пролетарскую революцию.

Если назвать «эпоху развитого социализма» античностью, а то, что мы видим на дворе сегодня,— Средневековьем, то «перестройка» будет в точности соответствовать XIII веку. Мы не даем здесь качественных оценок, то есть не

беремся рассуждать, что лучше, а что хуже. Это не наша тема. Но представьте, что от наших времен сохранилось бы немного свидетельств, а через несколько поколений возникла бы в умах очередных гуманистов мысль, что между «социалистической античностью» и «демократическим средневековьем» прошло несколько сотен лет. Как, в таком случае, стали бы воспринимать историки сообщения о том, что демократы якобы видели памятники Ленину? Они назвали бы такие сообщения фальшивками. И даже придумали бы специальное слово: анахронизм.

В цельной, последовательной и непрерывной истории человечества не может быть анахронизмов. А в традиционной истории, как видим, они есть. Причем в рассматриваемом случае с эпохой Крестовых походов ими изобилуют не только сообщения латинян; у византийцев они имеются в не меньшем количестве. Так, рассказывая о сражении своего отца-императора, Анна Комнина называет и французов, и итальянских норманнов кельтами. И кстати, ни разу не упоминает Иисуса.

Объяснят ли историки традиционной школы, как это понимать? Найдут ли причины, из-за которых рыцарь XIV или XIII века хорошо себе представляет искусство язычников — древних греков и римлян? И почему скульптура средневековой Византии ничем не уступает «древнему» искусству? И почему же теперь мы не имеем образцов этих средневековых статуй?

Конечно, историки найдут, что сказать. Например, объяснят, что упомянутые скульптуры оставались тут со II или III веков до н. э. Право же, нам в это трудно поверить. Разве христиане не уничтожили языческих идолов еще до VIII века, как это утверждается в сочинениях тех же историков? Впрочем, и это утверждение никуда не годится. Никиту Хониата (ум. в 1213) историки считают достоверным византийским писателем. И что же он пишет? Он сообщает, по какой причине греки уничтожали «древних» богов и богинь, и не во времена «раннего христианства» или иконоборства, а во время крестовых войн:

«В промежутке между обеими осадами Константинополя сами греки уничтожили статую Минервы, где богиня была изображена с рукой, простертой на запад: эти гнусные глупцы обвиняли богиню в том, что она призвала латинскую армию».

Такие же соображения можно привести и по поводу литературы. Не только стиль произведений, но даже названия и имена героев говорят о том, что так называемая «античность» — культурное подразделение Средневековья. Например, вот какие рыцарские романы писали в XII веке:

Ламбер ле Тора, «Роман об Александре» (повествуется, как Александр Македонский постигал науку «куртуазно говорить с дамами о любви»). Аноним, «Роман о Фивах». Бенуа де Сент-Мора, «Роман о Трое». Вспомним еще «Роман об Энее» фон Фельдоке, написанный в XIV или даже XV веке. Это — всеобщее поветрие:

«Эпизоды любви Ахилла и Поликсены, Медеи и Язона, трагическая история Трокла и Бризенды — это типичный для средневековой литературы мотив, увлекший вслед за Бенуа по его стопам многих поэтов, до Чосера включительно».

В эти же времена были написаны героические эпосы «Песнь о Роланде» (Франция, XI век), «Песнь о Нибелунгах» (Германия, XII век), «Песнь о моем Сиде» (Испания, XII век, а на деле, позвольте предположить, XIV век). Каковы мнения литературоведов об этих произведениях? С чем они их сравнивают? Исключительно с античной классикой!

«Роланд — типичный для эпоса героический характер, подобно Ахиллу, Гильгамешу и т. п.»

«В «Песне о Роланде» достигнуто понимание диалектики героического характера, не менее глубокое, чем в «Илиаде».

«Изгнание составляет исходную ситуацию в истории эпического Сида, как гнев Ахилла — в «Илиаде».

«Песнь о Нибелунгах» отличается драматически-трагическим характером в отличие от спокойной гармонической эпичности Гомера».

Оказывается, в мировой литературе от Гомера и до XIII века не с чем сравнивать произведения времен Крестовых походов! Но не только латиняне подражали грекам; эти последние вовсю «переделывали» латинских авторов:

«Прозаические и стихотворные греческие переделки французских рыцарских поэм: роман «Имберия и Маргарита» есть перевод поэмы «Пьер Прованский и прекрасная Магэлона» и т. п. Таково же происхождение поэм «Белтандр (Бертран) Римлянин, Старый всадник», «Флорий и Платсиафлора» (Флор и Бланшфлора). Позднее, в XVI в., греческие поэты заимствуют у своих западных товарищей рифму».

Но ведь таким же может быть и происхождение «Илиады»! Кстати выясняется, что до XVI века средневековые греки, точно так же, как и греки античные, не использовали

рифму. Было бы интересно сравнить, чем отличается «Дафнис и Хлоя» от «Флора и Бланшфлора». Впрочем, «Дафнис и Хлоя» — шедевр, а произведений похуже была целая уйма. Все не пересмотришь.

Стены и башни крепостей

В своей «Всеобщей истории» древний римлянин Полибий (ок. 210—128 до н. э.) главное внимание уделил войнам, что дало основание военным историкам назвать его книгу «Военной историей».

«По нашему мнению,— писал он,— необходимейшие части истории те, в которых излагаются последствия событий, сопутствующие им обстоятельства и особенно причины их. Так мы находим, что Антиохова война зарождается из Филипповой, Филиппова из Ганнибаловой, Ганнибалова из Сицилийской, что промежуточные события при всей многочисленности и разнообразии все в совокупности ведут к одной и той же цели».

Полибия принято считать крупнейшим историком античного мира. Историк, по определению, это ученый, изучающий прошлое человечества во всем его многообразии. Как же быть нам, если мы отнюдь не склонны считать, что вся история человечества состоит из войн, сражений и прочего членовредительства? Остается только вдуматься в то, что пишет «крупнейший историк» Полибий:

«История наша начнется по времени с олимпиады сто сороковой, начальным же событием для эллинов будет так называемая союзническая война ... которую предпринял в союзе с ахеянами сын Деметрия и отец Персея Филипп, для жителей Азии война за Койлесирию между Антиохом и Птолемеем Филопатором, для стран Италии и Ливии распря между римлянами и карфагенянами, именуемая обыкновенно Ганнибаловой войной. События эти следуют за теми, о которых повествует сикионец Арат в конце своего сочинения.

Раньше события на земле совершались как бы разрозненно, ибо каждое из них имело свое особое место, особые цели и конец. Начиная же с этого времени история становится как бы одним целым, события в Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и все сводятся к одному концу. Вот почему с этого именно времени мы и начинаем наше изложение».

Так пишет Полибий в начале своей книги. Впечатление такое, будто мы присутствуем при рождении киносериала: нам напоминают содержание предыдущих лент. В то же время один из создателей этого «сериала» откровенно говорит о неудовлетворительности творений предшественников, писали те, дескать, отдельные эпизоды истории про отдельные войны, а цельного сценария «античности», с цепью конфликтов, прологом и эпилогом, создать не смогли. Тут же приведен в пример некий Арат.

«Особенность нашей истории и достойная удивления черта нашего времени состоят в следующем: почти все события мира судьба направила насильственно в одну сторону и подчинила их одной и той же цели; согласно с этим, и нам подобает представить читателям в едином обозрении те пути, какими судьба осуществила великое дело... К тому же никто на нашей памяти не брался за составление всеобщей истории; будь это, я принимался бы за свой труд с гораздо меньшим рвением. Теперь же я вижу, что весьма многие историки описали отдельные войны и некоторые сопровождавшие их события; но насколько, по крайней мере, нам известно, никто даже не пытался исследовать, когда и каким образом началось объединение и устроение всего мира, а равно и то, какими путями осуществилось это дело. Вот почему мне казалось настоятельно необходимым восполнить недостаток и не оставить без рассмотрения прекраснейшее и вместе благотворнейшее деяние судьбы».

По «римской» волне синусоиды время Полибия приходится на линии № 6—7, это в первом траке XV—XVI веков. Что ж, эпоха вполне соответствует заявленной задаче: заняться созданием всеобщей хронологии, подчиненной одной цели и одной идее.

К военной теории, а возможно, и к реальной военной истории сочинение Полибия не имеет никакого отношения. Дело драматурга — прописать конфликты людей (династий, царств) хоть в каком-то антураже. Главное, чтобы чтиво — пьеса, сериал, были интересны читателю. Поиски действительных причин и прочая «наука» таким произведениям просто вредят. Более ранние по сравнению с Полибием авторы в качестве причин то и дело выпускали на сцену богов. Этот автор уже более искушен, так же, как, видимо, и его читатели: он ищет причины, так сказать, материалистического свойства. По его сообщению, в битве при Каннах римляне терпят поражение от карфагенян, потому что ветер нес им пыль в глаза. Понятно, что все сочинение написано человеком, весьма далеким от военного дела.

Нас в истории войн интересуют не «стрелялки-догонялки», а история человеческой мысли, в частности архитектурной. Поэтому обратимся к текстам не сочинителей, а специалистов древности. Хотя для человека XV—XVI веков полководец или архитектор XIV века, несомненно, древний.

Автор «Стратегем» Фронтин жил много позже Полибия, говорят, в I веке, сочетая военную деятельность с творческой работой. По словам Е. А. Разина, он различал четыре вида военных действий: подготовку к бою и создание благоприятной для себя обстановки; ведение боя и обеспечение победы; осаду и оборону крепостей; поддержание в армии дисциплины. Все свои положения Фронтин иллюстрирует историческими примерами, в том числе и из истории Пунических войн. Разин пишет:

«Для успешного штурма крепости Фронтин (интересно: почему-то древних вояк зовут Фронтинами, а строителей Архитами.— *Авт.*) рекомендовал обеспечить внезапность штурма, ввести осажденных в заблуждение в отношении действий наступающих, вызвать предательство в их рядах, создать у осажденных недостаток в припасах, не допустить подхода подкреплений, отвести реки и испортить воду, морально воздействовать на осажденных (внушить, что осада будет длительная, навести страх), ворваться в крепость с той стороны, откуда осажденные не ждут противника, и заманить осажденных в засаду, осуществив притворное отступление».

Видное место отведено обороне и осаде крепостей и в работах военного теоретика IV века Вегеция (например, в «Кратком изложении основ военного дела»). Призывая римлян времен «упадка и разложения» восстановить достижения военного дела республики в императорской армии, он пишет о прежнем опыте:

«...Закладывая фундаменты, древние (без указания дат.— *Авт.*) защищали города выгибами и выступами, и на самых углах они воздвигали очень частые башни с той целью, чтобы, если кто хочет подвинуть лестницы или машины к стене, выстроенной таким способом, их можно было поражать не только по фронту, но и с боков и почти в тыл, захваченных как бы в мешок».

В XV веке существовало не менее 150 списков работы Вегеция, его неоднократно печатали в эпоху Возрождения. Большинство своих положений в трактате «О военном искусстве» Макиавелли (1469—1527) взял у Вегеция. Получается, что в течение всего Средневековья, с IV по XV век, военно-теоретическая мысль не дала миру ничего нового.

Южная стена Московского Кремля. Шатровые верхушки на башнях появились после потери Кремлем значения военно-оборонительного объекта

Поэтому в этой главе мы рассмотрим вопросы фортификации (строительства крепостей) отдельно.

Прежде всего скажем, что в рамках традиционной истории бесполезно искать хоть какую-то эволюционность в развитии фортификационного искусства. Вся разница — в материале: кирпич, дерево, камень. Но ведь понятно, что даже в позднее Средневековье невдалеке от каменного замка богатого олигарха могла стоять деревянная (или земляная) крепостца олигарха бедного.

Стены и башни замков Средневековья по существу не отличались от таковых в древних крепостях, кроме более искусно и архитектурно выработанных деталей (среди которых зубцы, выступные балконы, называвшиеся мушараби — преимущественно над воротами для навесной их обороны, машикули, барбаканы и др.). Так пишет известный специалист-фортификатор В. Яковлев в «Истории крепостей».

Монахи Средних веков были теми же воинами, что и «светские» воины. Их укрепленные монастыри отличались от обычных крепостей только тем, что были несколько

проще,— без цитадели, в которой жил владелец замка и называвшейся донжоном. Да и не только замки феодалов или монастыри, но почти каждый город был в то время крепостью. Здесь применялся принцип последовательной обороны, то есть силы *верхов* (оборонительных строений) увеличивались от наружной ограды к центру. Поэтому «крестоносцы обычно окружали города и ждали случая сразиться с вылазкой обороняющегося противника в открытом поле или нечаянным нападением проникнуть в город»,— пишет В. Яковлев. Хоть и считается, что Готфрид Бульонский в 1099 году взял Иерусалим с помощью подвижных башен, но вообще этого не было в широкой практике.

Крупный шаг в развитии фортификационных форм произошел под влиянием появления огнестрельного оружия. Новое оружие, считает В. Яковлев, появилось раньше всего (в середине XIII века) в Испании, откуда оно перешло к другим европейским народам. А, например, Конде (1621—1686) считал, что бомбарды применялись при осаде Сарагосы в 1118 году.

«В первой половине XV века, с изобретением способа отливки чугуна, появляются чугунные ядра, орудия оказываются установленными на боевые станки (лафеты), заряды делаются увеличенными, повышается меткость стрельбы, увеличиваются калибр самих орудий и численность состава артиллерии. Все это в совокупности уже оказывает существенное влияние на фортификационные формы: взаимодействие фортификации и артиллерии начинает выявляться особенно рельефно»,— пишет В. Яковлев.

Прежде всего пришлось видоизменить прежние башни, чтобы они могли выполнять роль фланкирующих построек, то есть их стали делать с большим выступом вперед, по сравнению со стеной. Такие постройки получили название *ронделей* (от слова rond — круглый). Рондели в отличие от башен не намного возвышались над остальной оградой, чтобы не представлять значительной цели для артиллерии.

Проводником этих идей стал немецкий художник (а также инженер) Альбрехт Дюрер (1471—1528). В 1527 году он издал в Нюрнберге «Руководство к укреплению городов, замков и теснин». Его идеи были настолько здравы, что и спустя сто лет ими пользовались многие инженеры.

Другой инженер и художник — Леонардо да Винчи (1452—1519) работал над усовершенствованием отливки орудий, проектировал *спингарды*, где на одном лафете мон-

Тракайский замок-крепость в Литве. Вид с донжона

тировались 33 бомбарды (из которых 11 стреляли одновременно), и многое другое.

Здесь хочется еще раз подчеркнуть, что дискуссии с историками часто приобретают характер разговора мудреца с младенцем. **Только более культурный народ может победить и подчинить себе другой,** говорим мы. Историки отвечают: для того чтобы побеждать в войнах, не требуется никакой культуры, не нужны художники, писатели, философы и т. п. Нужен только «военный гений» полководца и масса пушечного мяса. Но вот мы видим на примере Дюрера и Леонардо, что не только крепкие мышцы помогали побеждать даже в средневековых войнах.

Изобретение Дюрера — *рондели*, которые он называл *бастеи*, вскоре были преобразованы в *бастионы*, выступы в форме пятиугольника. Длинные куртины[1] первых бастионов (длина их доходила до полукилометра) иногда разделяли вспомогательными, малыми бастионами, расположенны-

[1] *Куртина* — средняя часть бастионного фронта в крепостных укреплениях, соединяющая фланки бастионов.

ми посередине, а для обороны рвов их иногда «изламывали» внутрь и давали им начертание входящего угла.

В 1589 году Даниил Спекле (1536—1589) выпустил в свет труд «Архитектура крепостей». Спекле доказывал, что крепость должна представлять собой многоугольник с большим количеством сторон: чем больше сторон в крепостном многоугольнике, тем укрепление сильнее, потому что *верхи* его будут иметь взаимную поддержку; что острые углы бастионов хуже тупых, и т. п. Надо же учитывать, что артиллерия была и у наступающих, и у обороняющихся.

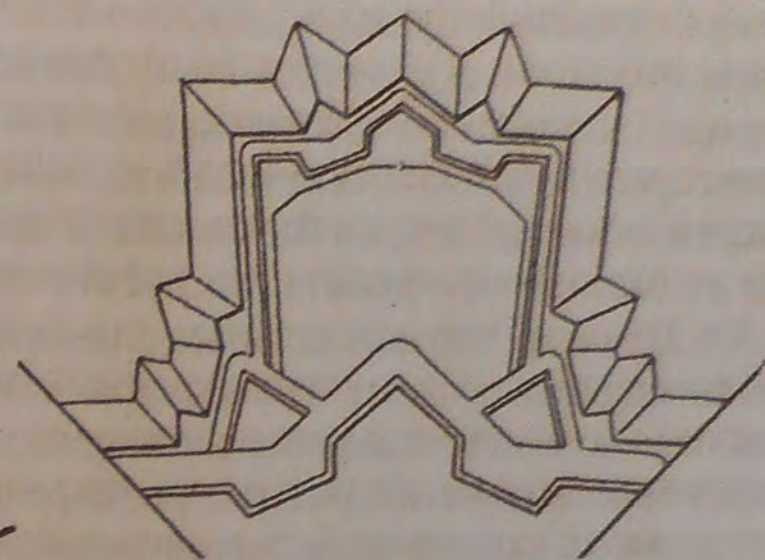
В Голландии из-за высокого уровня грунтовых вод стали применять низкие валы и широкие рвы, возводя массу так называемых вспомогательных построек. Так, впереди бастионного фронта с равелином устраивался *горнверк* (от слова Hornwerk, рогатая постройка) или *кронверк* (kronwerk — увеличивающая постройка). Иногда устанавливались двойные, даже тройные горнверки. Доходило до того, что нидерландцы располагали до семи наружных вспомогательных построек, одна перед другой.

Вспомогательные *верки* имели то значение, что вызывали противника на последовательное овладение ими. А также применялись рвы со шлюзом, чтобы устраивать искусственное наводнение и топить противника.

Во Франции Бар де Дюк в работе «Изложение искусства фортификации», выпущенной в 1594 году, предложил повернуть фланки к куртине под острым углом. Георг Римплер, участвовавший во многих осадах, в 1673 году напечатал труд «Фортификация с бастионами посередине». Идеи Римплера имели в себе зародыш того полигонального начертания с канониром, которое позже предложил в несколько видоизмененной форме французский маркиз Монталамбер.

А теперь вернитесь к словам Вегеция, якобы написанным в IV веке: «...Закладывая фундаменты, **древние** защищали города выгибами и выступами, и на самых углах они воздвигали очень частые башни...» И подумайте, когда это могло быть написано в действительности. Не тогда ли, когда с появлением огнестрельного оружия атакующим следовало отказаться от деревянных подступных машин и заменить их земляными закрытиями, а защищающимся приходилось продумывать результаты артиллерийского и ружейного обстрела как своего собственного, так и противника, и «изламывать» стены своих крепостей?

Горнверк



Кронверк

Возможно, Вегеций был гением и опередил свое время на 100 или 150 лет (не мы датировали его IV веком),— такое предположение можно было бы сделать, если он жил в XIII веке. Но не мог же он «опередить» эволюцию на тысячу лет, предвидя появление артиллерии!.. Впрочем, историков ничем не удивишь. Раз уж древние греки знали радиус Земли и расстояние до Луны, то что там Вегеций с его фортификационными идеями...

Если излагаемые нами и нашими сторонниками версии — это жанр научной фантастики, сайенс-фикшн, как то не раз говорилось нашими оппонентами, то официальную историю следует отнести к жанру фэнтези (Конан-варвар, Атилла, Чингисхан, Александр и т. д., а также и космические пришельцы, при всей своей научной и технической мощи не желающие ничего, кроме как скушать добрых землян).

Процитируем В. Яковлева:

«Если мы обратимся к первобытным крепостям древнего периода, состоявшим из сомкнутой ограды в виде стен и башен, то усмотрим, что здесь главную роль играли именно башни — в качестве сильных безопасных от штурма опорных пунктов. С появлением артиллерии (огнестрельной, а не «древней»! Налицо мгновенный переход историка от первобытности к Средневековью, минуя даже античность, что, впрочем, для историков в порядке вещей.— *Авт.*) башни обратились сначала в бастионы, ограда получила первоначальное бастионное начертание (старая итальянская система); затем это начертание стало совершенствоваться, и в XVII веке получился правиль-

ный бастионный фронт с довольно обширными бастионами; в дальнейшем бастионы отделились от куртины, которая несколько подалась назад. Дальнейшая эволюция крепости заключалась в борьбе с рикошетным артиллерийским огнем Вобана, нанесшим смертельный удар артиллерии, помещавшейся в бастионах... В конце концов, пришлось отказаться от бастионного фронта и перейти к полигональному...

Прежняя куртина осталась для оград, но получила большую длину и фланковую оборону из канонира. В дальнейшем продолжались различные совершенствования оград полигонального начертания, но одновременно возник вопрос и о расширении крепостей выносом вперед отдельных укреплений; такими отдельными укреплениями и явились оторвавшиеся от куртин сомкнутые с горжи (тыльной части) бастионы, образовавшие опорные пункты новой позиции впереди ограды, получившей название фортового пояса.

Таким образом, можно считать, что первообраз фортов — это бастионы, сами преобразовавшиеся из башен».

Вот так развивалось военное искусство, в частности, искусство обороны крепостей! Никто ничего не забывал и не вспоминал вновь спустя тысячу лет. А в предыдущих книгах мы показали, что так было и в живописи, и в скульптуре, и в литературе, и в развитии науки.

Очень показательной нам кажется книга Макиавелли:

«Возвратимся, однако, к городам и крепостям. Для лучшей защиты ворот, а также для облегчения вылазок и обратного вступления войск в крепость французы пользуются еще одним способом, который в Италии, по-моему, еще никогда не применялся: у конца подъемного моста ставятся два столба; посередине каждого из них укреплена подвижная балка, половина которой висит над мостом, а другая половина остается за ним; наружные части подвижных балок соединены мелкими брусьями, образующими решетку, а с внутренней их стороны прикрепляются цепи. Чтобы закрыть мост снаружи, спускают цепь и сбрасывают решетку, которая при падении загораживает вход; наоборот, когда надо открыть мост, цепи подтягивают, поднимают решетку, насколько нужно, чтобы пропустить пехотинца или всадника, а затем сейчас же закрывают ее снова, ибо решетка поднимается и опускается подобно заслонам бойницы.

Это приспособление лучше обыкновенной опускной двери, которая падает прямо, так что ее всегда можно подпереть, между тем как французская решетка спускается не по прямой, и неприятель не может остановить ее движение. Строители крепостей должны соблюдать все эти предписания. Кроме того, на расстоянии одной мили от крепостных стен не должно быть ни пашен, ни построек, дабы кругом была откры-

тая равнина, без единого кустарника, насыпи, дерева или дома, — вообще ничего, что загораживало бы вид и могло бы укрыть подступающего неприятеля. Заметьте, что наружные рвы с насыпями выше уровня местности только ослабляют крепость. Насыпи, с одной стороны, прикрывают подступы осаждающего к укреплениям, а с другой — не останавливают действия осадных орудий, так как легко разрушаются.

Перейдем теперь к описанию внутреннего распорядка крепостей. Не буду много говорить о необходимости иметь в них достаточный запас продовольствия и боевого снаряжения, так как это вещи каждому понятные и без них все прочие меры не нужны. Вообще надо постараться снабдить себя в изобилии и вместе с тем помешать противнику пользоваться средствами страны. Поэтому надо уничтожить все продовольствие, а также весь корм и скот, который нельзя ввезти к себе в крепость. Комендант крепости должен строго следить за сохранением в ней полного порядка и принять все меры к тому, чтобы каждый всегда и во всех случаях знал свои обязанности. Женщины, старики, дети и больные должны сидеть по домам, чтобы не мешать юношам и мужчинам. Гарнизон разделяется на части, расставляемые у стен, ворот и важнейших мест крепости, дабы прекратить всякий начавшийся беспорядок. Некоторые отряды не занимают никаких заранее указанных постов, а держатся наготове, чтобы выступить всюду, куда потребуется.

При таком устройстве беспорядки едва ли возможны вообще. Заметьте себе еще одно важное обстоятельство: при осаде и обороне города неприятель больше всего надеется на успех, если знает, что жители вообще никогда еще не воевали. Как часто бывает, что города сдаются просто со страху, даже не испробовав свои силы. Поэтому осаждающий должен всеми силами стараться как можно больше устрашить население. Осажденный со своей стороны должен поставить на всех угрожаемых пунктах крепких людей, которые могут уступить только оружию, а не молве. Неудача первого приступа укрепит мужество осажденных, и врагу надо тогда надеяться только на свою силу, а не на славу непобедимости.

Для обороны крепостей у древних служили различные орудия — баллисты, онагры, скорпионы, аркобаллисты, пращи. Для осады употреблялись тараны, башни, подвижные щиты, защитные плетни, деревянные подступы, косы, черепахи. Вместо всех этих орудий сейчас действуют пушки, служащие одинаково для осады и для обороны, так что о них можно не говорить».

Обращаем ваше внимание: Макиавелли упоминает «древних» почти в строчку со своими современниками. Разница между «нами» и «древними» только в том, что они применяли для обороны то-то и то-то, а теперь у нас пушки

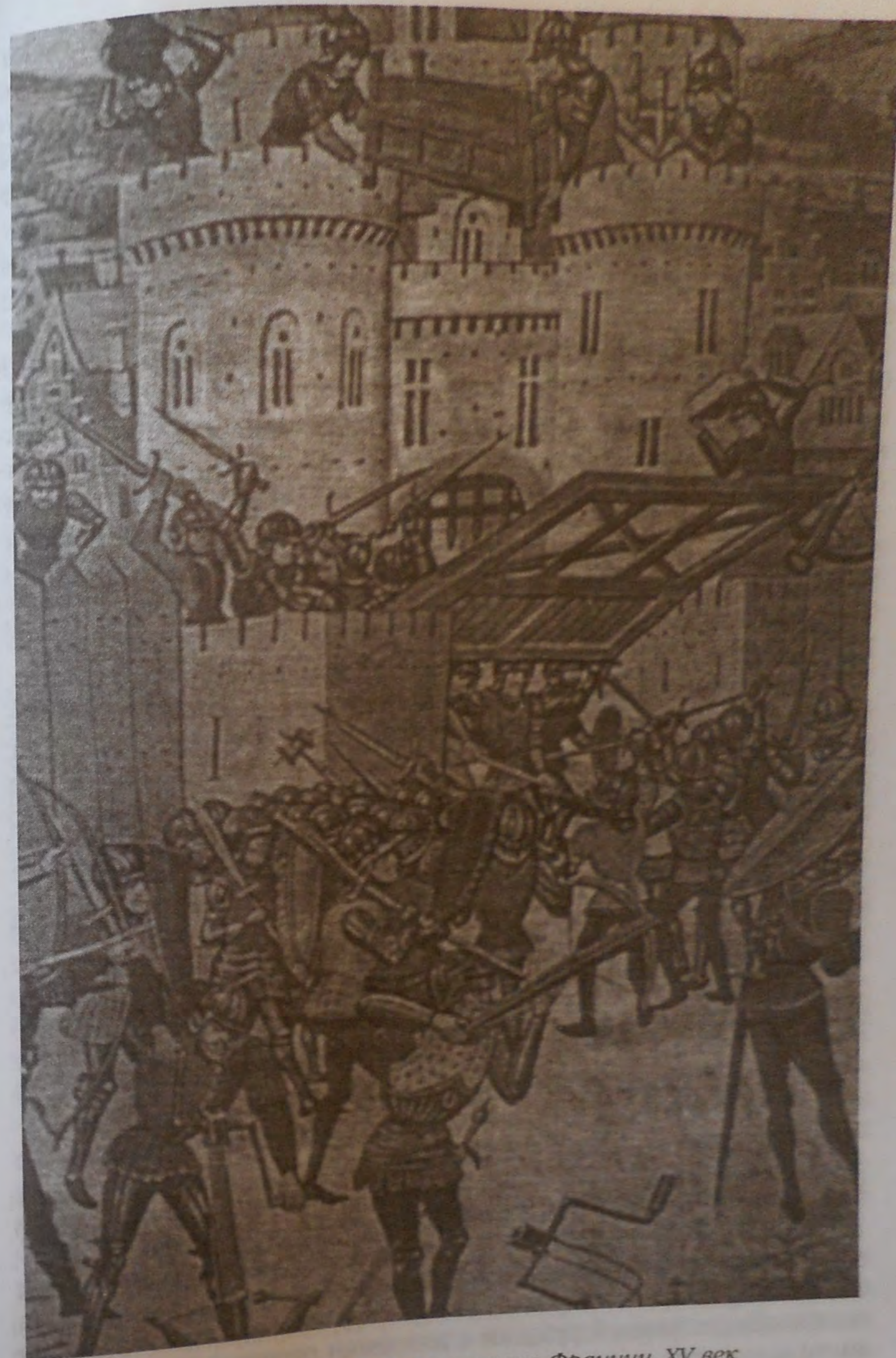
есть. Подозреваем, что в подлиннике эти «древние» обозначены как «античные». Если античность проистекала, как мы доказываем, включительно по XIII век, то понятно, почему Макиавелли в конце XV ссылается на опыт этих «древних». Они для него и впрямь древние. А если понимать античность в традиционном ключе, то это непонятно.

В самом деле. Можете ли вы представить себе, чтобы пилот, только что на сверхзвуковом самолете слетавший на бомбежку какого-нибудь аула на другом континенте, вместо прикидок, что вот, на самолете предыдущего поколения пришлось бы делать две дозаправки, а теперь этого нет, затеял бы сравнение своего самолета, например, с колесницей? Вы бы сочли такого пилота дурачком. Но традиционная история заставляет воспринимать Макиавелли именно таким «дурачком»! И что еще интересно, здесь и дальше Макиавелли ни разу не вспоминает недавние крестоносные войны, в которых участвовали его предки, а говорит все о каких-то посторонних ему антиках. Не очевидно ли, что его предки — и антики, и крестоносцы одновременно?

Примеры из античности, которые далее приводит Макиавелли (хоть и был он, говорят, дилетантом в военном деле), актуальны в его время. Ни он, ни его читатели и не заметили, как прошла тысяча лет! Те же принципы обороны, те же методы нападения. Если мы желаем оставаться в плену традиционной истории, то должны признать, что человечество впало в тысячелетний сон, а потом пробудилось и не заметило никаких перемен. Если же, руководствуясь здравым смыслом, станем отрицать возможность такого «сна», то придется нам распрощаться с традиционной историей.

Скифы-ювелиры

Жили-были на юге нынешней России скифы. По одним данным, были они земледельцами и сеяли хлеб на продажу. По другим, скифы не более как воинственные кочевники-скотоводы. По третьим, промышляли скифы добычей ртути, да так лихо, что даже в Европе ртуть, использовавшуюся для амальгирования золотоносных руд, называли «скифской водой», поскольку поставляли ее на мировой рынок именно скифы. И были эти земледельцы — скотоводы — вояки —



Штурм города на северо-востоке Франции. XV век

промышленники-импортеры жестокими, разгульными и кровожадными людьми... Азиаты, короче, «с раскосыми и жадными очами».

Описания скифской культуры поражают обилием подробностей при полном отсутствии *общего* знания. И самое удивительное, не существует легенд, сказок или былин как самих скифов, так и о них у окружавших их народов. Так откуда же взялись подробности? Из описаний Геродота, не более того!

А есть ли материальные свидетельства жизни скифов? О, да! И еще какие! Кровопийцы и, наверное, людоеды, дикие наездники, охотники за скальпами и черепами оказались искуснейшими ювелирами! Посетите Эрмитаж в Санкт-Петербурге. Там много изделий, датируемых IV веком до нашей эры. Общее название коллекций — «Скифское золото», хотя есть изделия из серебра. Основные экспонаты поступили из Куль-Обского кургана близ Керчи (раскопки 1831 года), Чертомлыцкого кургана близ Никополя (раскопки 1862—1863 годов) и из других курганов Украины и Южной России.

Археологи полагают, что на серебряной вазе из Чертомлыка изображены скифы IV века до нашей эры. Вот скиф стреноживает прирученного коня. На морде коня уздечка с металлическими кольцами, на спине прилажено типичное английское скаковое седло, с одной подпругой и с нагрудником, но без подфея. Седло снабжено стременами. Характерно, что путы не ременные, а веревочные. Грива коня хорошо острижена.

Поражает одежда скифов.

Один стоит, одетый в прекрасного покроя комбинезон; гульфик и трусы прошиты и функционально, и красиво. Второй согнулся возле коня, полы его армяка прошиты двойным швом. Заметно, что обувь стачена на левую и правую ноги отдельно, а ведь это вошло в практику работы сапожников лишь в Новое время.

По поводу этого и других изображений искусствовед М. Скржинская («Скифия глазами эллинов») пишет:

«Края и полы курток, запахивавшиеся друг на друга, оторачивали мехом или выделяли полосой строчки... Особо нарядная куртка имела по два острых клина спереди и сбоку... Куртку с короткими рукавами носили поверх нижней рубашки с длинными рукавами. Иногда куртки имели капюшоны.

В теплое время надевали только шаровары. Их было два типа: более узкие, возможно кожаные, заправляли в сапоги, а более широкие из мягкой шерстяной ткани носили навыпуск. Сапоги из мягкой кожи без твердой подметки завязывали ремешком либо только на голеностопном суставе, либо пропускали еще под сводом ступни...

Женский костюм состоял из свободного длинного платья с глухим воротом и поясом по талии. На платье надевали одеяние, сходное с длинным халатом. Оно не застегивалось и не запахивалось спереди, а его длинные узкие рукава иногда оторачивали мехом. Скифянки носили головные уборы двух типов: колпак с острым верхом и трапециевидную шапку с накинутым на нее покрывалом».

Трудно сказать, насколько верно это описание. Можно сделать вывод, что у сапог скифов имеются каблуки. Можно, вслед за Скржинской, утверждать, что у сапог есть ремешки, но, возможно, это швы. Например, по мнению И. В. Давиденко, у скифа, в одиночку укрощающего коня, сапоги прошиты на подъеме; так кроят обувь в последние 300 лет. Вот вам и «IV век до н. э.»!

В целом же из описания Скржинской со всей непреложностью следует, что скифы — средневековые люди, одетые в средневековую одежду. А ведь ювелир изображал то, что видел. И вот мы понимаем, что перед нами совсем не время людоедов и кровопийц, а время умелых портных, сапожных мастеров, художников, точно отображающих растительный и животный мир планеты.

Ювелиру позировали хорошо одетые пастухи или конюшие какого-нибудь князя или хана. Причем, хоть эти поделки названы «скифским золотом», поскольку найдены они в якобы скифской земле и изображены на них якобы скифы, историки после долгих споров согласились на том, что эти вещицы изготовлены в ювелирных мастерских Греции.

Некоторые из них сделаны из *электрона*, природного сплава золота с серебром. Полагают, что он назван так из-за своего светло-желтого цвета, напоминающего янтарь, который греки также называли электроном. По сравнению с чистым золотом он тверже, прочнее и меньше подвергается износу, особенно при трении.

На электроновой вазе из кургана Куль-Оба тщательно изображены сцены натягивания тетивы и зубодрания. Но ведь рвать зубы тоже научились не так давно! И. В. Давиденко пишет:

«...Стоматологам нужны инструменты. Ах, доверчивые археологи! Неужто не слышали, что Екатерине II рвали зуб опытные врачи, однако выдрали еще и часть челюсти! А уж были стальные щипцы. Где щипцы скифов?»

О «парадной секире» из Келермесского кургана, где металлическое литое изделие имитирует обух и рукоять, И. В. Давиденко пишет, что «делали такие топоры из ПОЛОСОВОГО железа, начиная с XV века, не ранее». На сосуде из Чистых курганов хорошо видна вышивка на комбинезонах скифов. Видно, имели хорошие иглы, шильца и нитки.

Особо примечательна золотая зернь скифов — крохотные золотые шарики, полые, меньше миллиметра в диаметре. Как это можно было сделать до нашей эры, великая тайна истории.

Но вот на знаменитом Золотом гребне мы видим сцену битвы конного и спешенного скифов с латником. Здесь уже на коне ничего, кроме уздечки, нет: ни седла, ни стремян. Но орнамент на поножах латника тот же, что и на штанах комбинезонов из Чистых курганов. И так же прекрасны и натуральны лежащие львы. По мастерству исполнения — XV век, не ранее. И. В. Давиденко предполагает, что ювелиру «подсказали знатоки» о том, что скифы дикари и должны скакать охлюпкой, без седла и стремян. Но может быть и иначе. Ведь на конях и в самом деле ездили охлюпкой, но только избегали так воевать. Возможно, мастер изобразил какой-то действительный случай нападения латника на не готовых к бою воинов, которых называют скифами.

Интересно сопоставить «скифских коньков» из Чертомлыкского кургана с бронзовыми средневековыми поделками из Флоренции. Среди последних имеется «флорентийский конек», почти идентичный половинке золотого «скифского конька», причем скифская работа чище по исполнению, значительно изящнее, чем бронзовые пряжки и застежки Флоренции. А Флоренция — мастерская Европы.

Все это позволяет сделать вывод, что все рассмотренные скифские изделия скорее всего относятся к позднему Средневековью. Но посмотрите, как хорошо защищает исторические догмы Франко Кардини! И английское об одной подпруге скаковое седло с короткими стременами видел, и сложные удила, и обувь, и одежду отнюдь не древнюю, но — выучил наизусть о IV до нашей эры «скифском» веке, и вот, делает «вывод»:

«Скифское золото». Битва. Верхняя часть гребня

«Что касается истории материальной культуры, то должно быть ясно — искусством верховой езды мы обязаны скифам. Сосуд, найденный в Чертомлыкском кургане в районе нижнего течения Днепра и хранящийся ныне в ленинградском Эрмитаже, датируется первым-вторым десятилетием IV в. до н. э. На нем изображены скифы, ухаживающие за лошадьми. Работа мастера столь тщательно передает малейшие подробности, что ее приписали греческим мастерам. Кое-кому даже показалось, что на нем видно не только седло, но и самое раннее изображение стремени, хотя и особого типа: стремя, предназначавшееся лишь для того, чтобы вскочить на коня.

Подобное прочтение чертомлыкской находки давно уже отвергнуто специалистами. Теперь они пришли к выводу, что первое изображение стремян найдено в Индии и относится ко II в. н. э. Нам же хочется лишь подчеркнуть: мастерство скифов, скотоводов и конных воинов,— это неопровержимый исторический факт».

Все здесь перевернуто с ног на голову. Раз УЖЕ дана дата — IV век до н. э., значит, перед нами самое первое изображение стремени. Но поскольку стремени быть не могло, значит, это и не совсем стремя, или даже совсем не стремя, а так, ерунда для посадки на лошадь. Работа ювелира столь хороша, что ее даже приписывали грекам, да вот беда: у гре-

ков традиционной древности даже таких стремян не было. Разумеется, анализа стилей искусства не было и не будет, а «вывод» Кардини прост, как мычание: «мастерство скифов, скотоводов и конных воинов,— это неопровержимый исторический факт». Остается добавить, что святая вера историков в правильность датировок — тоже исторический факт.

Принято думать, что златоносные курганы по южнорусским степям оставили именно скифы, и непременно древние. Как они их «оставляли», прочесть нигде невозможно, зато мы можем легко узнать, как эти курганы были вскрыты. Это очень поучительная история, изложенная в очерке В. Харузиной «На раскопках» («Родник» № 11, 1905). Здесь рассказывается о любительских раскопках небольшого кургана близ рудника в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии. Копали умелые грабари, досматривали краеведы, стихийные археологи. Грабари отмечают, что могилу уже вскрывали и засыпали.

«И вот могила вся очищена от насыпной земли и выметена дочиста веничком. В глинистой почве ее дна лежит костяк. Голова, обращенная к юго-востоку, смотрит вверх; руки вытянуты вдоль стана, ноги же согнуты и приподняты, так что коленями упираются в правую стенку могилы. **Кости ног окрашены в красную краску,** и на дне могилы видны остатки темно-красной краски».

А что, если находки Чартомлыцкого и Куль-Обского курганов — просто клады казачества? Собирали, копили, накануне военного похода тайно закопали в старом кургане, рядом со старым костяком. Не древние же скифы красили красной краской кости скелета! Ведь хоронили тело, а не раскрашенный скелет! И окажется, что если даже останки покойника правильно датированы IV веком до н. э., то золото к тому веку отношения не имеет...

Кто-то использовал старую могилу в более позднее время и метил краской. Казачий общак, *кош* нужно было где-то хранить. Вот кошевой с доверенными выборными товарищами и спрятал кош в старом кургане, благо их многие сотни в южных степях стоят. Закопали, а кости пометили краской. И мчали казаки воевать куда надо и за кого надо. Возможно, гибли, и закопанный кош никто уже найти не мог, если погибли кошевой и доверенные товарищи,— кроме, конечно, грабителей или археологов.

Грабители золотишко продавали и переплавляли, а историки — теории выстраивали. Ах, ах, IV век до нашей эры!

«Скифское золото». Скиф, дрессирующий коня. Фрагмент вазы

«Исторический факт»! А на деле — одно только суеверное отношение к хронологии.

Не зря вопрошает И. В. Давиденко:

«Отчего археологи НЕ ИЗУЧАЮТ СОСТАВ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ РАРИТЕТОВ? Ведь по примесям халькофильных, редких и рассеянных элементов можно определить месторождение, из которого добыли золото и серебро раритетов! Изучаем же мы минералы и горные породы геохимическими методами, не только визуально, на глазок. Узнаем химический состав, примеси, кристаллическую структуру материала, рассчитываем формулу, сравниваем с аналогами-эталонами... Новые минералы экзаменуются на право называться ВИДОМ или РАЗНОВИДНОСТЬЮ... Вот так бы и с археологическими раритетами!»

Эпилог

Недавно вышел очередной сборник из серии «Антифоменко». Физик М. Городецкий и его соавторы по этому сборнику (среди которых даже писатель-фантаст Кир Булычев) занимаются не историческими исследованиями, а доказательством «недобросовестности» основоположника «Новой хронологии» А. Т. Фоменко. По их мнению, с хро-

нологией земных цивилизаций все в порядке. Один из участников сборника, Глеб Бараев, пишет:

«Допустим, что мы не знаем, какую именно дату основания Рима имел в виду Тацит, и имеем разночтения в консульских фастах, не позволяющие использовать их для датировки. Значит ли это, что текст Тацита нельзя привязать к абсолютной временной шкале? Ответ будет отрицательный — данная задача вполне разрешима. Для этого необходимо воспользоваться описанием у Тацита событий, описанных также в других источниках. Например, Тацит пишет о событиях Иудейской войны и осаде Иерусалима. Следовательно, мы можем перейти от Тацита к Иосифу Флавию, у последнего обнаруживаем Понтия Пилата... далее переходим к тому же Евсевию и в результате получаем привязку текста Тацита к летосчислению от Р. Х. После чего текст Тацита к нашим услугам для датировки перечисленных в нем консулов, а также императоров и прочих упомянутых лиц».

Глеб Бараев, видимо, считает, что, поскольку Евсевий - христианский автор, то ему заведомо известна та же дата Рождества, что и ему, Глебу Бараеву. И это притом, что даже по традиционной версии, дату Р. Х. вычислил Дионисий Малый значительно позже Евсевия. Но главное — не это. Где гарантия, что цифры, упомянутые Тацитом, не взяты им с потолка или не вычислены средневековыми хронологами?

Ватикан начинает датировать свои документы от Р. Х. только в XV (!) веке. Поэтому тогда, и только тогда, появились в обиходе «всемирные хроники», перебрасывающие мостик через «темные века», такие как «История» Пальмьерия Флорентийского, добавившего к хроникам времен Евсевия и Иеронима сразу более тысячи лет.

Создателям каббалистической хронологии даже в голову не могло прийти, что кому-то понадобится НАУЧНАЯ истина. Они искали истину совсем другую. И в нужных им целях кооптировали во всемирную историю любые выдумки. О такой практике Т. Моммзен писал:

«Так вторгся с разных сторон в римскую историографию греческий роман; и более чем вероятно, что из всего, что мы привыкли называть традиционной древней историей Рима, немалая часть заимствована из источников типа «Амадиса Галльского» или рыцарских романов Фуке...»

Или вот, Тит Ливий рассказывает об осаде Рима **галлами** во главе с Бренном. А Виллани называет Бренна **бриттом** и потомком Брута. А вся история Бренна взята из Готфруа Монмаутского и бретонских рыцарских романов. Итак, Виллани пишет о предке, Тит Ливий — о потомке (из

будущего о прошлом), а источником для одного и другого служат рыцарские романы XIII века. Все это не могло не приводить к «неточностям», которые и обнаруживают дотошные историки.

Виллани в XIV веке пишет:

«После похищения Елены цари Менелай, Теламон и Агамемнон, брат Менелая, правивший в ту пору Сицилией, многие другие цари и правители Греции и иных стран собрались и заключили союз, чтобы разрушить Трою».

А по греческим «мифам», Агамемнон был царем не Сицилии, а Микен. Ошибки, конечно, могут быть у всякого: у Виллани, у Фоменко и даже у нас. Но поход ахейцев в Трою относят к XIII веку до н. э., а колонии греков на юге Италии появились несколько столетий спустя,— полагают, в VIII до н. э. Очередной анахронизм? Пустая ошибка, не дающая повода для изучения? Однако по нашей «египетской» синусоиде XIII и VIII века до н. э. находятся на одной линии № 4. Синусоиды наши постепенно уточняются, а «греческая» — это продолжение «египетской». Не поленимся повторить еще раз: синусоида не позволяет выстроить «действительной» истории, она нужна лишь для выяснения, **как** была создана ее нынешняя, традиционная версия.

Мы согласны с историками: сделать переход от относительной временной привязки к абсолютной (в годах от Р. Х.) можно. Только нельзя доказать, что все это имеет отношение к действительному прошлому. До определенного времени единой общей хронологии не существовало, и человек, решивший ее создать, мог пойти двумя путями: а) попытаться узнать, как все было на самом деле (без надежды получить удовлетворительный ответ) или б) придумать самому, как красиво связать между собой отдельные хроники. По этому, второму пути пошел Скалигер. Тут даже нет риска разоблачения, что и показывает вся история развития скалигеровщины.

Авторы многочисленных книжек-«антифоменок» тычут нас в то, что мы, дескать, не знаем источниковедения. А задумываются ли они сами об источниках своих «знаний»?

Нам кажется, мало кто анализирует, как и почему меняются со временем тексты «источников». Например, Виллани написал свою «Новую хронику» в XIV веке. Но первое издание вышло только в XVI. Наивно думать, что издание XVI века повторяет текст рукописи XIV и не несет на себе

груза своего времени. Рукопись самого Виллани, видимо, исчезла. В XVIII столетии вышло новое издание хроники, **«в основу которого** было положено издание XVI века»,— сообщается в предисловии, что значит, оно не просто повторяло текст XVI века, а отличалось и от него тоже. Наконец, для издания XIX века, с которого был сделан русский перевод, использовали невесть откуда взявшийся список якобы сына Виллани 1377 года, в котором остались все анахронизмы предыдущих изданий, но датировки событий уже приведены в соответствие с требованиями XIX века.

Так вот, цифры, что написаны у Виллани-отца или сына, фактами вовсе не являются. Настоящие исторические факты, которые могли бы многое объяснить,— это различия в текстах XIV, XVI, XIX веков. Почему бы историкам не подвергнуть их анализу?

Известный литературовед В. М. Жирмунский писал, что любой ученый, который занимается историей Греции и Рима, должен быть филологом. Почему? Да потому, что он должен для своих новых теорий уметь провести всю работу по первоисточнику с самого начала. «Только тогда с его мнением можно считаться и быть уверенным, что он не плетется в хвосте предрассудков и заблуждений, которые основаны, может быть, на том, что когда-то неправильно прокомментировали текст и неправильно его издали». Причем обратите внимание: о том, что в тексте изначально может быть «туфта», в словах ученого нет ни слова!

И все же он прав: только так можно восстановить более или менее подробную картину событий XIII—XIV столетий. Да, это трудно, если стремиться к абсолютной точности. Но в истории она вообще недостижима! Если, двигаясь «назад», с XX по XVII век прошлое еще можно представить себе в одном варианте, то с XVII по XIV век необходимо рассматривать уже не меньше трех — четырех вариантов. А с XIV по XI век число вариантов разрастается до десяти, а то и больше. И изучать их следует лишь конспективно (по крайней мере, в средней школе). А заглядывать глубже X века — не просто бессмысленно (из-за огромного числа возможных вариантов), но и невозможно.

А историки из всей этой паутины вариантов вытянули одну нить, и рады. Все, кто сегодня верит в реальность многотысячелетней «прерывистой» истории, так или иначе позволяют водить себя за нос, дают возможность манипулировать собой.

В полной мере манипуляцию собою испытала археология. Историки диктуют археологам, что́ им находить, и дают объяснения находкам. Но вот интересно: что происходит, если археологи, наоборот, НЕ НАХОДЯТ чего-то? Рассмотрим простой пример. Археологи не нашли античных стремян. Если бы они их все-таки нашли, можно было ожидать утверждения, что задолго до н. э. люди стремена использовали, а потом «забыли» и заново изобрели в Средневековье. Но так как стремена не найдены, можно говорить лишь о предположении: стремена не были известны в античности.

В этом случае хорошо бы понять, является ли это предположение необходимым. Но какая в том необходимость, если античные галлы и персы имели тяжеловооруженную конницу, и каждый всадник был закован в железо с головы и до пят? Понятно, что такое предположение является предположением сверх необходимости для эпохи, в которую были изобретены масса приспособлений и инструментов, начиная с героновых автоматов и кончая стоматологическими «мостами». А самое поразительное, что эти приспособления и инструменты тоже не найдены археологией (кроме тех явно средневековых артефактов, что откопаны в Помпеях), а историки между тем продолжают рассказывать сказки, что они БЫЛИ в античном мире!

Гуманист XVI века Петр Рамус утверждал, что диалектика есть ars bene disserendi — искусство хорошо рассуждать, выработка правильного метода. Умение рассуждать у наших историков было бы налицо, если б археологи нашли стремена от тех катафрактиев и галлов, что рассекали евразийские просторы, усевшись во всем железе на могучих лошадей. А что до правильного метода, то и его у историков нет. Все их антидиалектические методы требуют предположения (а то и прямого утверждения), что стремян не было — ведь они не найдены! — следовательно, исторический метод антинаучен. Ибо предположение сверх всякой необходимости есть бессмыслица, нелепость, нонсенс.

Похоже, что объяснять это людям, заучившим свое знание, бесполезно. Заявление, сделанное в их «приличном» обществе, что вы являетесь сторонником альтернативной истории, вызывает в лучшем случае саркастическую ухмылку. Однажды мы пришли к ученому геральдику, чтобы прояснить некоторые вопросы о гербах; узнав, кто мы такие, он, зажав рот ладонью, выбежал в коридор и уже там, не стесня-

ясь, долго хохотал. Мы не смогли убедить его даже в том, что «некоторые вопросы» существуют в истории геральдики!

Есть такое кино, в котором призраки пытались напугать пошляков; у них ничего не вышло.

Профанация — это то, что составляет девяносто процентов историографии. Остальные десять процентов, представленные во взвешенной позиции некоторых историософов (А. Тойнби, И. Хейзинги, М. Элиаде и других), подтверждают правильность методов вариативной культурологии, которые мы применяем при анализе «всем известного прошлого». Но большинству эти методы кажутся странны и дики: в них нет утонченности, нет изящества критических исследований «настоящих историков». Как изысканно подает несовместимые жизнеописания одного и того же исторического лица Е. Черняк! И как грубо пытаются совместить биографию — и не абы кого, а Иисуса! — с биографией то ли Юлиана Отступника, то ли еще кого похуже, авторы проекта «Хронотрон». К тому же их «история вверх дном» обладает всеми отличительными признаками модного ныне постмодернизма: парадоксальностью, ироничностью, обильным цитированием.

Да, мы такие. И у нас есть великий предшественник: русский ученый-энциклопедист Н. А. Морозов, 150-летие со дня рождения которого мы собираемся отметить в 2004 году.

«Виртуальная всемирная история, созданная Н. А. Морозовым и его последователями, продолжает свое существование»,— с сожалением отмечает Е. Черняк. Так же, как и виртуальная всемирная история, созданная Иосифом Скалигером, Дионисием Петавиусом и их последователями, добавим мы. Чем отличается «дешевая морозовщина» от «дешевой скалигеровщины», никто из историков так до сих пор и не сумел внятно объяснить. Война, объявленная ими тем, кто выступает против привычной истории,— война священная, война религиозная. А с противоположной, с нашей стороны — какое-то шутовство, ерничество, абсолютно беспринципное поведение, когда утверждаемое в одной книге может быть опровергнуто и заменено другим в другой книге.

А ведь развитие науки только так и может происходить!

Список использованной литературы

Александрия. Роман об Александре Македонском по русской летописи XV века. М.-Л.: Наука, 1966.

Библейская энциклопедия. Репринтное издание. М.: ТЕРРА, 1990.

Богданович М. И. История военного искусства и замечательнейших походов. Военная история средних веков. СПб.: Типография Крайя, 1854.

Большая Советская Энциклопедия в 30 томах. М.: Советская энциклопедия, 1969—78.

Большой энциклопедический словарь. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: Норинт, 2000.

Брикс Г. История конницы. Примечания к «Истории конницы» Денисона. М.: АСТ, 2001.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв., в 3-х томах. М.: Прогресс, 1992.

Будыко М. И. Путешествие во времени. М.: Наука, 1990.

Валянский С. И., Калюжный Д. М. Другая история науки. М.: Вече, 2002.

Валянский С. И., Калюжный Д. М. Другая история Руси. М.: Вече, 2002.

Валянский С. И., Калюжный Д. М. Другая история Средневековья. М.: Вече, 2002.

Валянский С. И., Калюжный Д. М., Недосекина И. С. Введение в хронотронику. М.: АИРО-XX, 2001.

Васильев А. А. История Византийской империи (324—1453), т. 1—2, СПб., 1998.

Вегеций Ф. Р. Краткое изложение военного дела. СПб.: Алетейя, 1996.

Вейс Г. История цивилизации. Архитектура, вооружение, одежда, утварь. В 2-х т. М., «Эксмо-пресс», 2000.

Вельфлин Г. Классическое искусство. Введение в изучение итальянского Возрождения. СПб., «Алетейя», 1999.
Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб.: «Алетейя», 1999.
Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции. М.: Наука, 1997.
Винкельман И. И. История искусства древности. М.: ОГИЗ, 1933.
Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: ИИ МК РАН, 1998.
Вотяков А. А. Теоретическая история. К., София, 1999.
Вотяков А. А. Теоретическая история. К.: София, 1999.
Вридт Х. Опыты биологического исследования пород лошадей и вопросов конеразведения. М.-Л.: Сельхозгиз, 1933.
Всемирная история в 10 томах. М.: Политиздат, Мысль, 1955—1965.
Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., «Художественная литература», 1990.
Гогенлоэ-Ингелфинген К. Беседа о коннице. Варшава, 1895.
Голицын Н. С. Всеобщая военная история древних времен. СПб.: Общественная польза, 1872—1874.
Голицын Н. С. Всеобщая военная история средних времен. СПб., «Общественная польза», 1876.
Грегоровиус Ф. История города Афин в средние века. От эпохи Юстиниана до турецкого завоевания. СПб.: 1900.
Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., «Ди-Дик», 1997.
Давиденко И. В. Ложные маяки истории. Историческая фантазия. М.: Эко-Пресс-2000, 2002.
Давиденко И. В., Кеслер Я. А. Книга цивилизации. Конспект. М.: Экопресс-2000, 2001.
Данте Алигьери. Божественная комедия. М., «Московский рабочий», 1986.
Дарет Фригийский. История о разрушении Трои. СПб.: «Алетейя», 1997.
Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории в 3 томах. СПб.: Наука, Ювента, 1996.
Денисон Дж. История конницы. М.: АСТ, 2001.
Дж. Виллани. Новая хроника, или История Флоренции. М., «Наука», 1997.
Джеймс П. Римская цивилизация. М., «Фаир-пресс», 2000.
Диакон Лев. История. М.: Наука, 1988.
Домини А. У истоков христианства. М., «Политиздат», 1979.
Дюпон Р. Э., Дюпон Т. Н. Всемирная история войн. Харперская энциклопедия военной истории. Спб., «Полигон», 1997.
Дюрер Альбрехт. Трактаты, дневники, письма.— СПб.: Азбука, 2000.
Дятлов В. И. Торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М.: 1996.
Жмудь Л. Я. Техническая мысль в античности, Средневековье и Возрождении. СПб.: Институт истории естествознания и техники, 1995.
Зедделер Б. Обозрение истории военного искусства. СПб.: Иждевением Я. Брифа, 1836.

Зелинский Ф. Ф. Соперники христианства. М.: Школа-Пресс, 1996.
Золотая книга Рима. Casa Editrice Bonetti, 1995.
Иванин М. П. О военном искусстве при Чингисхане и Тамерлане. Алматы: Санат, 1998.
Иоанн Хильдесхаймский. Легенда о трех святых царях. М., «Эпигма, Алетейа», 1998.
Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. СПб., «Алетейя», 1997.
Историография античной истории. М., «Высшая школа», 1980.
История Крестовых походов. Сборник. М., «Крон-пресс», 1998.
История Средних веков. Хрестоматия. М., «Просвещение», 1974.
Калюжный Д. В., Жабинский А. М. Другая история войн. М., Вече, 2003.
Калюжный Д. В., Жабинский А. М. Другая история литературы. От самого начала до наших дней. М., Вече, 2001.
Киган Д., Уиткрофт Э. Кто есть кто в военной истории. С 1453 г. по настоящее время. М.: Дограф, 2000.
Кинрос Л. Расцвет и упадок Османской империи. М.: Крон-пресс, 1998.
Клавихо Р. Г. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура. М., «Наука», 1990.
Клири Т. Японское искусство войны. СПб.: Евразия, 2000.
Книга для чтения по истории Древнего мира. М.: Просвещение, 1981.
Ковалевский М. Родовой быт в настоящем, недалеком и отдаленном прошлом. СПб: 1905.
Комнина Анна. Алексиада. М.: Наука, 1965.
Комовская Н. Д. В стране великого хана. М.: Вузовская книга, 1999.
Кондратов А. М., Шеворишкин В. В. Когда молчат письмена. Загадки древней Энеиды. М.: Наука, 1970.
Коневодство. Донецк: Донеггина, 2000.
Конрад Н. И. Избранные труды. История. М.: Наука, 1974.
Крывелев И. А. История религий. М.: Мысль, 1975.
Крюков Е. И. Порочное зачатие истории в 2-х томах. Волжский, Старая башня, 2002.
Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб.: «Алетейя», 2001.
Лависс Э., Рамбо А. Эпоха Крестовых походов. Смоленск, «Русич», 2001.
Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Сретенск: МЦИФИ, 2000.
Леер Г. Опыт критико-исторического исследования законов и искусства ведения войны (положительная стратегия). СПб.: Общественная польза, 1871.
Леонардо да Винчи. Суждения о науке и искусстве.— СПб.: Азбука, 2001.
Летописец Еллинский и Римский. В 2-х томах. Спб.: Дмитрий Буланин, 1999—2001.
Ли Г. Ч. История инквизиции в Средние века в 2-х т. М.: Ладомир, 1994.
Лиддел Гарт Б. Энциклопедия военного искусства. Стратегия непрямых действий. М.: АСТ, СПб.: Terra fantastica, 2001.
Лукан Марк Анней. Фарсалия. М., «Ладомир» — «Наука», 1993.

Лучицкая С. И. Образ другого. Мусульмане в хрониках Крестовых походов. СПб.: «Алетейя», 2001.
Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., «Мысль», 1997.
Маховский Я. История морского пиратства. М.: Наука, 1972.
Меринг Ф. История войн и военного искусства. М.: АСТ, СПб.: Полигон, 2000.
Мишо Г. История Крестовых походов. М., «Алетейа», 1999.
Нефедкин А. К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI—I вв. до н. э.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
Нолан. История и тактика кавалерии. СПб.: Общественная польза, 1871.
Обозрение истории военного искусства. СПб.: 1856.
Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987.
Очерки технологии древнейших производств. Сборник. М.: Наука, 1975.
Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М., «Наука», 1969.
Памятники мирового искусства. Искусство Древнего Востока. М., «Искусство», 1968.
Памятники мирового искусства. Искусство Италии XVI века. М., «Искусство», 1967.
Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков. М., «Наука», 1972.
Пасыпкин Е. А. Военное искусство Древнего Египта. СПб.: Общество ревнителей военных знаний, 1901.
Пенник Н., Джонс П. История языческой Европы. СПб., Евразия, 2000.
Перес де Ита Х. Повесть о Сегри и Абенсеррахах. М.: Наука, 1981.
Перкис Дж. Греческая цивилизация. М.: Фаир-пресс, 2000.
Песнь о Роланде. М., «Гослитиздат», 1958.
Петрарка Ф. Сочинения философские и политические. М.: Росспэн, 1998.
Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: Росспэн, 1995.
Похлебкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в 1238—1598 гг. М.: Международные отношения, 2000.
Придорогин М. И. Конские породы. М.: 1928.
Проблемы абсолютного датирования в археологии. Сборник. М.: Наука, 1972.
Пузыревский А. К. Исследование боя в древние и новейшие времена. СПб.: Комиссионер Военно-учебных заведений, 1911.
Разин Е. А. История военного искусства в 5-ти томах. СПб.: Полигон, 2000.
Ран О. Крестовый поход против Грааля. М.: АСТ, 2002.
Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. М., Политиздат, 1990.
Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.-Л.: АН СССР, 1950.
Сахаров В. История конницы. Курс офицерской кавалерийской школы. СПб.: Типография П. Пожарского, 1889.
Свечин А. История военного искусства. М.: 1922.

Сендерленд И. Т. Священные книги в свете науки. Западное издательство, 1925.
Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб.: «Алетейя», 1998.
Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.: Воениздат, 1955.
Табов И. Закат старой Болгарии (Новая хронология Балкан). М.: Крафт +, 2000.
Тараторин В. В. История боевого фехтования. Развитие тактики ближнего боя от древности до начала XIX века. Минск: Харвест, 1998.
Тараторин В. В. Конница на войне. История кавалерии с древнейших времен до эпохи наполеоновских войн. Минск: Харвест, 1999.
Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник. М.: Наука, 1977.
Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в 2-х томах. М.-Л.: АН СССР, 1941.
Типы в культуре. Сборник. Л.: ЛГУ, 1979.
Тит Ливий. История Рима от основания города. М., «Наука», 1994.
Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1936.
Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс, Культура. СПб.: Ювента, 1995.
Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1995.
Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.
Трухина Н. Н. История Древнего Рима. М., «Международные отношения», 1994.
Успенский Ф. И. История Византийской империи. Восточный вопрос. М.: Мысль, 1997.
Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности. История Крестовых походов. М.: Мысль, 2001.
Фронтин С. Ю. Военные хитрости (стратегемы). СПб: «Алетейя», 1996.
Харботл Т. Битвы мировой истории. М.: Внешсигма, 1993.
Хейзинга И. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс, Традиция, 1997.
Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., «Наука», 1986.
Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., «Наука», 1990.
Шичалин Ю. Античность. Европа. История. М., «Греко-латинский кабинет», 1999.
Юлий Цезарь. Записки о галльской войне. СПб., «Азбука», 1998.
Яковлев В. В. История крепостей. М.: АСТ, СПб.: Полигон, 2000.

«Синусоиды» А. М. Жабинского

Стандартная «греческая» синусоида: 4-й трак	3-й трак	2-й трак	1-й трак	Линии веков №	«Римская» волна
	—I		XVII	- 9 -	
	—II	I	XVI -	- 8 -	
	—III	II	XV -	- 7 -	—1/3 III 1/3 III
	—IV	III	XIV -	- 6 -	—2/3 III —II II 2/3 III
—XIV	—V	IV	XIII -	- 5 -	—3/3 III —I I 3/3 III
—XIII	—VI	V	XII -	- 4 -	—IV IV
—XII	—VII	VI	XI -	- 3 -	
—XI	—VIII	VII	X -	- 2 -	
—X	—IX	VIII	IX -	- 1 -	

Греческая синусоида с «арабской» волной	Реальная история	Линии веков №	«Византийская» волна
-1 17	XVII -	- 9 -	
1 11 16	XVI -	- 8 -	-
2 10 12 15	XV -	- 7 -	-
3 9 13 14	XIV -	- 6 -	VII XI XV
4 8 13	XIII -	- 5 -	VI VIII X XII XIV -
5 7 12	XII -	- 4 -	IV V IX XIII -
6 11	XI -	- 3 -	
7 10	X -	- 2 -	
8 9	IX -	- 1 -	

Ассирийско-египетская синусоида	Линии веков №	Реальная история
—1 -	- 9 -	XVII -
—2 1 -	- 8 -	XVI -
—3 2 -	- 7 -	XV -
—19 —18 —4	- 6 -	XIV -
—27 —17 —14 —11 —7 —5 4 -	- 5 -	XIII -
—28 —26 —15 —13 —10 —9 —8 —6 5 -	- 4 -	XII -
—29 —25 —21 —20 —16 —12 6 -	- 3 -	XI -
—30 —24 7-	- 2 -	X -
—31 —23 8	- 1 -	IX -
—32 —22 -	- 0 -	VIII -
—33 -	- 0 -	VII -

Содержание

Вступление 3

История и время
Проблема хронологии 8
Стержень истории войн 11
Нумерологи, авторы «истории» 16
Хронология без гвоздя 25
Фальсификация 36

На суше и на море 51
Битвы и походы 74
По морям, по волнам 90
Катапульты и огнеметы 99
«Провалы» в эволюции ....

Конница и пехота 109
Стратегия Европы и Византии 128
Рыцари на коне 138
Конь под рыцарем 149
В броне, но без стремян 157
Фантастические колесницы 168
Появление пехоты 173
Пехота как род войск 181
Культура, варварство и артиллерия ....

Монголо-парфяне 187
Версии XIII века 287

Военная тактика «мусульман» 204
Параллели с «древностью» 211
Византийская культура «монголов» 221

Некоторые загадки

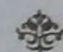
Загадка XII века 233
Культурный переворот XIII века 251
Стены и башни крепостей 258
Скифы-ювелиры 268
Эпилог 275

Список использованной литературы 282

Синусоиды А. М. Жабинского 286

МНОГОМЕРНОЕ ПРОШЛОЕ:
Культурологическое исследование

В ТРЕХ ТОМАХ



Том третий

С. И. Валянский, Д. В. Калюжный, А. М. Жабинский

О солдатах, кораблях и арбалетах

Редакторы *О. Замшева, Ю. Денисова.* Художественный редактор *И. Марев.*
Технический редактор *Л. Платонова.* Корректор *Т. Мельникова*

Изд. № 0403186. Подписано в печать 5.12.03 г. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 17,55. Заказ № 0314690.

ТЕРРА—Книжный клуб. 115093, Москва, ул. Щипок, 2.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Трехтомник «Многомерное прошлое» представляет иное видение всей мировой истории, иную точку зрения на имеющиеся факты. Авторы ставят под сомнение достоверность официально принятой хронологии и, в частности, событий, составивших историю искусства, предлагая собственную характеристику «действующих лиц». Например, на достоверных исторических фактах доказывается, что именно в XIII–XV веках были созданы произведения Аристофана, Софокла, Аристотеля и других. С позицией авторов можно спорить, но над их выводами стоит задуматься.

ISBN 5-275-00893-7